IIL | Индоиранские языки
Indo-Iranian Languages

2 2 2026

УДК 81.52
ББК 811.21/22
И60

Индоиранские языки. 2026. — Том 2. № 2. — 220 с.

Indo-Iranian languages. 2026. — Vol. 2. No. 2. — 220 p.

Институт Лингвистических Исследований
Российской академии наук

Учредитель и издатель журнала:
Институт лингвистических исследований РАН

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе
анонимного независимого рецензирования

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive

Электронный адрес редколлегии журнала: editors@indo-iranian.org

Сайт: https://indo-iranian.org

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-89248 от 17.03.2025

ISSN (печатное издание) 3034-6800
ISSN (электронное издание) 3034-6819
DOI журнала 10.30842/30346800
DOI номера 10.30842/30346800.2026.2.2

© ИЛИ РАН, 2026
© Редколлегия журнала, 2026

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

IIL | Индоиранские языки

Том 2. № 2

2026

Главный редактор:

А. П. Выдрин — к. филол. н., ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Заместители главного редактора:

О. И. Беляев — к. филол. н., МГУ; ИЯз РАН (Москва)

В. А. Плунгян — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЯз РАН (Москва)

Секретарь редакции и отдела рецензий:

Ю. В. Мазурова — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Редакторы:

А. О. Бадеев — ИЯз РАН; НИУ ВШЭ (Москва)

Ю. Ю. Макаров — Кембриджский университет (Великобритания); ИЯз РАН (Москва)

А. Д. Подгорная — ИЯз РАН (Москва)

Редакционный совет:

А. Абби — PhD, проф., Университет Джавахарлала Неру (Дели, Индия)

М. Дабир-Мукаддам — PhD, проф., Университет имени Алламе Табатабаи; Академия персидского языка и литературы (Тегеран, Иран)

Ю. А. Дзиццойты — к. филол. н., Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова; Юго-Осетинский НИИ им. З. Ванеева (Цхинвал, Южная Осетия)

Л. Р. Додыхудоева — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)

Б. А. Захарьин — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

В. Б. Иванов — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)

Н. Н. Казанский — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

А. И. Коган — д. филол. н., Институт востоковедения РАН (Москва)

А. Корн — PhD, Национальный центр научных исследований (Париж, Франция)

Л. И. Куликов — к. филол. н., Гентский университет; Католический университет Лувена (Бельгия)

М. Й. Кюммель — Dr. habil., проф., Йенский университет имени Фридриха Шиллера (Германия)

П. Б. Лурье — к. филол. н., Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Т. И. Оранская — проф., Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

А. В. Росси — проф., Университет Востока (Неаполь, Италия); Международная ассоциация исследований Средиземноморья и Востока (Рим, Италия)

И. Хегедюш — Dr. habil., проф., Печский университет (Венгрия)

Л. В. Хохлова — к. филол. н., МГУ (Москва)

Д. И. Эдельман — д. филол. н., проф., ИЯз РАН (Москва)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

IIL | Indo-Iranian Languages

Volume 2. No. 2

2026

Editor-in-chief:

Arseniy P. Vydrin	Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

Deputy editors:

Oleg Belyaev	Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Vladimir A. Plungian	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Managing & review editor:

Julia V. Mazurova	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Associate editors:

Artyom O. Badeev	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; HSE University
Yury Makarov	University of Cambridge; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Anastasia D. Podgornaia	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

Anvita Abbi	Jawaharlal Nehru University
Mohammad Dabir-Moghaddam	Allameh Tabataba'i University; Academy of Persian Language and Literature
Leili R. Dodykhudoeva	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Yury A. Dzitstsoity	A. A. Tibilov South Ossetian State University; Z. Vaneev South Ossetian Research Institute
Joy I. Edelman	Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Irén Hegedűs	University of Pécs
Vladimir B. Ivanov	Lomonosov Moscow State University
Nikolai N. Kazansky	Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Liudmila V. Khokhlova	Lomonosov Moscow State University
Anton I. Kogan	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Agnes Korn	Centre national de la recherche scientifique
Leonid Kulikov	Ghent University; Université catholique de Louvain
Martin J. Kümmel	Friedrich-Schiller-Universität Jena
Pavel B. Lurje	The State Hermitage Museum
Tatiana I. Oranskaia	Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences
Adriano V. Rossi	Università degli Studi di Napoli “L’Orientale”; Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
Boris A. Zakharyin	Lomonosov Moscow State University

Содержание

Matteo De Chiara. Pashto demonstrative and deictoid pronouns: Anaphora, deixis and pleonasm 9

А. А. Левитская. О «возрасте» грамматической категории вида в современном осетинском языке: история и реалии 44

А. В. Прокопьева. Расщепленное маркирование реципиента в иронском диалекте осетинского языка 73

О. В. Тужик. Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка 101

Р. В. Ронько, В. Д. Тимофеева. Субстантивное число в шугнанском языке: корпусное и экспериментальное исследование 117

Н. И. Киреев, В. А. Плунгян. Новые архивные материалы к биографии С. И. Климчицкого: об одной забытой странице истории памироведения 147

Рецензии

А. А. Трофимов. [Рецензия на:] ***Axel I. Palmér.*** *Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian*. xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025 198

Contents

Matteo De Chiara. Pashto demonstrative and deictoid pronouns: Anaphora, deixis and pleonasm 9

Alina A. Levitskaya. On the "age" of the grammatical category of aspect in modern Ossetic: History and realia 44

Anna V. Prokopeva. Split recipient marking in Iron Ossetic 73

Olga V. Tuzhik. Subject properties and differential object marking in modern Iron Ossetic 101

Roman V. Ron'ko, Victoria D. Timofeeva. Nominal plurality in Shughni: A corpora and experimental study 117

Niyaz I. Kireyev, Vladimir A. Plungian. New archival sources on the life of Sergey Klimchitsky: A forgotten chapter in the history of Pamir linguistics 147

Reviews

Artem A. Trofimov. [Review of:] ***Axel I. Palmér.*** *Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian*. xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025 198

Pashto demonstrative and deictoid pronouns: Anaphora, deixis and pleonasm

Matteo De Chiara

INaLCO, CeRMI (Paris, France);
matteodechiara76@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8083-2303

Abstract. This article deals with certain classes of pronouns, in particular demonstratives and directionals or deictoids, in Pashto. After a theoretical introduction, I present each of the two categories, first providing a complete inventory of their uses and forms in Pashto, then hypotheses of etymological derivation, and finally a discussion of their functions and semantics, using numerous examples taken from various sources, above all from collections of oral texts. Pashto has two sets of demonstratives, one for proximal — *dā* 'this' and derived forms, and one for distal — (*h*)*ā* 'that' and derived forms. It also has three deictoids, one for each of the three persons: *rā* 'I, we', *dar* 'you', and *war* 'he/she, they'. Demonstratives and deictoids are especially linked to the expression of anaphora and deixis. In particular, the following functions are emphasised for demonstratives: exophoric use, anaphoric use, discourse deictic use and recognitional use. I also identify various functions for deictoids: pronominal, directional and discursive. The latter is particularly illuminating and allows drawing more general conclusions. Specifically, I attribute pleonastic function to the phrase *če kəm day*, literally 'which is which': its use is fully comparable to that of the discursive deictoid *rā*. This pleonastic use is mainly oral and limited to certain formulae; pleonasm appears to be essentially an oral phenomenon, including in Pashto.

Keywords: demonstrative pronouns, deictoids, anaphora, deixis, pleonasm, Pashto

Acknowledgements. I would like to warmly thank Arseniy Vydrin, Julia Mazurova and the anonymous reviewer for their useful and pertinent comments and remarks, which have greatly improved my article and allowed me to advance my thinking. Of course, all errors remain mine.

For citation: De Chiara M. Pashto demonstrative and deictoid pronouns: Anaphora, deixis and pleonasm. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2(2). P. 9–43.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.1

© Matteo De Chiara, 2026

Указательные и дейктоидные местоимения: анафора, дейксис и плеоназм

Маттео Де Кьяра

Национальный институт восточных языков и культур,
Центр изучения иранского мира (Париж, Франция);
matteodechiara76@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8083-2303

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые классы местоимений, в частности указательные и направительные, или дейктоидные, в языке пушту. Эти две группы анализируются в диахроническом и типологическом аспектах с целью рассмотрения их функций. Указательные и дейктоидные местоимения в особенности связаны с выражением анафоры и дейксиса: в статье приводятся примеры их плеонастического употребления в пушту, главным образом из устной речи.

Ключевые слова: указательные местоимения, дейктоидные местоимения, анафора, дейксис, плеоназм, пушту

Благодарности. Я хотел бы горячо поблагодарить А. П. Выдрина, Ю. В. Мазурову и анонимного рецензента за ценные и проницательные комментарии и замечания, которые помогли значительно улучшить статью. Безусловно, все оставшиеся ошибки на совести автора.

Для цитирования: De Chiara M. Pashto demonstrative and deictoid pronouns: Anaphora, deixis and pleonasm. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 9–43.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.1

1. Introduction

In this article, I focus on some of the ways to express deixis and anaphora in Pashto and on pleonastic expressions linked to pronouns. In particular, I will examine demonstrative and directional or "deictoid" pronouns, presenting all their forms and uses from both the diachronic and typological points of view.

I will leave aside personal and other types of pronouns, given the distinction between personal pronouns and the so-called "proforms", which, according to Bhat's terminology, include demonstrative, interrogative, relative and indefinite pronouns [Bhat 2004: 9–11]:

> There is, thus, an important functional distinction between personal pronouns and proforms. The former are used for denoting speech roles and for indicating their involvement in the events or states that the sentences in which they occur describe, whereas the latter are used for locating the participants of events, or the events themselves with reference to the speech context, or for indicating the scope of questions, negations, etc. ⟨...⟩ Languages tend to dissociate personal pronouns from any of the identifying characteristics of their referents. ⟨...⟩ There is no comparable restriction concerning the association of proforms with information regarding their referents.

More specifically, in his view, the proforms would be:

"Two-element expressions that indicate a general concept and a function such as (i) locating an entity, (ii) denoting one's lack of knowledge about an entity, (iii) obtaining information about an entity, (iv) identifying an entity as the same as the one denoted by some other expression, (v) relating an entity with some other entity in which that general concept is employed" [Ibid.: 273].

In other words, it is about "terms that are used for carrying out different functions like (i) identifying the participants of an event by locating them with reference to the spatio-temporal location of the speech act participants (or indicating the location, time, manner, etc. of the event itself in a similar fashion), (ii) referring back (or forward) to other expressions that occur in the utterance or in previous utterances, or (iii) indicating the scope of a question, negation, or exclamation" [Ibid.: 6–7].

As for anaphora[1] and deixis, these are two fairly well-known and well-studied procedures. Already in 1933, in an article titled "L'anaphorique prussien *din* et le système des démonstratifs indo-européens", É. Benveniste provided a clear and detailed characterization of them, in particular by stating that while deixis refers to an external object, anaphora is a process of internal recall within the discourse. "[T]he anaphoric is to the demonstrative what the demonstrative is to the object shown: it does not refer to the thing, but to the previously formulated notion of this thing. It is the sign of a sign"[2] [Benveniste 1933: 125].[3]

[1] See also [Huang 2000].

[2] "L'anaphorique est au démonstratif ce que le démonstratif est à l'objet montré : il ne renvoie pas à la chose, mais à la notion antérieurement formulée de cette chose. Il est le signe d'un signe." All translations from other languages in the text are mine.

[3] Cf. also [Benveniste 1956] and the interesting remarks by [Laczkó 2010].

Benveniste analytically contrasted anaphorics and deictics (see [Ibid.: 124]) and went on to conclude that the difference between deixis and anaphora "is not one of degree or in the greater or lesser emphasis given to the indication. Each of the two processes denotes a distinct conception of deictic determination"[4] [Ibid.: 125].

2. Demonstrative pronouns

2.1. Inventory of Pashto demonstrative pronouns

As a general characterization of the demonstratives,[5] necessary before moving on to analyze the Pashto data, it is important to note that among the proforms, "[d]emonstrative proforms are primarily used for locating an entity in the speech context. They have extended anaphoric uses in most languages, but many languages have special sets of proforms for carrying out this function" [Bhat 2004: 198].

According to Diessel's laconic statement, "demonstratives are deictics" [Diessel 1999: 35]. However, "[i]n addition to deictic information, demonstratives usually provide some qualitative information about the referent" that fall into six categories: "(i) ontology, (ii) animacy, (iii) humanness, (iv) sex, (v) number, and (vi) boundedness" [Ibid.: 47].[6]

From a syntactic point of view, demonstratives, according to [Ibid.: 57], are used in four different contexts: demonstrative **pronouns**, if used as "independent pronouns in argument positions of verbs and adpositions";[7] demonstrative **determiners**, if "they occur together with a noun in a noun phrase"; demonstrative **adverbs**, if "they may function as locational adverbs modifying a co-occurring verb"; and demonstrative **identifiers**, if "they are used in copular and nonverbal clauses". This seems to be the best systematization, and I will also stick to it for Pashto.

---

[4] "[L]a différence n'est pas de degré ni dans l'insistance plus ou moins forte apportée à l'indication. Chacun des deux procédés dénote une conception distincte de la détermination déictique."

[5] On demonstratives, also see [Dixon 2003, Plungian 2011], in particular [Ibid.: 238], and [Levinson 2018].

[6] Also see [Diessel 2013].

[7] See also [Bhat 2005].

Moreover, Diessel [1999: 113–114][8] distinguishes four pragmatic uses of demonstratives in discourse and face-to-face conversations: exophoric,[9] anaphoric,[10] discourse deictic,[11] and recognitional[12] uses.

The topic of Pashto demonstrative pronouns is not particularly problematic. Pashto demonstrative and deictoid pronouns have been treated quite comprehensively in Boyle David's grammar [2014], who makes an important point by devoting a long chapter (28 pages) to the topic, without, however, going beyond a general presentation.[13]

As is often the case, A. L. Gryunberg's Pashto grammar [1987] deals with the subject concisely but comprehensively, adding some details, which are not mentioned elsewhere. One of these is the statement in [Ibid.: 80] that "demonstrative pronouns may precede a possessive pronoun in a chain of attributes if the possessive pronoun does not carry an emphasized logical emphasis".[14] Cf.:

(1) *os* ***hamāγa*** *ʒmā xabara riχtiyā-šwa.*
now those my word became_correct
'Now those very words of mine turned out to be correct.' [Gryunberg 1987: 80][15]

[8] See also [Feuillet 2006: 256–265].

[9] "Exophoric demonstratives are primarily used to orient the hearer in the speech situation. They focus his or her attention on entities in the world outside of discourse and they are often accompanied by a pointing gesture."

[10] "Anaphoric demonstratives are coreferential with a noun or noun phrase in the previous discourse; they keep track of discourse participants that are contrastive, emphatic and somewhat unexpected."

[11] "Discourse deictic demonstratives do not track continuing topics; rather, they express an overt link between two propositions or speech acts."

[12] "Recognitional demonstratives activate private hearer's old knowledge. They mark new discourse referents that speaker and hearer know from common experience in the past."

[13] V. A. Livshits's dissertation from 1952 has not been widely circulated, and the same goes for his two articles from 1956 and 1959, which were drawn from the dissertations, cf. [Livshits 1952; 1956; 1959]: although they represented useful and interesting systematizations at the time, it will now suffice to refer to the works of Gryunberg and Boyle David.

[14] "...указательные местоимения могут предшествовать притяжательному местоимению в определительной цепи, если притяжательное местоимение не несет на себе подчеркнутого логического акцента."

[15] I adapted the transcription to my own: see [De Chiara 2022].

However, “the demonstrative pronoun, as a general rule, takes place after the possessive”:[16]

(2) *də zmā* ***dā*** *ǰumle wāwrede.*
he my this sentence heard
‘He heard these sentence of mine.’ [Gryunberg 1987: 94]

As in most Indo-European languages, in Pashto there are two basic demonstrative pronouns, *dā* (oblique *de*) and (*h*)*ā*, proximal and distal respectively, with *dā* also playing the role of a neutral demonstrative pronoun. Through addition of particles, suffixes and prefixes, these two pronouns, in which the essential elements are represented by *d-* for the proximal and *h-* for the distal, give rise to two series of deictics, one always proximal and the other distal:[17]

dā ‘this’	*dáɣa* ‘this, he’	*daɣuy* ‘they’
(*h*)*ā* ‘that’	*háɣa* ‘that, he’	*haɣuy* ‘they’

daɣase ‘that kind of’	*hamdaɣa* ‘this very one’	*hamdaɣase* ‘this same’
haɣase ‘thus, in that way’	*hamaɣa* ‘that very one’	*hamaɣase* ‘that same’

dumra ‘so much’	*dāse* ‘such, thus’	*dəlta* ‘here’	etc.
humra ‘so much’	*hāse* ‘such, thus’	*halta* ‘there’	etc.

As the anonymous reviewer remarks, Boyle David [2014: 172–176], among others, mentions three series of Pashto demonstratives: *daɣə* (proximal), *haɣə* (medial) and *huɣə*/*hāɣə* (distal). I have, however, found no evidence among speakers or in the literature of the distinction between the medial and distal forms mentioned in that grammar, and the author herself does not provide any. J. I. Edelman [1990: 220–221] offers a more detailed overview and assumes that *háɣa*/*háɣe* “indicate distance”,[18] while *húɣa*/*hóɣa* “point to a distant object that is difficult to see and unknown; rarely used in literary language”.[19] J. I. Edelman’s presentation is more precise and could actually show the diachronic

[16] “...указательное местоимение по общему правилу занимает место после притяжательного.”

[17] See [Aslanov 1966; Pashtoon 2009].

[18] “...обозначают удаленность.”

[19] “...указывают на далекий, трудноразличимый, неизвестный предмет; малоупотребительны в литературном языке.”

evolution of the medial and distal pronoun system. However, I believe that this opposition, even if it existed in the past, is a purely artificial speculation nowadays.

The demonstrative adjective-pronouns *dayа*, *hayа* decline and have a masculine and a feminine, a direct and an oblique forms:

Table 1. Declension of *dayа* and *hayа*

	M	F	M	F
dir	*dayа*	*dayа*	*hayа*	*hayа*
obl	*dayə*	*daye*	*hayə*	*haye*

Lane [1961: 469–470] explains clearly the productivity of this mechanism: "It is well known that by use a demonstrative tends to become weaker and weaker in its deictic force, and is therefore continually reinforced by being compounded with itself or with other demonstratives or with adverbs. These compounds furnish the needed emphasis for a time, but they in turn likewise become weakened and the process must be repeated". This process is more or less always the same [Ibid.: 470]: "[A]n inflected form, or at least a petrified inflected form, is added to another originally inflected form, with eventual transfer of inflection to the final element and with retention of the petrified inflectional form as the stem".

In fact, since *h* in Pashto tends to never be pronounced, except in "elegant"[20] contexts, the pronominal stem disappears, so that the addition of further elements becomes indispensable. The distal *ā* is found very rarely: essentially, we can say that it is confined to the expression *ā xwā de xwā* 'everywhere', lit. 'that side, this side'.

The quote from Lane also explains well the use of new formations, for now limited to oral use, consisting in adding expressions such as *če kəm day*, literally 'which is that', even more literally 'which is which' (see below) to the basic demonstrative. This expedient is analogous, for example, to that of the French *ceci*, *celui-ci*, *cela*, *celui-là*, etc.

[20] These phonemes "quel que soit le dialecte, ne sont réalisés que dans un registre soutenu (sous l'influence du persan ou de l'ourdou et de l'arabe)" ["regardless of the dialect, are only pronounced in formal speech (under the influence of Persian or Urdu and Arabic)"] ([De Chiara, Septfonds 2019: 13], following a convention initiated by [Penzl 1955]).

2.2. Etymology of Pashto demonstrative pronouns

The etymology of these two pronouns, *dā* and (*h*)*ā*, is known: they go back respectively to Ir. **aita-* [EP: 8; EVP: 20–21; Edelman 1986: 165; NEVP: 22; De Chiara forthcoming a] and to Av. *ha-*, Skt. *sa-* [EP: 10; EVP: 30; NEVP: 35].[21] Some doubts remain about the rendering of **-t-*, because in intervocalic position it tends to pass to Pashto *-l-*: however, since all examples showing this outcome are represented by pronouns, it must be inferred that they must have undergone special phonetic treatment [De Chiara forthcoming a].

Clearly, the two pronouns date back to IE. **í-* 'the said, the mentioned; this' and **só-* 'the said, the already mentioned; he, she'. The first is deictic and anaphoric [Dunkel 2014, 2: 363–374], used with various extensions, as in the case of **aita-* with **tó-* (**eį́-Ø tó-*); it is found in IIr. **aį́tá-* 'this (known here)', Arm. *ayd* 'the one with you' and, may be, also in Lit. *ìtas* 'this very same' and eastern Lett. *itis* 'this', both derived from IE. **i-Ø to-*. In Av. it is represented by *aēta-*, *aētā-* 'this', in Ved., by *etá-*, *etā́-*, nominative M *aēša*, F *aēša*, N *aētaṯ* [Beekes 1988: 139–140; Hoffmann, Forssman 2004: 165–169; Martínez, de Vaan 2014: 72–75], in OPrs. by *aita-* 'this' [Brandenstein, Mayrhofer 1964: 67–68; Brust 2018: 65–67; Benvenuto, Pompeo 2022: 83–87].

The second pronoun is equally an anaphoric [Dunkel 2014, 2: 732–745], found in IIr. **sá*, but also in Germ. **sa* 'this', in Gr. *ó*, anaphoric pronoun and article, in Celt. **so-* 'this', etc. It is represented in Av. by *ha-*, *ta-* 'this', corresponding to Skt. *sá*, *sā́*, *tád*, nominative M *hā*, F *hā*, and N *taṯ*, while in OPrs. it is *a-* 'this'.

As for the suffix *-γ-* found in demonstratives, it can also be used in third-person personal pronouns, singular (*daγa-haγa*) or plural (*dayuy-haγuy*); see Morgenstierne [EVP: 30; NEVP: 35], cf. also [EP: 51]. It is comparable with the emphatic particle Skt. *ghā* in *sa ghā* 'he indeed', in Gr. γε, derived, according to [Dunkel 2014, 2: 285], from IE. **g^{h}o-h$_1$*, from **-g^{h}o*, and it is also found in Lat. **hō-* 'here', etc.[22]

[21] Edelman [1990: 220–221] derives (*h*)*ā* (series II) from **a-* with prothetic *h-* and *hu* (series III) from **aų́a-*, with *h-* on the analogy with series II, or from **hau-* (**hāu*), following [Livshits 1956].

[22] As the anonymous reviewer remarks, for the Iranian parallels, cf. also the Yazghulami emphatic particle *ɣa* [Morgenstierne 1974: 35].

In the diachronic perspective that I adopt here, after having traced the etymological origins of the current demonstrative pronouns of Pashto, I propose a reverse analysis to establish what became of the ancient Indo-European (and then Iranian) demonstratives in Pashto, whether they managed to survive and in what form.

Indeed, not all demonstratives existing in the ancient Iranian languages, Avestan and Old Persian, as well as in Indo-European, find correspondences in the Pashto system of demonstrative pronouns. In fact, in Avestan we find, in addition to the pronouns addressed above, also the following pronouns representing, though, secondary formations of the abovementioned *ha-*, *ta-* 'this':

- *hau-*, *auua-*, absent in Ved., nominative M *huuō*, F *hāu*, N *auuaṯ*, where *hau-* may be derived from "**sa*, **sā* + *u*, or perhaps **au* with an added *s-* taken from *sa*" [Beekes 1988: 139], while *ava-* would be derived from **h*$_2$*eu*;
- *a-*, *i-* with *ima-* and *anā* 'this here', Ved. *a-*, *i-*, *imá-*, nominative M *aiiəm*/*aēm*, F *īm*, N *imaṯ*;
- *hī*, derived from IE. **Hih*$_2$; and
- *hai*, corresponding to OPrs. *šaiy* and continuation of IE. **soi*.

The two Avestan pronouns, *auua-* and *a-*, and their equivalents can be found in the Pashto deictoids (see below).

In Old Persian, a similar composition of the demonstrative system can be found with the following pronouns:[23] *ana-* 'this'; *hauv*/*hauvam*, *hauv*, *ava*/*avaščiy* 'that'; *iyam*, *iyam*, *ima* 'this'.

For the Indo-European period, in addition to the two already mentioned pronouns, we can also reconstruct the following demonstrative pronouns as listed in [Dunkel 2014]:[24]

[23] The numeral *aiva-* 'one, the one, a certain' can be used sometimes as an indefinite article; see [Benvenuto, Pompeo 2022: 94].

[24] The list of Iranian demonstrative pronouns and their Indo-European antecedents provided by Edelman [1990: 55–56] is much longer. She lists (m, f): 1) **a-*, **ā-* < IE. **o-*, **ā-*; 2) **ai-*: *i-*, *ī-* < IE. **ei*/*oi*; 3) **ha-*, **hā-* < IE. **so*/*se-*, **sā-*; 4) **ta-*, **tā-* < IE. **to-*, **tā-*; 5) **aṷa-*, **aṷā-* < IE. **oṷo-*, **oṷā-*; 6) **hṷ-*, **hṷā-* < IE. **sṷo-*, **sṷā-*; 7) **ima-*, **iṷa-*, **aṷa-*; 8) **ai-ša-*, **ai-sā-* < IE. **ei*/*oi-* + *so-*, *sā-*; 9) **ai-ta-*, **ai-tā-* < IE. **ei*/*oi-* + *to-*, *tā-*; 10) **ai-ṷa-*, **ai-ṷā-* < IE. **ei*/*oi-* + *ṷo-*, *ṷā-*; 11) **ana-*, **anā-* < IE. **o-* + *no-*, *nā-*; 12) **ai-na-*, **ai-nā-* < IE. **ei*/*oi-* + *no-*, *nā-*; 13) **hau-*, **hāu-* < IE.

- **áno-* ‘that’, maybe in Ved. *áraṇa-* ‘far’ from IE. **ól ano-* (?);
- **au̯ó-* ‘that’, Ved. *avóṣ*, GEN.DU ‘of these two’, Ir. **au̯a-* ‘that’, Av. *auuat̰*, OPrs. *ava*;
- **é* ‘as said’, anaphoric, Ved. *áha* ‘then’;
- **e-* ‘the said’, Ved. *asáu* ‘that’, Av. *ə̄* ‘he’;
- **í-* ‘this’, Ved. *ená-* ‘he’ (?);
- **ḱe*, **ḱi* ‘this, here’;
- **ḱó-*, **ḱí-* ‘this’;
- **s(i)i̯ó-* ‘this’, Ved. *syá*, *siá*, OPrs. *haya*;
- **tó-* ‘aforementioned’, pronoun and anaphoric, Ved. *tám*, *té*, *tád*, Av. *tə̄m*, *tōi*, *tat*.

As to the functions of the demonstratives, it may be useful to cite [Benvenuto, Pompeo 2022: 84] for Old Persian: “The forms cited are used both as determiners of nouns ⟨...⟩ and as pronouns ⟨...⟩ agreeing in gender and number with the name of the referent that they identify in the act of enunciation. ⟨...⟩ Within the nominal syntagm, if other elements are needed with it, the demonstrative occupies, with very rare exceptions, the first position of the sequence”.[25]

Benvenuto and Pompeo [2022: 84–86] continue:

> The referent of a demonstrative used as a deictic can be (see Filippone 2005):
>
> a. an element of the co-text (**endophoric or textual deixis**): the reference can be to what has already been previously introduced in the text and in this case we speak of an **anaphoric function**, expressed in Old Persian by *aiti̯a* (see Repanšek 2017) and above all by the demonstrative of distance used both as a pronoun ⟨...⟩ and as a determiner of a noun ⟨...⟩. ⟨...⟩ If instead the reference is to something that follows in the text, the demonstrative of proximity is used in a cataphoric and proleptic function with respect to a nominal syntagm or an entire sentence ⟨...⟩

**so-*, **sā-* + *u*; 14) **amu-*; 15) **hiu̯a-*, **hiu̯ā-*; **tiu̯a-*, **tiu̯ā-*; 16) **ś(i)i̯a-*, **ś(i)i̯ā-* < IE. **ḱ(i)i̯o-*, **ḱ(i)i̯ā-*.

[25] “Le forme citate sono usate sia come determinanti di nomi ⟨...⟩, sia come pronomi ⟨...⟩ accordandosi in genere e numero con il nome del referente che esse individuano nell’atto di enunciazione. ⟨...⟩ All’interno del sintagma nominale, se con esso occorrono altri elementi, il dimostrativo occupa, salvo rarissime eccezioni, la prima posizione della sequenza.”

b. an element of the shared space, such as the region (*dahyu-* 'country/people', ...) or an element of the particular situational context relating to the deictic space determined by the writing support (**exophoric or situational deixis**), sometimes accompanied by bas-reliefs and iconographic elements ⟨...⟩. In this case we find the 'proximal' demonstrative. ⟨...⟩ The pronoun *i-*/*ima-* is often used **in identifying structures** in which the referent of the subject noun phrase is identified with the referent indicated by the demonstrative ⟨...⟩ The demonstrative of distance is often used as the resumption pronoun in topicalizations, that is, in those constructions in which the element in topical position (that is, on the left periphery of the sentence or utterance) is independent and autonomous from a syntactic point of view with respect to the sentence structure that follows.[26]

Filippone [2005: 388–389] explains the pragmatic functions of demonstratives: "As deictic elements, demonstratives have on the one hand the function of making linguistic expressions adhere to the enunciative situation and on the other that of guaranteeing internal cohesion to the statement, referring to referents that belong to the external or internal context of the text. Depending on where the referent to which it refers is located,

[26] "Il referente di un dimostrativo usato come deittico può essere (cfr. Filippone 2005):

a. un elemento del co-testo (**deissi endoforica o testuale**): il riferimento può essere a quanto già precedentem ente introdotto nel testo e in questo caso si parla di **funzione anaforica**, espressa in antico persiano da *aiṭa* (cfr. Repanšek 2017) e soprattutto dal dimostrativo di lontananza usato sia come pronome ⟨...⟩ sia come determinante di nome ⟨...⟩. ⟨...⟩ Se invece il riferimento è a qualcosa che segue nel testo si usa il dimostrativo di vicinanza in funzione cataforica e prolettica rispetto a un sintagma nominale o a un'intera frase ⟨...⟩

b. un elemento dello spazio condiviso, come può essere la regione (*dahyu-* 'paese/popolo', ...) o un elemento del particolare contesto situazionale relativo allo spazio deittico determinato dal supporto scrittorio (**deissi esoforica o situazionale**), talvolta accompagnato da bassi rilievi ed elementi iconografici ⟨...⟩. In questo caso troviamo il dimostrativo 'prossimale'. ⟨...⟩ Il pronome *i-*/*ima-* è spesso usato **in strutture di tipo identificativo** nelle quali il referente del sintagma nominale soggetto viene identificato con il referente indicato dal dimostrativo ⟨...⟩ Il dimostrativo di lontananza è spesso usato come il pronome di ripresa nelle topicalizzazioni, ovvero in quelle costruzioni in cui l'elemento in posizione topicale (ovvero nella periferia sinistra della frase o dell'enunciato) è indipendente e autonomo da un punto di vista sintattico rispetto alla struttura frastica che segue." Bold of the authors.

the function performed by demonstratives is differentiated into exophoric (situational deixis) or endophoric (textual deixis)".[27]

Furthermore, "[i]n the organization of the flow of information, demonstratives can assume different functions; in particular, they can have anaphoric use ⟨...⟩, evocative use ⟨...⟩ or function as deictics of discourse"[28] [Ibid.: 398].

2.3. Uses of Pashto demonstrative pronouns

The Pashto system has thus been greatly simplified by returning to the two proximal and distal demonstratives, *dā* and (*h*)*ā*, which fulfil all the uses indicated above for Old Persian.

Demonstratives are also used as third-person pronouns, as shown in the following examples:[29]

(3) *zə* ***haɣa*** *baləm.*
I that_one call
'I call him (lit.: that one).' (example SWAT)

(4) *zə nə ɣwāṛəm če* ***haɣa*** *zmā lās wə-mroṛi.*
I not want that that_one my arm twist
'I do not want him to twist my arm.' (example QAND)

---

[27] "In quanto elementi deittici, i Dim[ostrativi] hanno da una parte la funzione di far aderire le espressioni linguistiche alla situazione enunciativa e dall'altra quella di garantire la coesione interna all'enunciato, rinviando a referenti che appartengono alla contestualità esterna o interna al testo. A seconda di dove si trovi il referente a cui si rinvia, la funzione svolta dai Dim[ostrativi] si differenzia in esoforica (deissi situazionale) o endoforica (deissi testuale)."

[28] "Nell'organizzazione del flusso delle informazioni, i Dim[ostrativi] possono assumere diverse funzioni; in particolare possono avere uso anaforico ⟨...⟩, uso rievocativo ⟨...⟩ o fungere da deittici del discorso."

[29] In the examples, I do not indicate grammatical coding as irrelevant for this article. Most of the examples are taken from [De Chiara, Septfonds 2022] and are based on field investigations by the two authors. The transcription used seeks to reflect the exact pronunciation. Some examples are taken from fable collections such as "Milli Hendāra" [Nūrī 1939–1940] or "Ganǰ-i Puxto" [Hughes 1893; Plowden 1895]. Some other examples were taken from the recordings of two Pashtun folk tales or legends: "Khorshid Begəm" and "Yusuf Khan aw Sherbano" made in Swat in the 1980s by Daniel Septfonds.

In the following sections, I give examples for each of the different forms of pronouns, proximal and distal, simple or derived, to show that these formal differences have no impact on their uses.

This is the typical and very common grammaticalisation path for demonstratives (see, among others, [Kuteva et al. 2019: 142–144]), which I will not dwell on further.

As for the other uses of Pashto demonstratives, a few examples may provide evidence, starting from Diessel's types given above.

Exophoric use:

(5) *mexa da kə saṇda dɛ? mexa da.*
female_buffalo is or male_buffalo is female_buffalo is
dā *ɣolānzɛ̲ nə ine!*
these udders not see
'"Is that a female buffalo or a male buffalo?" ⟨...⟩ "It's a female buffalo. Can't you see her udders (lit.: these udders)!"' (example BKR)

(6) ***daɣa*** *mərɣəy agəy war ačawi, duy ye xarcawi*
this bird eggs lays they them sell
'This bird lays eggs [for them], they sell them.' (example MH)

(7) ***haɣa*** *koruna də čā di?*
these houses of whom are?
'"Who do these houses belong to?"' (example STD)[30]

[30] While I was reworking the article following the anonymous reviewer's suggestions, I realized that, apart from examples that are more or less artificially constructed, i.e., not taken from spontaneous texts, or found in speeches by foreigners or children, as in this example (7), the demonstrative *haɣa* is practically never used in exophoric use. The only example I could find in my corpus is the following:

(i) ***dā*** ***haɣa*** *wəne ta nəna-wata, pə kəma wəna ke*
this that tree to enter in which tree
če ba de xpəla stoga kawəla
that(rel) usually you your residence made
'Enter this tree and make it your home.' (example KB)

Here, the demonstrative *haɣa* is accompanied by *dā*, as if the former were no longer sufficient to perform its exophoric function. Furthermore, the context is that of relative clauses where *dā* acts as the antecedent. In a sense, it is as if the language were moving from a tripartite system (see fn. 14 above) to a single-element system. I will leave these two elements aside for now, but both the question of relative clauses and that of the simplification of the demonstrative system will be explored further.

Anaphoric use:[31]

(8) *xwdɛ wə la yaw zwi wár-kə... **dā** zwi ye wə ta*
God to him one son gave this son his to him
pə de sina mane ryəxtə, ryəxtə
on his chest was rolling, rolling
'God gave him a son... his son there, he was rolling, rolling on his chest.'
(example SWAT)

(9) *bəl sabā bɛ̲ bəl wror bo-zi*
the day after tomorrow will.him other brother drive
*aw pə dreəma wraz bɛ̲ **dā** bəl bo-zi*
and on the third day will.him this other drive
dā kəšər
this younger
'The day after tomorrow, the other brother will drive him and on the third day it will be the other, the younger one.' (example BKR)

(10) *xat e pə špeləy ke manḍəlɛ. špeləy də kawtare*
letter he in a reed hid reed of the dove
*xpe pore banda kəṛə-da **dā** kawtare xoše kəre-da.*
to the foot fastened this dove he released
'He hid the letter in a reed. He fastened the reed to the legs [to the foot] of the dove. He released the dove.' (example BKR)

(11) ***daɣa** wazir tɛ̲ u-wɛl če: "wazira, balā de*
this vizier to he said that vizier misfortune your
wā-xləma!"
may I take
"He [then] said to the vizier: 'Vizier, may your misfortunes be mine! (lit.: may I take [your] misfortunes!)'" (example BKR)

(12) *zməka me kindəla če **haɣa** saṛay rāɣay*
earth I was digging when that man came
'I was digging the earth when this man came.' (example WARD)

(13) *kə də **haɣe** wəne mewa cok wə-xori,*
if of that tree fruit someone would eat
*no **haɣa** saṛay ba nə zoṛ-ši aw*
then that man will not grow old and

[31] For anaphoric uses in Pashto, see also [Ali et al. 2008; 2009].

nə ba məṛ-ši.
not will die
'If any one eats the fruit of that tree, he will never grow old or die.' (example GP)

(14) ***haɣa*** *bādšāh aw* ***haɣa*** *asbāb aw* ***haɣa*** *nor*
that king and that property and that other
zālemān pə yaw sāt ke zməke wə-nyaṛdəl.
tyrants in a moment of time earth swallowed
'It came to pass that the earth swallowed up the king, the property, and the other tyrants in a moment of time.' (example GP)

Discourse deictic use:

(15) *gəṇḍkapone we ta we če: wrandyargəy! čere*
crooks her to said that brother's wife where
ce? we če hec cok nə lārə, žoṛə, xə matlab
do you go said=she that no one not had I cry but problem
dā *day jəka če cok me nə šta na!*
this is because someone I not is not
'The crooks said to her: Sister [brother's wife]! Where are you going? She said: "I had no one, I am crying. **That** is what it is, I am [alone] with no one!"' (example WAZ)

(16) *bhāi,* ***dā*** *də xoršed* ***daɣa*** *di, zṛə aw ina di*
brother this of Khorshid this is heart and blood are
'Brother, these are those of Khorshid, her heart and blood.' (example KB)

In example (16), there are two demonstratives (*dā* and *daɣa*) used with deictic functions, but referring to different arguments.

(17) ***daɣa*** *wə-nisa*
this take
'Take this.' (example SWAT)

(18) *də* ***haɣe*** *zṛə aw ina,* ***haɣa*** *ba mā la rā-wṛe*
of her heart and blood those will to me bring
če haɣa zə w(ə)-inəm.
so that those I see
'And you will bring me those, her heart and blood, so that I may see them.' (example KB)

(19) ***dā*** *stā bačɛ dɛ aw tə də bači sara* ***dā***
this your kid is and you with a kid this

namuna ***daγa*** *kɛ,*[32] ***dā*** *rawiya tā extyār-kṛa?*
way make this this conduct you choose
'This is your kid and you behave like this with a kid, did you choose this conduct?' (example KB)

This last example (19) is particularly interesting, as we find several demonstratives (*dā*) with different uses: the first has a discourse deictic use (***dā*** *stā bačɛ*), while the second (***dā*** *namuna*) and the third (***dā*** *rawiya*) have a recognitional use (see below). The most peculiar use is that of the demonstrative in a compound verb (***daγa*** *kɛ*).

Recognitional use (see fn. 12 above):

(20) *yara! wəs zə* ***dā*** *xoršed pə sə tariqa, yā*
friend now I this Khorshid somehow or
pə sə čal bānde, zə ***dā****, zān tarap ta rā wā-ṛoma.*
with some trickery I this on my side DEIC have to get
'Friend! Now I have to get Khorshid on my side somehow or with some trickery.' (example SWAT)

(21) *haγe o-lwasto. waxt pə* ***de*** *ke teredo*
she studied. time on this passed
'She studied. Time passed on this.' (example KB)

(22) *sawdāgər pre-da, wəs, pə xpəl* ***daγa*** *bānde*
merchant let now to his this
'Let us now leave the merchant to his business.' (example KB)

In (21)–(22), the demonstrative has a recognitional use.

(23) *mā* ***haγa*** *waxt ke nə peǰando*
I that at time not did know
'At that time, I did not know him.' (example PEX)

(24) ***haγə*** *pə jāy də kəli* ***haγa*** *lār də hindustān wə-niwa.*
he instead of the village that road of India took
'Instead of the village he took the road to India.' (example YK)

I quoted all these examples with *dā*, *daγa* and *haγa* in order to show how these can easily be employed for the uses indicated by Diessel. How-

[32] In this case, the demonstrative is even incorporated into the compound verb (for compound verbs and light verb constructions, see [De Chiara forthcoming b]).

ever, Pashto also has other means to express deixis or anaphora — among others, an insistent repetition of demonstratives or the use of expressions such as *če kəm day*, lit. 'which is that', or similar collocations, e.g., used in conjunction with a demonstrative, particularly the distal demonstrative *haɣa* — mainly found in oral speech. Indeed, comparing the different versions of "Yusuf Khān aw Sher Bāno",[33] one can see that these means are used exclusively in the oral version (YK), and not in the literary ones.[34] Consider the following four examples (25)–(28):

(25) [*banḍəy wəwe če*] *hara wraj zə* ***dā*** *wror la,*
Bandəy said that every day I this brother to
če ***kəm*** ***dɛ,*** *zə* ***dā*** *ḍoḍəy wṛəma, də māspəxin,*
that(REL) which is I this meal bring at lunchtime
ɣər ta aw ***haɣa*** ***če*** ***kəm*** ***waxte*** ***dā***
to the mountain and that one that(REL) which time this
roṭəy wəxwri byā tre zə wāpas rājəma.
meal eats then from him I back come
xayr, haɣe war ta uwe če ɔ́a, ***haɣa*** *dwa spi če*
well she to her said that well he two dogs that(REL)
war sara di, ***haɣa*** *xo nə day?*
with him are that one but not is
'[Banḍəy said:] "Every day at lunchtime, I take food to my brother (lit.: this food to this brother, who is this) to the mountain, and he eats the meal, then (lit.: at that moment) I go back." "Well," she said to her: "Well, the one who has two dogs, is not that the one?" (lit.: the one with him there are two dogs, is not that it?)' (example YK)

(26) ***kəm*** ***waxte*** ***če*** *ba* ***haɣa*** *ɔ́kār la tə* ***haɣa***
which time that(REL) usually he to hunt went that
spi ba də ***haɣə*** *sara wu aw haɣa spo ta* ***haɣa***
dogs usually with him were and that one on the dogs those

[33] This is one of the best-known and long-lived Pashto legends, mostly widespread among the Yusufzais: the action takes place in the Kharamar Hills, not far from Mardan, in the present-day Khyber Pukhtun-Khwa, Pakistan, during the reign of the Mughal king Akbar (1542–1605). There are both literary and folk versions of the story, as well as numerous recordings, many of which can be found in Islamabad at Lok Virsa. This rich evidence allows us to compare literary versions, in both poetry and prose, with oral/narrative versions.

[34] Various poetic versions and an English translation by Wilma Heston, Mumtaz Nasir, "Yusuf Khan and Sher Banu" can be found in [Heston, Mumtaz Nasir 1987].

gingəṛi ačawəli wu, ***haɣa*** *gingəṛi* ***če*** ***kəm*** ***di***
bells had put those bells that(REL) which are
haɣa *ba pə lāra bānde ḍer šaṇedəl aw* ***kəm*** ***waxte***
those usually in the street a lot were ringing and which time
če *ba* ***dā*** *šaṇāre šerbāno wāwreda...*
that(REL) usually this ringing Sherbano heard
'When (lit. 'at that time when') that one went hunting, the dogs were with him and he had put bells on the dogs; the bells (lit. 'those bells that are those') were ringing a lot in the street and when (lit. 'at that time when') Sherbano heard that ringing...' (example YK)

(27) ***de*** *jāy na* ***če*** ***kəm*** ***dɛ***
from that place that(REL) which is
'from that place (lit.: from that place which is that)' (example YK)

(28) *tabib* ***če*** ***kəm*** ***dɛ***
doctor that(REL) which is
'that doctor (i.e., the aforementioned doctor)' (example YK)

This last example (28) is particularly interesting, because the expression *če kəm dɛ* is used without a preceding demonstrative, which seems to represent a case of grammaticalisation comparable, for example, to that found in negation in French, where, among other things, we see the process *ne ... → ne ... pas → ... pas.*[35] Pashto appears to show a similar process: *haɣa ... → haɣa ... če kəm day → ... če kəm day.*[36]

For a summary and interpretation of this procedure, see the conclusion below.

3. Deictoid pronouns

Pashto has a series of "directionals", which Boyle David [2014: 169] aptly calls "deictoids", as "these forms can be either person-deictic or spatial-deictic".[37] Unfortunately, while defining them as "deictic morphemes" at the beginning of her presentation, she later erroneously

[35] The bibliography on grammaticalisation processes and negation in particular is endless. See, among others, [van der Auwera 2009].

[36] Another, not at all secondary, question arises at this point: why can't we omit *dā* and *daɣa* in the same context? I leave the question open for further research.

[37] See also [Jazab, Rzehak 2013], dealing with the deictoids in the Karlaṇi dialect.

describes them as clitics, although they can carry independent stress when, e.g., used as preverbs or pronouns.

Deictoids with directional functions make a peculiar feature of Pashto, only sporadically found among other Iranian languages.[38] They represent three sets of deictic morphemes: *rā-* for the first person (singular or plural), *dar-* for the second person (singular or plural), and *war-* for the third person (singular or plural).

In Pashto, deictoids may have manifold functions: pronominal, directional and discursive. Boyle David [2014] calls them, respectively, oblique pronominal clitics, deictic prefixes and directional verbal clitics.[39]

The function we are especially interested in here is the third, the discursive one, which also remains the most difficult to evaluate and analyse. I will focus on this after giving a few examples of the first two functions, without, however, aiming to account for all the semantic and formal nuances. At the end of this section, I will draw some conclusions on the correctness of this distinction of functions.

Deictoids have three forms: *rā*, used for the first person, *dar* for the second person, and *war* for the third person. Their phonetic, mostly vowel, variation found in different dialects mainly reflects the differences in function. The best characterisation of deictoids, slightly corrected here, has been proposed in [De Chiara, Septfonds 2019: 70]:

> In standard Pashto, these deictoids have three different functions that can be characterised by the degree of closeness they have to the verb.
>
> a. pronominal: 'weak' forms of oblique pronouns.[40]
> b. discursive: varying degrees of coalescence depending on the person and the semantics of the verb. As a result, certain "deictoid adverbs + verb" sequences are perceived as a semantic whole ('acquire', 'gather', etc.) and appear in dictionaries as verbs with preverb. Statistically, deictoid adverbs 'orient' both intransitive and transitive verbs and select a class of verbs, the most common of which are: 'to go out', 'to jump', 'to arrive', 'to leave', 'to enter', 'to get up (to begin)', 'to run', 'to fall', 'to climb', 'to touch (on)', but also: 'to chase', 'to push', 'to throw', 'to direct',

[38] Cf., for instance, Ormuri *a*/*er*, *dar*, *al* [IIFL, I: 349; Hawbaker, Baart 2018] and Khotanese *vā*, *ttā*, *hā* [De Chiara 2014: 24].

[39] See also [Septfonds 1994: 192–200].

[40] In Pashto, we can distinguish between 'strong' and 'weak' pronouns, i.e., between stressed and clitic pronouns.

'to overturn', 'to activate', 'to show', 'to move aside', 'to thank', 'to bless', 'to seize', 'to want', 'to heal', 'to take', 'to lead away', 'to attack'.
It is through this series that (1) the speaker's engagement and (2) the identification of the process in relation to it can be expressed most freely. In addition to the simple 'spatialisation' of the process, it offers a possibility widely exploited by the speaker to show empathy with what they are saying, whether they are the actor themselves or not.

c. directional: the orientation provided by directional preverbs is lexicalised (CVP proper) and, as such, relatively fixed.

Unlike standard Pashto,[41] dialects tend to diversify paradigms. One key area of differentiation is the opposition between pronouns (nominal arguments) and adverbs + directionals (verbal groups). Examples:

	Pronouns			**Adverbs**			**Directionals**		
	STD	**BKR**	**JAD**	**STD**	**BKR**	**JAD**	**STD**	**BKR**	**JAD**
1SG/PL	*rā-*	*rā-*	*r-*	*rā*	*rā*	*r*	*rā*	*rā*	*r* *ró-**
2SG/PL	*dar-*	*də-*	*de*(*r*)	*dar*	*dər*	*der*	*dar*	*dər*	*der*
3SG/PL	*war-*	*wə-*	*we*(*r*)	*war*	*wər*	*wer*	*war*	*wər*	*wer*

* /r·/ imperfective, /ró-/ perfective.

The literature describes the origins of the deictoid pronouns as follows: *rā* < Ir. **a-* + *-θra* [De Chiara forthcoming a; Darmesteter 1888–1890: 82; Morgenstierne 1926: 35; 1942: 113; EVP: 63; Gryunberg, Edelman 1987: 35; NEVP: 69]: cf. Av. *aθrā́* and *iθra* 'here'. The suffix **θra*, found in all three deictoids, is an adverbial ending derived from IE. **-tró* [Dunkel 2014, 1: 194–198].

[41] Cf. [MacKenzie 1959: 231]: "The morphological differences between the most extreme north-eastern and south-western dialects are comparatively few and unimportant. The criteria of dialect differentiation in Pashto are primarily phonological. With the use of an alphabet which disguises these phonological differences the language has, therefore, been a literary vehicle, widely understood, for at least four centuries. This literary language has long been referred to in the West as 'common' or 'standard' Pashto without, seemingly, any real attempt to define it."

Possibly, *dar* derives not from the personal pronoun of 2nd person, but from the proximal demonstrative pronoun **aita-* + *-θra* [De Chiara forthcoming a].[42]

war derives from the distal demonstrative pronoun **awa-* combined with the same element *-θra* [De Chiara forthcoming a; Darmesteter 1888–1890: 82; Morgenstierne 1926: 35; 1942: 113; EVP: 88; IIFL, II: 214–215; DKS: 124; Skjærvø 1989: 398; IESOYa, IV: 95–96; NEVP: 89], while [ESIYa I: 277–278] proposes its origin from **awa-ra* or **awa-θra*.

3.1. Pronominal function

It will be useful to provide here a summary table of all personal forms in Pashto:

Table 2. Personal forms in Pashto

	Pronouns					Verbs		
	STR			ENCL	DEIC	Verbal endings		
	DIR	OBL	POSS			PRS	PST	IMP
1SG	*zə*	*mā*	*zəmā*	*me*	*rā*	*-əm*		
2	*tə*	*tā*	*stā*	*de*	*dar*	*-e*		*-a*
3M	*day*	*də*	*də də*	*ye*	*war*	*-i*	*-ə/-o/ ø*	
3F	*dā*	*de*	*də de*				*-a*	
1PL	*munǧ*	*munǧ*	*zmunǧ*	*mo*	*rā*	*-u*		
2	*tāse/ tāso*	*tāse/ tāso*	*stāse/ stāso*	*mo*	*dar*	*-əy*		*-əy*
3M	*duy*	*duy*	*də duy*	*ye*	*war*	*-i*	*-əl/ø*	
3F							*-e*	

Table 3 below highlights the syntactic uses of all the pronouns, with "X" indicating their use and "–", nonuse in the respective function:

[42] Darmesteter [1888–1890: 82] proposes derivation from **twaθra*, and [Morgenstierne 1926: 35] from **taθra* (also followed by [EVP 21–22; Morgenstierne 1942: 113; Livshits 1952: 327–329; Edelman 1986: 165; NEVP: 22]).

Table 3. Syntactic uses of Pashto personal pronouns

	S	A	ERG	O 1/2	O 3	ERG	POSS	PREP	POSTP	PRB	ADV
STR DIR	X	X	–	–	X	X	–	–	–	–	–
STR OBL	–	–	X	X	–	–	X	X	X	–	–
ENCL	–	–	X	X	X	–	X	–	–	–	–
DEIC	–	–	–	–	–	–	–	–	X	X	X

Table 3 demonstrates that, in pronominal functions, deictoids cannot occur as subjects or direct objects of verbs and can only occur with postpositions, but never with prepositions, as shown by the following examples:

(29) *ketāb me lwāstə če plār žaɣ* ***rā ta*** *wə-kəṛ.*
book I read when father voice to me made
'I was reading when my father called me.' (example MH)

(30) *ḍera moda me* ***dar ta*** *nākām o-ko*[43]
much time I to you unsuccessful made
'For long time I did not succeed with you.' (example KB)

(31) *haɣe* ***war ta*** *qorān učat-ko aw* ***war ta*** *ye we če...*
she to him Quran raised and to him she said that
'She raised the Quran towards him and said.' (example KB)

(32) ***dā*** *wəs bɛ* ***rā*** *ta wə-tale no berta bɛ* ***rā*** *na*
this now will it to me weigh then back will it from me
wā-xle
take/buy
'Now, you're going to weigh it for me, and then you'll take it/buy it from me.' (example BKR)

Example (32), where we find *rā na*, shows that deictoids in pronominal function can be employed with any type of postposition: *ta* 'to', *na* 'from', *ke* 'in', etc.

3.2. Directional function

In this function, deictoids can modify the semantics of verbs by adding direction of movement (hence their designation as "directionals") to the 1st,

[43] Here *o-* is the dialectal form of the perfective prefix *wə-*, see [De Chiara 2025] for further details.

2nd or 3rd person. Four verbs, in particular, have complete paradigms with deictoids:[44] *tləl* 'to go', *wṛəl* 'to bring', *kawəl* 'to make' and *wastəl* 'to lead'. The first two, *tləl* and *wṛəl*, are mixed verbs, i.e., they behave as simple verbs in imperfective forms and as compound verbs in perfective forms [De Chiara, Septfonds 2019: 75–76]. They signal a neutral orientation and three spatial orientations in line with the prefixed deictoids, as shown by Tables 4 and 5 below for the verbs *tləl* and *wṛəl*:[45]

Table 4. The three spatial orientations of *tləl*

		tləl	'to go'
Orientation 1st person	***rā***	***rā****tləl*	'to come to me'
Orientation 2nd person	***dar***	***dar****tləl*	'to come to you'
Orientation 3rd person	***war***	***war****tləl*	'to come to him/her/them'

Table 5. The three spatial orientations of *wṛəl*

		wṛəl	'to bring'
Orientation 1st person	***rā***	***rā****wṛəl*	'to bring to me'
Orientation 2nd person	***dar***	***dar****wṛəl*	'to bring to you'
Orientation 3rd person	***war***	***war****wṛəl*	'to bring to him/her/them'

The third verb, *kawəl*, is one of the two verbalisers used to create transitive compound verbs [De Chiara, Septfonds 2019: 61–64]. As a simple verb it means 'to make', but with deictoids it acquires the meaning 'to give' with a specific direction of movement:

Table 6. The three spatial orientations of *kawəl*

		kawəl	'to give'
Orientation 1st person	***rā***	***rā****kawəl*	'to give to me'
Orientation 2nd person	***dar***	***dar****kawəl*	'to give to you'
Orientation 3rd person	***war***	***war****kawəl*	'to give to him/her/them'

[44] For more details, see [De Chiara, Septfonds 2019: 69–73].

[45] For further information on the use of personal-directional markers with the Pashto verbs for 'come' and 'go', see [Pate 2016; Septfonds 1994; Hawbaker, Baart 2018].

The last verb, °*wastəl*, ‘to lead’, does not exist as a simple verb, but only occurs together with deictoids.

Table 7. The three spatial orientations of °*wastəl*

		°***wastəl***	‘to lead’
Orientation 1st person	***rā***	***rā****wastəl*	‘to lead to me’
Orientation 2nd person	***dar***	***dar****wastəl*	‘to lead to you’
Orientation 3rd person	***war***	***war****wastəl*	‘to lead to him/her/them’

Following Pate [2016], Hawbaker and Baart [2018: 298] deal with the use of directional deictoids in Logar Ormuri:

> Generally, the choice of directional marker depends on the *goal location* at event time as well as who will be present. The first person directional marker *rā* is used when the theme is moving towards the location of the *speaker*. This might be the location where the speaker is at utterance time or where the speaker is at event time. Additionally, *rā* is also used when the speaker’s home-base is the goal. The second person directional marker *dər* is generally used if the theme is moving towards the *addressee’s* location. That is, it is used if the addressee is present at the goal at event time or if the goal is the addressee’s home-base. The third person directional marker *wər* is generally used if the theme is moving toward the location of a *third person discourse-salient entity*. This can be the location where the third person entity is at event time or it can be that third person entity’s home-base.
>
> Pate also states that, instead of ‘come’, ‘go’ is used if no discourse participant is at the goal at either utterance or event time or if the movement of the theme from the source is in focus.

Many verbs can be prefixed with deictoids, thus specifying the direction of movement:

(33) *de noro* *tɛ* *kāli* ***warkawəl,*** *aɣuy* *pər alute*
to these others he clothes gave to him they by flying
amdəse *tle.*
thus went
‘He gave the others clothes and they flew away.’ (example BKR)

(34) *ja lāṛ-ša*[46] *ɣwā* ***rā-wala*** *zə ba dəlta walāṛ yəm.*
go go cow bring to me I will here in waiting am
'Go on, off you go! Bring your cow, I'll wait here.' (example PT)

(35) *zmari ta ye ǰərga* ***war wā-stawəla***
to the lion he delegation sent to him
'They sent a delegation to the lion.' (example BKR)

(36) *kə čerta də xwle nɛ̱ wə-nə-xiǰi če mā*
if somewhere of his mouth don't goes out that I
də la ***darkəṛe-da***
to you gave to you
'Don't let it get out of his mouth that I gave her to you [for a wife].' (example BKR)

3.3. Discursive function

This is the most controversial and difficult function to interpret: neither the contexts of its use nor its semantics are clear. First of all, it must be pointed out that in this function the first person deictoid *rā* is used almost exclusively (at least, according to the most popular Pate's Person Hierarchy, 1 > 2 > 3 [Pate 2016: 118]).

Septfonds [1994: 195–196] has proposed an interesting evidence. Consider the following three examples from this article, translated by him from the Jadrani dialect:

(37) *daṛa ye pse* ***r*** *pere-kṛa*
door he behind DEIC closed
'He closed the door behind him.' (example JAD) [Septfonds 1994: 194]

(38) *psə ye* ***r*** *wə-niw*
sheep he DEIC seized
'He seized a sheep.' (example JAD) [Ibid: 194]

(39) *če mlo we ta* ***r*** *natəlay-day*
when mullah to him DEIC entered
'When the mullah came in (to me) to see him.' (example JAD) [Ibid.: 195]

Septfonds correctly notes that the "directional adverbs which can only be interpreted in an enunciative framework and can be combined with

[46] In this idiomatic expression, the imperfective and perfective forms of the verb 'to go' follow one another to give urgency to the imperative meaning.

directional pronouns[,] are ‘optional’ indices allowing the spatialization of the process ⟨...⟩ – but not only to spatialize it” [Septfonds 1994: 195].[47]

I disagree, however, with his analysis where Septfonds [Ibid.: 195–196], referring to examples (39)–(41) [=13*a*–*b*, 14*a* and 16 in the cited work], comments:

> In (13*a*–*b*) [= 39], the directional adverb /**r**/ has not been translated. This accurately reflects the difficulty we encounter with these statements: /**r**/ would indicate – from a spatial perspective – that when the agent closed the door, he closed it on/towards me. However, even if the verb “close” indicates movement, it is not in the same way as verbs such as “arrive”, “send” or even “push”: the door does not come towards me, it is simply closed. The /**r**/ here is simply an indication of the subject of the utterance (the speaker, the narrator), who thus takes part (imaginatively) in the process he is describing. And here, we expect a continuation ⟨...⟩
>
> This is even clearer in (14*a*) [= 40]: it is not certain that the agent (“he”) brought the sheep to me, but what is certain is that, on the one hand, I was interested in it, that I felt (and that I tell myself, /**r**/) concerned. On the other hand, he did not take it for nothing, but to do something I was expecting, which turned out to be roasting it – the sheep.
>
> In both (13*a*–14*a*) [= 39–40] and (16) [= 41], there are two “persons” involved: the subject of the utterance [1SG] and the subject of the statement (3SG) ⟨...⟩ and this is what matters here: that (16) [= 41] is more complex in terms of the internal orientation of the utterance (DIR[ectional] PR[onoun] third person /**we ta**/) does not change the game allowed by this double reference (utterance + “argument”).[48]

---

[47] “[D]irectionnels adverbes qui ne peuvent s’interpréter que dans un cadre énonciatif et peuvent se cumuler avec les directionnels pronoms [,] sont des indices ‘optionnels’ permettant de spatialiser le procès ⟨...⟩ – mais pas uniquement de le spatialiser.”

[48] “Dans (13*a*–*b*) [= 39] le directionnel adverbe /**r**/ n’a pas été traduit. Ce qui justement traduit l’embarras dans lequel on se trouve en face de ces énoncés: /**r**/ indiquerait – dans une perspective spatiale – que lorsque l’agent a fermé la porte, il l’a fermée sur/vers moi. Or, même si le verbe ‘fermer’ indique un déplacement, ce n’est pas à la façon de verbes du type ‘arriver’, ‘envoyer’ ou même ‘pousser’: la porte ne vient pas vers moi, elle se contente d’être refermée. Le /**r**/ est ici un simple indice du sujet de l’énonciation (du locuteur, du narrateur) qui ainsi prend part (imaginairement) au procès qu’il décrit. Et là, on attend une suite... ⟨...⟩.

Ce qui est encore plus net dans (14*a*) [= 40]: il n’est pas certain que l’agent (‘il’) ait pris le mouton vers moi, mais ce qui est sûr c’est que d’une part, ça m’intéressait, que je me sentais (et que je me dis, /**r**/) concerné. Que d’autre part, il ne l’avait pas pris pour rien, mais pour en faire quelque chose que j’attendais et qui se trouve être qu’il l’a fait rôtir – ce mouton.

Septfonds [1994: 200] concludes that "the interest shown by the speaker in the process he is describing is of another order which goes from (imaginary) participation to testimony. Order of 'distance', here in its degree of proximity which is only materialized through the use of the directional first person adverbial".[49]

In my opinion, a clear distinction must be made between the spatial function and most of the functions given in examples (39)–(41), as they are not at all the same. Consider the following example with a 3rd-person deictoid provided by Septfonds:

(40) *če de nemayi ta* ***wer*** *rsedəlay-day*
when to this half DEIC has arrived
'When he arrived halfway to them.' (example JAD) [Septfonds 1994: 197, example (18b)]

Here, there is no doubt that the 3rd-person deictoid *war* (cf. JAD *wer*) has a purely spatial value.

In the following example, however, we find the deictoid *rā*. The text is a story from the GP, set in the past, in which the narrator recounts how the slanderer, the protagonist of the story, invites the king to summon his victim, so that the latter, by putting his hand in front of his mouth, will prove his guilt with respect to the false accusation of the envious slanderer:

(41) *bādšāh de ye jān ta* ***rā*** *wə-boli no če*
king INJ he to himself DEIC called then when
day bādšāh ta nízde-ši no dā ye naźa da če
he to the king approaches then this his sign is that
pə xpəla xwəla ba lās ke-ğdi.
on his mouth will hand put
'Let the king call him before him: once he has approached, then putting his hand over his mouth will be a demonstration of this.' (example GP)

Aussi bien dans (13*a*–14*a*) [= 39–40] que dans (16) [= 41], il y a deux 'personnes' intéressées: le sujet de l'énonciation [1SG] et le sujet de l'énoncé (3SG) ⟨...⟩ et c'est ce qui importe ici: que (16) [= 41] soit plus complexe au niveau de l'orientation interne de l'énoncé (DIR[ectional] PR[onoun] de troisième personne /**we ta**/) ne change rien au jeu que permet cette double référence (énonciative + 'argumentale')."

[49] "[L]'intérêt porté par le locuteur au procès qu'il énonce est d'un autre ordre qui va de la participation (imaginaire) au témoignage. Ordre de la 'distance', ici sous son degré de proximité qui ne se matérialise qu'à travers l'emploi du directionnel adverbe de première personne."

In the main clause, we find a perfective injunctive *wə-boli* ‘called’ which emphasizes completion of the action: it is not a matter of politeness or otherwise high register (the speaker is addressing the king). What is important here is the presence of the deictoid *rā*, which is somewhat redundant as we already have *jān ta*. Its use could imply presence of the informer, or the narrator’s participation as hypothesized by Septfonds, but this, in my opinion, is not entirely convincing.

Finally, consider another example from [Septfonds 1994: 197, example 19*b*]:

(42) ***rā*** *ǰeg-šo*
DEIC got up
‘He got up.’ (example JAD)[50]

Now, let us compare the last three examples (40)–(42). They differ for two main reasons.

The first difference lies in the deictoids’ spatial function. Example (40) has a purely spatial value; in (41), the spatial meaning is only marginal, yet the example could still be semantically comparable to (40); (42) no longer has any spatial value, unless one wants to interpret the movement of getting up as direction towards the narrator, which is quite unlikely.

The second difference lies in the distribution of deictoid use by person. Thus example (40), where the 3rd-person deictoid is used, could also use the 1st- or 2nd-person deictoids depending on the context. Examples (41) and (42), however, where the 1st-person deictoid occurs, could never replace it by a deictoid of the other two persons under **any** circumstances. This can be further confirmed by (43):

(43) *xɛr, xoršed wə-lageda aw* ***haγa*** *dawāi=ye*
anyway Khorshid got to it and that drug=she
rā *wā-γɛstəla aw pə gilās ke ye wā-čawəla, qāzi°sɛɛb ta*
DEIC grabbed and into the glass she poured for the Qadi
‘Anyway, Khorshid got to it: she grabbed the drug and then poured it into the glass, for the Qadi.’ (example SWAT)

[50] While Septfonds provides no context, the text comes from a folk tale, where the sitting protagonist gets up to go on with his adventure.

These observations suggest a definite correlation between the spatial function and the use of deictoids, meaning that in the **absence** of a spatial function, **only** the 1st-person deictoid can be used.[51]

Although more examples can be adduced to show this situation more extensively, I do not think this is necessary: we can now draw some general conclusions, which can also be extended to the last examples of deixis (25)–(28) given in the previous paragraph.

4. Conclusion

The functions of deictoids identified above and followed in our presentation are three: pronominal, directional and discursive.

The third function is (trivially) a form of pleonasm. In fact, it is only found in narrative texts, transcriptions of oral narratives or colloquial register texts, and not in literary or in high register texts. In these cases, the deictoid used is only that of the 1st person, and this is another reason why this function must be clearly distinguished from the other two.

Regarding pleonasm, Grevisse, for example, in the French grammar speaks of "mot explétif" [Grevisse, Goosse 2008: §§ 375, 672]: "An expletive is a word that does not perform the function it appears to perform; logically, it is useless, although it cannot always be removed in certain fixed expressions"[52] [Ibid.: 467]. Examples cited include: *Goûtez-MOI ce vin-là*, *Allez-MOI mettre votre blouse*, *Regardez-MOI cette misère*,[53] etc.

According to [Bussmann 1998: 911],[54] "[t]he addition of a superfluous expression which is already included in that which is said, e.g. *three a.m. in the morning* (solecism). As any figure of speech, pleonasm can serve to strengthen a statement, e.g. *I saw it myself, with my own eyes*."

---

[51] The anonymous reviewer goes even further, rightly stating that: "[T]his would also probably mean that the 1st-person deictoid is grammaticalized as an allative marker, so it indicates a movement towards (somewhere) disregard[ing] the spatial deictic function (similarly as *če kəm dɛ* without a preceding demonstrative is a grammaticalized construction, as author fairly mentions)."

[52] "Le mot explétif est un terme qui ne joue pas le rôle qu'il a l'air de jouer; il est, logiquement, inutile, quoiqu'on ne puisse pas toujours le supprimer dans certains emplois figés."

[53] "Taste this wine, put on your smock, look at this misery".

[54] See also [Crystal 2008: 371].

But perhaps the best definition of expletive/pleonastic[55] is the one provided by Beccaria [1994: 300] for Italian, that can be extended to all contexts:

> Traditionally it is defined as *expletive* — which is equivalent to filler (being a learned voice from the Lat. *explēre* 'to fill in, to complete') or *pleonastic* — a linguistic element that in certain contexts has no other function than that, often dictated by the mere need for rhythm, of contributing to the illocutionary force of the utterance; frequent in the more informal registers of speech, expletive elements often appear in Italian in the form of idiosyncratic variables loosely woven into the various regional substandards.[56]

In this perspective, we can also associate the locution *če kəm day*, seen at the end of the section on demonstratives, which has a use totally comparable to that of the discursive *rā*: a pleonastic use, mainly oral and limited to certain formulae.

In conclusion, the main objective of this article was to identify some pleonastic expressions in Pashto starting from a presentation of demonstrative pronouns and deictoids, which are the main areas in which pleonasm can occur (by the way, in the expression *če kəm day*, *če* is a relative pronoun, whereas *kəm* is an indefinite/interrogative pronoun). As it turns out, pleonasm is an essentially oral phenomenon, and Pashto is no exception. I plan to return to this topic, focusing on other pronouns (such as *kəm*) and other expedients for the expression of pleonasm in Pashto, and broadening the perspective to pleonastic studies from a theoretical and comparative point of view, thus hoping to contribute to the study of oral linguistic expression.

---

[55] Arseniy Vydrin (personal communication) kindly informs me of the presence in Ossetic of something similar — the 2nd person singular enclitic *dən* which is frequently used in oral texts and sounds pleonastic.

[56] "Si definisce tradizionalmente come *espletivo* – che equivale a *riempitivo* (trattandosi di voce dotta dal lat. *explēre* 'riempire, completare') o *pleonastico* – un elemento linguistico che in certi contesti non ha altra funzione se non quella, spesso dettata da mere esigenze di ritmo, di contribuire alla forza illocutoria dell'enunciato; frequenti nei registri più informali del parlato, gli elementi espletivi si presentano spesso in italiano sotto forma di variabili idiosincratiche relate ai diversi substandard regionali."

Abbreviations

A — agent; ADV — adverb; DEIC — deictoid; DIR — direct case; ENCL — enclitic pronoun; ERG — ergative; F — feminine; GEN.DU — genitive dual; IMP — imperative mood; INJ — injunctive mood; M — masculine; N — neuter; O — object; OBL — oblique case; PL — plural; POSS — possessive; POSTP — post-position; PRB — preverb; PREP — preposition; PRS — present tense; PST — past tense; REL — relative pronoun; S — subject; SG — singular; STR — strong pronoun.

Arm. — Armenian; Av. — Avestan; Celt. — Celtic; Germ. — Germanic; Gr. — Greek; IE. — Indo-European; IIr. — Indo-Iranian; Ir. — Iranian; Lat. — Latin; Lett. — Letton; Lit. — Lithuanian; OPrs. — Old Persian; Skt. — Sanskrit; Ved. — Vedic.

BKR — Bar Kunar; GP — Ganǰ-e Pəx́to (see [Hughes 1893] and [Plowden 1895]); JAD — Jadrāni; KB — Khorshid Begəm; MH — Milli Hendāra (see [Nūrī 1939–1940]); PEX — Pex́awar; PT — Pakistani textbooks; QAND — Qandahar; STD — Standard Pašto (see [Septfonds, Kabir 2013]); SWAT — Swāt district; WARD — Wardaki; WAZ — Waziri; YK — Yusuf Khan aw Sherbano (Septfonds, field data).

References

Ali et al. 2008 — R. Ali, M. A. Khan, M. Bilal, I. Rabbi. Empirical analysis of Pashto text for types of Pashto anaphora. *Proceedings of the International Conference on Information and Communication Technologies (IC-ICT 2008)*. Bannu: S. n., 2008.

Ali et al. 2009 — R. Ali, M. A. Khan, M. Ali. Reflexive anaphora resolution in Pashto discourse. *Proceedings of the Conference on Language & Technology*. S. l.: s. n., 2009. P. 41–45.

Aslanov 1966 — M. G. Aslanov. *Afgansko-russkiy slovar (pushtu)* [Afghan-Russian dictionary (Pashto)]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1966.

Beccaria 1994 — G. L. Beccaria. *Dizionario di linguistica* [Dictionary of linguistics]. Torino: G. Einaudi, 1994.

Beekes 1988 — R. S. P. Beekes. *A grammar of Gatha-Avestan*. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988.

Benveniste 1933 — É. Benveniste. L'anaphorique prussien *din* et le système des démonstratifs indo-européens. *Studi Baltici*. 1933. Vol. 3. P. 121–130.

Benveniste 1956 — É. Benveniste. La nature des pronoms. M. Hall, H. G. Lunt, H. McLean, C. H. van Schooneveld (eds.). *For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 60th birthday, 11 October 1956*. La Hague: Mouton, 1956. P. 34–37.

Benvenuto, Pompeo 2022 — M. C. Benvenuto, F. Pompeo. *La lingua degli antichi Persiani* [The language of the ancient Persians]. Milano: Hoepli, 2022.

Bhat 2004 — D. N. S. Bhat. *Pronouns*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004.

Bhat 2005 — D. N. S. Bhat. Third person pronouns and demonstratives. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *WALS Online*. Available at: https://wals.info/chapter/43 (accessed on 29.01.2026).

Boyle David 2014 — A. Boyle David. *Descriptive grammar of Pashto and its dialects*. Göttingen: De Gruyter Mouton, 2014.

Brandenstein, Mayrhofer 1964 — W. Brandenstein, M. Mayrhofer. *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1964.

Brust 2018 — M. Brust. *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 2018.

Bussmann 1998 — H. Bussmann. *Routledge dictionary of language and linguistics*. London; New York: Routledge, 1998.

Crystal 2008 — D. Crystal. *A dictionary of linguistics and phonetics*. 6th edn. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

Darmesteter 1888–1890 — J. Darmesteter. *Chants populaires des afghans*. Paris: Imprimerie nationale, E. Leroux, 1888–1890.

De Chiara 2014 — M. De Chiara. *The Khotanese Sudhanāvadāna. Commentary*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.

De Chiara 2022 — M. De Chiara. Sulla trascrizione del pashto [On Pashto transcription]. E. Filippone, S. Belelli, M. De Chiara. *Studi di linguistica e filologia iranica — Studies in Iranian linguistics and philology*. Roma: ISMEO, 2022. P. 93–106.

De Chiara 2025 — M. De Chiara. Pashto preverbs V: Pashto *wá-*. *Indogermanisches Forschungen*. 2025. Vol. 130. P. 193–236. DOI: 10.1515/if-2025-0007.

De Chiara forthcoming a — M. De Chiara. *Fonologia storica del pashto* [Historical phonetics of Pashto]. Lugano: Agorà & Co. Forthcoming.

De Chiara forthcoming b — M. De Chiara. Compound and Light Verb Constructions in Pashto and Persian. G. Sharma (ed.). *Predicational traits in South Asian languages*. Berlin: De Gruyter Brill. Forthcoming.

De Chiara, Septfonds 2019 — M. De Chiara, D. Septfonds. *Le verbe pashto : Parcours d'un territoire du verbe simple à la locution verbale*. Wiesbaden: Reichert, 2019.

De Chiara, Septfonds 2022 — M. De Chiara, D. Septfonds. *Le verbe simple en pashto. État des lieux*. Wiesbaden: Reichert, 2022.

Diessel 1999 — H. Diessel. *Demonstratives: Form, function, and grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.

Diessel 2013 — H. Diessel. Deixis and demonstratives. C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner (eds.). *Semantics. An international handbook*

of natural language meaning. Vol. 3. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 2407–2432.

Dixon 2003 — R. M. W. Dixon. Demonstrative: A cross-linguistic typology. *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. No. 1. P. 61–112. DOI: 10.1075/sl.27.1.04dix.

DKS — H. W. Bailey. *A dictionary of Khotan Saka*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979.

Dunkel 2014 — G. E. Dunkel. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. 2 Bde. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014.

Edelman 1986 — J. I. Edelman. *Sravnitelnaya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Fonologiya* [A comparative grammar of Eastern Iranian languages: Phonology]. Moscow: Nauka, 1986.

Edelman 1990 — J. I. Edelman. *Sravnitelnaya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Morfologiya. Elementy sintaksisa* [A comparative grammar of Eastern Iranian languages: Morphology. Elements of syntax]. Moscow: Nauka, 1990.

EP — W. Geiger. Etymologie und Lautlehre des Afghānischen. *Abhandlungen der Bayerische Akademie der Wissenschaften*. 1897. Bd. 20. S. 167–222.

ESIYa I — V. S. Rastorguyeva, D. I. Edelman. *Etimologicheskiy slovar iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000.

EVP — G. Morgenstierne. *An etymological vocabulary of Pashto*. Oslo: J. Dybwad, 1927.

Feuillet 2006 — J. Feuillet. *Introduction à la typologie linguistique*. Paris: Honoré Champion, 2006.

Filippone 2005 — E. Filippone. I dimostrativi in anticopersiano. M. Bernardini, N. L. Tornesello (eds.). *Scritti in onore di Giovanni M. D'Erme*. Vol. I. Napoli: Università degli studi di Napoli "L'orientale", 2005. P. 383–426.

Grevisse, Goosse 2008 — M. E. Grevisse, A. Goosse. *Le bon usage : Grammaire française : Grevisse langue française*. 14e éd. Bruxelles: De Boeck & Larcier, 2008.

Gryunberg 1987 — A. L. Gryunberg. *Ocherk grammatiki afganskogo yazyka (pashto)* [A study on Afghan grammar (Pashto)]. Leningrad: Nauka, 1987.

Gryunberg, Edelman 1987 — A. L. Gryunberg, D. I. Edelman. Afganskiy yazyk [Pashto]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Novoiranskiye yazyki. Vostochnaya gruppa* [Fundamentals of Iranian linguistics: New Iranian languages. Eastern group]. Vol. 4. P. 1–154.

Hawbaker, Baart 2018 — J. Hawbaker, J. L. G. Baart. Personal-directional prefixes in Logar Ormuri. M. De Chiara, A. V. Rossi, D. Septfonds (eds.). *Mélanges d'ethnographie et de dialectologie irano-aryennes à la mémoire de Charles-Martin Kieffer*. Paris: Peeters, 2018. P. 291–306.

Heston, Mumtaz Nasir 1987 — W. L. Heston, Mumtaz Nasir. *The Bazaar of the Storytellers*. Islamabad: Lok Virsa, 1987.

Hoffmann, Forssman 2004 — K. Hoffmann, B. Forssman. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. 2. Auflage. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004.

Huang 2000 — Y. Huang. *Anaphora: A cross-linguistic approach.* Oxford: Oxford University Press, 2000.

Hughes 1893 — Th. P. Hughes. *Kalid-i-Afghani. Selections of Pushto prose and poetry*. Lahore: Munshī Gulāb Singh, 1893.

IESOYa IV — V. I. Abaev. *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [A historical and etymological dictionary of Ossetic]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Nauka, 1989.

IIFL I — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian frontier languages*. Vol. I. *Parachi and Ormuri*. Oslo: H. Aschehoug & Co., 1929.

IIFL II — G. Morgenstierne. *Indo-Iranian frontier languages*. Vol. II. *Iranian Pamir languages*. Oslo: H. Aschehoug & Co., 1938.

Jazab, Rzehak 2013 — Y. K. Jazab, L. Rzehak. Deictoids /rā-/, /dər-/ or /dar-/, and /wər-/ or /war-/ of some Karlanri Varieties. *Pashto*. 2013. Vol. 42. P. 45–53.

Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. *World lexicon of grammaticalization.* 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Laczkó 2010 — K. Laczkó. Demonstrative pronouns in spatial deixis, discourse deixis, and anaphora. *Acta Linguistica Hungarica*. 2010. Vol. 57. P. 99–118. DOI: 10.1556/ALing.57.2010.1.5.

Lane 1961 — G. S. Lane. On the formation of the Indo-European demonstrative. *Language*. 1961. Vol. 37. P. 469–475.

Levinson 2018 — S. C. Levinson. Introduction: Demonstratives: Patterns in diversity. S. C. Levinson, S. Cutfield, M. J. Dunn, S. Meira (eds.). *Demonstratives in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 1–42. DOI: 10.1017/9781108333818.002.

Livshits 1952 — V. A. Livshits. *Mestoimeniya v afganskom yazyke (pashto)* [Pronouns in the Afghan language (Pashto)]. Candidate dissertation. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR, 1952.

Livshits 1956 — V. A. Livshits. Ukazatelnyye mestoimeniya v afganskom yazyke (pashto) [Demonstrative pronouns in the Afghan language (Pashto)]. *Izvestiya AN Tadzhikskoy SSR*. 1956. Vol. 9. P. 121–140.

Livshits 1959 — V. A. Livshits. Lichno-napravitelnyye mestoimeniya v afganskom yazyke (pashto) [Personal-directional pronouns in the Afghan language (Pashto)]. *Uchenyye zapiski Stalinabadskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni T. G. Shevchenko*. 1959. Vol. 18. P. 73–105.

MacKenzie 1959 — D. N. MacKenzie. A Standard Pashto. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1959. Vol. 22. No. 1(3). P. 231–235.

Martínez, de Vaan 2014 — J. Martínez, M. de Vaan. *Introduction to Avestan*. Leiden; Boston: Brill, 2014.

Morgenstierne 1926 — G. Morgenstierne. *Report on a linguistic mission to Afghanistan*. Oslo: H. Aschehoug & Company, 1926.

Morgenstierne 1942 — G. Morgenstierne. Archaism and innovation in Pashto morphology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1942. Vol. 12. P. 88–114.

Morgenstierne 1974 — G. Morgenstierne. *Etymological vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1974.

NEVP — G. Morgenstierne. *A new etymological vocabulary of Pashto*. J. H. Elfenbein, D. N. MacKenzie, N. Sims-Williams (comps., eds.). Wiesbaden: Reichert, 2004.

Nūrī 1939–1940 — M. G. Nūrī. *Millī hindāra* [National mirror]. 3 vols. Kabul: ʻUmūmī Maṭbaʻa, 1939–1940.

Pashtoon 2009 — Z. A. Pashtoon. *Pashto-English dictionary*. Hyattsville: Dunwoody Press, 2009.

Pate 2016 — D. Pate. Deictic motion verbs in Pashto: To whom shall we come? *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2016. Vol. 79. Iss. 1. P. 103–128. DOI: 10.1017/S0041977X15000452.

Penzl 1955 — H. Penzl. *A grammar of Pashto: A descriptive study of the dialect of Kandahar, Afghanistan*. Washington, D.C.: American Council of Learned Societies, 1955.

Plowden 1895 — T. Ch. Plowden. *Translation of the Kalid-i-Afghani*. Lahore: Munshi Gulab Singh & Sons, 1895.

Plungian 2011 — V. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.

Repanšek 2017 — L. Repanšek. Funkcija staroperzijskega zaimka *aita* [The function of the Old Persian pronoun *aita*]. *Jezikoslovni zapiski*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 241–260.

Septfonds 1994 — D. Septfonds. La personne en pashto. *Actances*. 1994. Vol. 8. P. 187–201.

Septfonds, Kabir 2013 — D. Septfonds, H. Kabir. *Manuel de pashto*. Paris: L'Asiathèque, 2013.

Skjærvø 1989 — P. O. Skjærvø. Pashto. R. Schmitt (ed.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. P. 384–410.

van der Auwera 2009 — J. van der Auwera. The Jespersen cycles. E. van Gelderen (ed.). *Cyclical change*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 35–72. DOI: 10.1075/la.146.05auw.

Получено/received 03.04.2025 *Принято/accepted 27.10.2025*

О «возрасте» грамматической категории вида в современном осетинском языке: история и реалии

А. А. Левитская

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия — Алания (Владикавказ, Россия);
54alina.levitskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5433-0078

Аннотация. В статье впервые освещается вопрос о «возрасте» категории вида в современном осетинском языке. Сопоставление языковых и исторических фактов позволяет предположить, что формирование осетинских видовых противопоставлений по аспектуальному основанию «направленность на достижение предела» могло начаться не ранее середины XIII в. — начала XIV в. и в дигорском варианте, отражающем более архаичное состояние современного осетинского языка, еще не завершилось. Анализ сходных предпосылок возникновения вида в русском и осетинском языках представляет несомненный интерес как результат независимого развития этой грамматической категории в каждом из сопоставляемых языков.

Ключевые слова: превербы, предельность, непредельность, перфективность, имперфективность, перцептивность, аспект, осетинский язык, русский язык

Для цитирования: Левитская А. А. О «возрасте» грамматической категории вида в современном осетинском языке: история и реалии // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 44–72.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.2

© А. А. Левитская, 2026

On the “age” of the grammatical category of aspect in modern Ossetic: History and realia

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia — Alania (Vladikavkaz, Russia); 54alina.levitskaya@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-5433-0078

Abstract. This article addresses for the first time the issue of the “age” of aspect as a grammatical category in modern Ossetic.

A study of the two variants of modern Ossetic, viewed in the context of Ossetic history and contacts with the Slavic world, suggests that the development of aspectual oppositions based on a “focus on reaching the limit” began no earlier than the mid-13th century to early 14th century. In the more archaic Digor variant, this process remains incomplete. Aspectual data from Digor reveal traces of an undifferentiated or only partially differentiated aspect. Iron evidence also points to the relatively recent emergence of aspectual oppositions in Ossetic. Particularly revealing are verbs with the prefix *fœ-*, whose functions reflect different stages in the development of the Ossetic aspectual system.

Comparison with Russian highlights important differences. In Russian, the grammatical category of aspect covers both processuality and multiplicity. In Ossetic, these meanings are distributed across two categories: aspect expresses processuality, whereas multiplicity is expressed by a separate means, typically through the “verb + *-iu*” construction. The independent development of aspect in Russian and Ossetic on similar semantic grounds, i.e. limitation and directionality, offers valuable insights for comparative and general aspectology.

Keywords: preverbs, telic, atelic, perfectivity, imperfectivity, perceptivity, aspect, Ossetic, Russian

For citation: Levitskaya A. A. On the “age” of the grammatical category of aspect in modern Ossetic: History and realia. *Indo-Iranian Languages.* 2026. 2 (2). P. 44–72.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.2

В труде «Скифо-европейские изоглоссы», в этюде «Превербы и перфективность», В. И. Абаев высказал суждение о том, что «в осетинском и в славянских языках имеется далеко идущая близость в перфективирующей функции превербов» и что «эта близость лучше всего может быть объяснена как результат ареальных скифо-славянских контактов в Восточной Европе» [Абаев 1965: 68]. Позднее это предположение было сформулировано В. И. Абаевым в еще более категоричной формулировке: «В скифо-европейский период скифо-иранские наречия отделились уже от остального иранского мира, но вступили в длительные контакты с языками тогдашнего европейского круга: славо-балтийскими, германскими, кельтским, предком латинского языка, предком тохарских языков. Эти контакты имели ряд языковых последствий. В грамматике перфективирующая роль превербов, которая в древнеиранском только намечалась, стала законом» [Абаев 1977: 8].

По мнению В. И. Абаева, этот закон действовал уже в древнем осетинском языке в период «со второй половины II тысячелетия до н. э.» до первых веков н. э., а точнее «до гуннского нашествия, т. е. до IV в. н. э.» [Абаев 1965: 53]. В. И. Абаев оказался, образно говоря, в плену аспектологического заблуждения в числе многих других выдающихся лингвистов-индоевропеистов, которые, по словам Ю. С. Маслова, за некоторым сходством в аспектуальной семантике глагольных приставок славянских языков и приставок в глаголах других индоевропейских языков (германских, латыни, древнегреческого и др.), указывающих на предельный характер действия, не разглядели существенного содержательного различия между перфективностью, отличающей приставочные глаголы славянских языков, и предельностью глагольного действия, обозначаемой приставками в других индоевропейских языках. «На этой почве сложилась теория о “перфективирующей силе” глагольных приставок во всех или почти во всех индоевропейских языках ⟨...⟩. Только постепенно стало ясно, что в приставочных глаголах неславянских языков мы имеем дело не с видом ⟨...⟩, что предельность существенно отличается от перфективности, от совершенного вида, и что славянские приставочные образования не развили бы в себе значение перфективности, если бы в системе языка не наличествовали бы рядом с ними в большинстве случаев вторичные имперфективы» [Маслов 2004: 345–346].

Как известно, в древнерусском языке начало процессов перфективации и имперфективации зафиксировано летописями в период не ранее начала XII в., см. [Кузнецов 1951: 452; 1961: 141; Ружичка 1962: 309, 312–313; Этерлей 1970: 4–5] и др., так что в период, обозначенный В. И. Абаевым (см. выше), древнеосетинский и древнерусский языки не могли выработать «сообща и одновременно» [Абаев 1965: 61] перфективирующую способность превербов. Что касается периода с середины XII в. по конец XIV в., когда в древнерусском языке формируется вид как грамматическая категория [Аванесов, Иванов 1982: 207–278], то этот период в отношениях между предками русских и осетин не является периодом массового многовекового двуязычия, которое составляет обязательное условие для возникновения грамматической изоглоссы: «Грамматические межъязыковые изоглоссы немыслимы без того, чтобы на стыке контактирующих языков [не] наметились элементы двуязычия» [Абаев 1965: 53]. Массовое (славяно-иранское) двуязычие исключается для носителей древнерусского и древнеосетинского языков и ранее, и в этот период, и позже, до конца XVIII в., в силу известных исторических событий [Цалиева 1983: 141–144]. В IV–V вв. гуннское нашествие положило конец близкому соседству славянского и иранского миров; «вместе с гуннами пришли тюркские племена, ставшие соседями алан на многие века» [Бзаров 2022: 85]. Господство Хазарского каганата с VII в. по X в. значительно ослабило исторически сложившиеся, но всё еще сохраняющиеся контакты русов и алан [Кузнецов 1971: 11–19, 25–26; Турчанинов 1971: 66–67; Бзаров 2022: 96–99]. Славяне не упоминаются в числе близких соседей алан в таких исторически значимых памятниках, как «Армянская география нового списка VII века» [Бзаров 2022: 85–87] и «Хронография» Феофана Исповедника (начало VIII — IX вв.) [Зетейшвили 1976]. Славянский мир значительно удален территориально от «иранских» областей юго-восточной Европы и на карте размещения славян в V–VII вв. в книге Б. А. Рыбакова [1982: 12]. Появление в 40–50-х гг. XI в. в южнорусских степях половцев надолго оборвало все отношения между Русью и Аланией [Кузнецов 1971: 28]. События XIII в., связанные с татаро-монгольским нашествием, привели к разгрому Алании, катастрофическим последствием для которой как государства стала «массовая миграция алан

на восток и запад, чрезвычайно ослабившая страну и поставившая ее народ на грань физического уничтожения» [Кузнецов 1971: 41; Бзаров 2022: 105, 117, 202].

Таким образом, очевидно, что перфективирующая способность превербов в современном осетинском языке не может являться заимствованием или изоглоссой, выработанной «сообща и одновременно» [Абаев 1965: 61] с древнерусским языком, поскольку такому объяснению противоречат объективные исторические факты.

Тем не менее в современном осетинском языке превербы действительно обладают перфективирующей способностью, что отличает его от родственных иранских языков [Эдельман 1975: 338, 382, 401] и сближает со славянскими.

В современном осетинском языке действует грамматическая категория вида, представленная противопоставлением двух рядов глагольных форм несовершенного вида (НСВ) и совершенного вида (СВ) по аспектуальному семантическому основанию «направленность на достижение предела» [Цалиева 1983: 59–104; Левитская 2004]. Примеры приведены в таблице 1.

Таблица 1. Видовые пары: глаголы несовершенного и совершенного вида

Table 1. Aspectual pairs: imperfective and perfective verbs

Глаголы несовершенного вида	**Глаголы совершенного вида**
æрба-цæй*-тулын* ‘прикатывать’	***æрба****-тулын* ‘прикатить’
æр-цæй*-згъорын* ‘сбегать (сверху вниз)’	***æр****-ызгъорын*[1] ‘сбежать (сверху вниз)’
ра-цæй*-цæуын* ‘выходить (с позиции «наблюдателя», находящегося снаружи)’	***ра****-цæуын* ‘выйти (с позиции «наблюдателя», находящегося снаружи)’
с-цæй*-исын* ‘поднимать’	***с****-исын* ‘поднять’
фæ-цæй*-фæлдахын* ‘переворачивать’	***фæ****-фæлдахын* ‘перевернуть’

[1] Гласный *ы* на стыке приставки и корня протетический.

Приставочные глаголы с аффиксом *-цæй-* — глаголы несовершенного вида — обозначают недостигнутость предела. Приставочные глаголы без этого аффикса — глаголы совершенного вида — указывают на достигнутость предела. Подобные противопоставления отвечают главным требованиям, характеризующим вид как грамматическую категорию, а именно: 1) **выражают аспектуальное значение**, т. е., по формулировке А. М. Пешковского [1956: 105], обозначают «характер протекания и распределения действия во времени» (в осетинском таковым значением является указание «**направленности на достижение предела**», которое реализуется двумя рядами форм: либо как недостигнутость предела (НСВ), либо как его достигнутость (СВ)); 2) **свободны от лексических различий** (это главное требование, предъявляемое к видовым противопоставлениям: «Эмансипированность от лексических различий ⟨...⟩ должна быть признана самым важным из ⟨...⟩ критериев вида» [Маслов 2004: 332]); 3) употребление формы со значением соответствующего вида является **обязательным**, **принудительным**, **регулярным**, даже если содержание высказывания этого не требует, как, например, в следующем предложении:

(1) *Мæлæт-дзаг фæллад ба-код-т-а æмæ,*
смерть-ADJ уставший PV-делать-TR-PST.3SG и
æвæццæгæн, рагæй нырмæ уыд æнæ-хуысс-æг,
наверное давно теперь быть.PST.3SG без-спать-PTCP.PRS
*йæ уæлтъыфæл-тæ-**иу** сæ-хæдæг сæ-хи*
POSS.3SG верхнее_веко-PL-ITER POSS.3PL-REFL POSS.3PL-REFL.GEN
*'гъдау-æй цæст-ытæ **æр-цæй-æмбæрзт-ой**, æмæ-**иу***
обычай-ABL глаз-PL PV-IMPF-закрывать-TR.PST.3PL и-ITER
гъе уыцы рæстæг уæлтъыфæл-тæ тых-æй —
вот это время верхнее_веко-PL сила-ABL
*амал-т-æй фæстæмæ **с-ист-а** уæлæ-мæ.*
способ-PL-ABL обратно PV-поднимать-TR.PST.3SG сверху-ALL
'Он был смертельно утомлен и, видно, так давно не спал, что веки сами собой **опускались** на глаза его, он **поднимал** эти набухшие веки с видимым трудом' [с. 706 / с. 554][2].

[2] Примеры взяты из текстов романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» на осетинском и русском языках. В скобках указаны номера страниц: до косой черты — из [Фадеев 1953], после нее — из [Фадеев 1972].

Форма *æрцæйæмбæрзтой* ‘(веки) опускались (на глаза)’, букв.: ‘(веки) находились в процессе прикрытия (глаз)’ выступает в конкретно-процессном значении НСВ, что функционально соответствует русскому эквиваленту ‘опускались’. В высказывании осетинская форма входит с частицей *-иу* в состав аналитической конструкции, которая обозначает политемпоральную кратность действия [Левитская 2004: 31–32] и выражает буквально следующий смысл: ‘неоднократно находились в процессе прикрытия’. Без существенных потерь для смысла высказывания форма *æр-цæй-æмбæрзт-ой* (PV-IMPF-закрывать-TR.PST.3PL) ‘прикрывали’ могла бы быть заменена формой *æр-æмбæрзт-ой* (PV-закрывать-TR.PST.3PL) ‘прикрыли’, которая в составе аналитической конструкции с частицей *-иу* со значением политемпоральной кратности действия означала бы ‘опустились/прикрылись неоднократно’, что функционально-семантически соответствует русскому ‘опускались/прикрывались’.

В содержательном и аспектуальном планах указание в осетинском варианте на процессный характер прикрытия век при каждом его повторе никакого принципиального значения для общего смысла высказывания не имеет. Актуален только факт неоднократности этого действия. Тем не менее согласно требованию обязательности использования соответствующей грамматической формы в осетинском переводе употребляется форма, указывающая на процессуальный характер действия опускания век при каждом его повторе, т. е. в качестве обязательного реализуется требование осетинского вида как грамматической категории относительно семантики НСВ. Ср.: *æрцæйæмбæрзтой* (форма глагола в конкретно-процессном значении НСВ) ‘опускались’ в конструкции с частицей *-иу* означает ‘неоднократно опускались’; *æрæмбæрзтой* (форма глагола в конкретно-фактическом значении СВ) ‘опустились’ в конструкции с частицей *-иу* означает ‘неоднократно опустились = опускались’. Широко известны в этой связи суждения Р. О. Якобсона о том, что, если в языке какое-то семантическое различие оформилось в грамматическую категорию, язык в сфере действия этой категории уже не может оставлять данное различие не выраженным [Якобсон 1985]; см. также комментарий Ю. С. Маслова [2004: 329].

Аналогичное выполнение требования обязательности употребления видовой формы, соответствующей характеру протекания действия

в значении СВ, наблюдаем в случае употребления в этом же контексте (1) формы глагола СВ *систа* (*уæлæмæ*) ‘поднял (наверх)’ в составе конструкции с частицей *-иу*: *систа-иу* ‘поднимал’, букв.: ‘поднял неоднократно’, что функционально-семантически соответствует русскому ‘поднимал’. Употребление формы глагола НСВ *ист-а* (брать-TR. PST.3SG) ‘поднимал’ вместо *систа* ‘поднял’ в составе конструкции с *-иу* (*иста-иу* ‘поднимал’) тоже функционально-семантически соответствует русскому варианту ‘поднимал’. Однако, поскольку речь идет о том, что действие ‘поднятия (век)’ при каждом его повторе завершалось достижением предела, то должна быть, согласно требованиям грамматической категории, употреблена форма СВ, которая в составе конструкции с *-иу* имеет смысл ‘поднял неоднократно’, что соответствует русскому варианту ‘поднимал’. Ср.: *систа-иу* ‘неоднократно поднял = поднимал’; *иста-иу* ‘неоднократно поднимал = поднимал’.

Когда в осетинском языке могло сложиться видовое противопоставление как грамматическое? Каковы возможные хронологические рамки возникновения и формирования осетинского вида как грамматической категории? Наиболее «говорящей» и значимой с точки зрения предположения о предпосылках его возникновения является аспектуальная история группы глаголов движения/перемещения, а также глаголов других лексических разрядов, в семантике которых есть идея возможной направленности действия.

В современном осетинском языке восемь продуктивных глагольных приставок: *а-*, *æр-*, *æрба-*, *ба-*, *ра-*, *ны-*, *с-* и *фæ-*. Все они (кроме *фæ-*) имеют пространственно-ориентационное значение, т. е. указывают на направление движения (или на направленность действия) с позиции локализации условного наблюдателя за действием. Значение пространственной ориентации развилось в превербах в кавказский период истории осетинского языка и оценивается как субстратное. «...Не менее двух тысяч лет осетины-аланы являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного этнического круга. Очевидно a priori, что такие продолжительные связи не могли не оставить следы в языке...» [Абаев 1949: 76], а именно: «Система глагольных префиксов в осетинском может служить хорошей иллюстрацией того, как при бесспорно иранской форме элементы языка таят в себе, по-видимому, субстратное, кавказское содержание. Почти все интересующие нас глагольные

префиксы — иранского происхождения. [Они] ⟨...⟩ имеют ⟨...⟩ значение локативное (при глаголах, обозначающих передвижение) ⟨...⟩. Особенностью локативной семантики осетинских глагольных префиксов сравнительно с индоевропейскими является то, что они выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению движущегося предмета. Аналогичное положение вещей в грузинском» [Там же: 106–107], а также в языках других кавказских народов [Дешериева 1979: 111; Кумахов 1964: 164–165; Тарланов 1977: 93; Хайдаков 1975: 19–29] и др.

Развитию в кавказских языках «грамматической абстракции в плане дифференцированности пространственной ориентации и появлению соответствующих категориальных форм» способствовал «длительный процесс восприятия носителями этих языков фактов окружающего мира, а именно географической среды», характерной для горного ландшафта Кавказа [Гунаев 1977: 126].

Развитие в осетинских приставочных глаголах вышеназванных лексико-семантических разрядов категории пространственной ориентации имело для грамматического строя осетинского языка последствия исключительной значимости.

Совпадение направления движения (направленности действия) и локализации условного наблюдателя в глаголах с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* (позже и с *фæ-*) позволяет обозначить течение действия между его началом и концом («intra terminos»), в середине его течения («in medias res»; термины предложены Ю. С. Масловым [1984: 19]), т. е. позволяет реализовывать признак перцептивности/наблюдаемости, восприятия (лат. *perceptio* ‘восприятие’)[3].

В свою очередь, признак перцептивности является «определяющим контекстуальным и ситуативным условием» для выражения процессности действия [Бондарко 1980: 14]. Как известно, именно обозначение древнерусскими приставочными глаголами процессного

[3] «Перцептивное действие — это действие, воспринимаемое в процессе его протекания, действие, наблюдаемое или воспринимаемое на слух, осязаемое и т. д. Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия)» [Бондарко 1980: 14].

характера действия явилось началом формирования вида. Возникновение в древнерусском языке форм приставочных результативных глаголов со значением процессной направленности на достижение результата (предела) «было началом рождения несовершенного вида и, тем самым, вообще вида в собственном или узком смысле слова» [Маслов 2004: 472].

В более развернутой формулировке утверждение Ю. С. Маслова о том, что выражение приставочными результативными глаголами процессной направленности на достижение результата (предела) — это «начало рождения вида» в древнерусском языке, изложено в очерке «Об основных понятиях аспектологии»: «Предпосылкой возможного возникновения в префиксальных предельных глаголах значения совершенного вида является возникновение противопоставленных им образований с той же приставкой и тем же значением предельности, но изображающих данное действие как протекающий и незавершенный процесс. Там, где нет таких образований, нет и условий для формирования совершенного вида: без имперфективации приставочных глаголов нет и перфективации простых глаголов посредством присоединения приставки» [Маслов 1984: 17].

В приведенной формуле «рождения вида» в русском языке по Ю. С. Маслову в качестве важнейших предпосылок названы две составляющие в семантике глагола — значение процессности и значение предельности.

О способности осетинских приставочных глаголов указывать на процессный характер действия благодаря развитию в них пространственно-ориентационной семантики речь шла выше. Что касается обозначения предельности, то осетинские превербы «вынесли» эту способность из общеиранского состояния, как и глагольные приставки других иранских языков [Абаев 1965: 51–63; Оранский 1979: 83–84]. Так, например, Д. И. Эдельман отмечает, что древнеиранский располагал довольно богатой системой предлогов-превербов, уточнявших протекание действия в пространственном, временном отношении, а также указывавших на предельность действия: «Прибавлением различных превербов, главным образом локальной семантики, ⟨...⟩ образуется большая группа глаголов, имеющих значение предельности, от глаголов с различной семантикой...» [Эдельман 1975: 347]. Данную способность древнеиранских превербов отмечали также

Г. Райхельт [Reichelt 1978: 302] на материале языка Авесты, А. Мейе [Meillet 1931: 132] на материале древнеперсидского и многие другие авторы. Ю. С. Маслов писал о том, что «[р]яд глагольных образований с предельным значением был отмечен в древних индоевропейских языках и восстанавливался для индоевропейского праязыка в работах Б. Дельбрюка, Э. Вандриеса, П. Шантрена, А. Мейе и других лингвистов» [Маслов 1962: 16]. В. И. Абаев приводит примеры приставочных образований, которые он относит к эпохе «скифского» языка: ***а-****may* ‘строить’ [Абаев 1949: 153], ***а-****raz* ‘направлять, устраивать’ [Там же: 154], ***а-****rga* ‘освящать религией’ [Там же: 154], ***para-****data* ‘устанавливать’ [Там же: 175], ***fra-****xvay* ‘пронзать’; ***fal-****dar* ‘сокрушать’ [Абаев 1979: 347]. В этих примерах превербы являются маркерами предельности. Е. Е. Арманд указывает 16 древнеперсидских глаголов с приставками *ava-* и *ni-* предельной семантики [Арманд 2000].

Доказательством того, что уже в древнеосетинском языке превербы маркировали предельность, служит большое число осетинских глагольных образований, подвергшихся опрощению, все они имеют предельную семантику. Об этих образованиях писали Т. З. Козырева [1954], Р. Л. Цаболов [1957: 321–333], В. И. Абаев [1965: 63–64] и др. В результате переразложения основы приставки в этих глаголах не осознаются в качестве приставок, хотя исторически выделяются как «мертвые», непродуктивные. Например: ***æв****зарын* ‘выбирать’; ***æв****дисын* ‘показывать’; ***æф****снайын* ‘убирать’; ***æф****хæрын* ‘обижать, наказывать’; ***æл****васын* ‘стягивать’; ***æл****гъитын* ‘ругать’; ***æм****бийын* ‘гнить’; ***æм****пурсын* ‘громить; вторгаться’; ***æн****къарын* ‘ощущать’; ***æн****хъæлын* ‘представлять (себе); предполагать’; ***и****вайын* ‘бледнеть’; ***и****вылын* ‘разливать’; ***ив****гъуыйын* ‘проходить мимо, миновать’; ***ир****вæзын* (от ***ив-****рæзын*) ‘спасаться, избавляться; ускользать’; ***ир****хæфсын* (от ***ив-****хæфсын*) ‘развлекать; успокаивать; утешать; выручать’; ***иф-****тындзын* ‘запрягать лошадь; заряжать ружье’; ***лæ****марын* ‘выжимать’; ***лæ****гардын* ‘прорезáть’; ***рæ****дийын* ‘ошибаться’; ***рæ****мудзын* ‘вырывать’; ***у****дайын* ‘увлажнять’; ***у****ромын* ‘останавливать’; ***фæл****дисын* ‘посвящать (что-нибудь кому-нибудь в ритуальном смысле)’; ***фæл****тæрын* ‘испытывать’; ***фæр****судзын* ‘процеживать’ и др.

По мнению В. И. Абаева [1965: 64], сращение превербов с глагольными основами происходило уже в древнеиранском языке. Таким образом, приведенные и многие другие примеры (предельных!) гла-

голов с опрощением подтверждают, что к началу кавказского периода истории осетинские превербы выступали маркерами предельности. С развитием в осетинских глаголах движения/перемещения (и в глаголах других лексико-семантических разрядов со значением направленности действия) пространственно-ориентационных значений создаются условия для реализации признака процессности в глаголах с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* и *фæ-*, отличающихся возможностями обозначения признака перцептивности. Для выражения конкретно-процессного (имперфективного) значения на определенном этапе истории осетинского языка стали использоваться образования с аффиксом *-цæй-*. Подчеркнем, что видовые пары (т. е. не различающиеся лексической семантикой) в современном осетинском языке образуются только глаголами с вышеназванными приставками: формы с *-цæй-* выражают конкретно-процессное (имперфективное) значение, те же формы без этого аффикса — конкретно-фактическое (перфективное) (см. примеры в таблице 1). Глаголы с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* не имеют имперфективных форм, поскольку обозначаемая ими пространственная ориентация не допускает реализации признака перцептивности. Это связано с тем, что выражаемое ими направление движения не совпадает с локализацией условного наблюдателя: приставка *а-* указывает на движение наружу в направлении от наблюдателя, находящегося внутри; *ба-* — на движение внутрь от наблюдателя, находящегося снаружи; *ны-* — на движение вниз от наблюдателя, находящегося наверху.

На каком этапе истории осетинского языка названные предпосылки могли (предположительно) реализоваться для выражения имперфективного значения?

Единственный достоверный источник информации о более архаичном состоянии грамматического строя осетинского языка по сравнению с современным состоянием — это дигорский вариант осетинского языка. «...В области фонетики и отчасти морфологии он [дигорский диалект] отражает нормы переходные от древнеиранских к современным иронским. Иначе говоря, в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка» [Абаев 1949: 360], см. также [Исаев 1966: 80–84].

Особенности функционирования в дигорском варианте имперфективных глагольных форм с аффиксом *-цæй-*, как и некоторые дру-

гие аспектологические факты, представляют для нас чрезвычайный интерес в поисках ответа на вопрос о предположительном «возрасте» осетинского вида. Прежде чем прокомментировать эти особенности, приведем краткую историческую справку, которая позволит взять за условную точку отсчета в формировании аспектологических расхождений между дигорским и иронским середину XIV — начало XV в. Из истории осетинского народа известно, что: «С 1238 г., когда монголы приступили к покорению Алании ⟨...⟩ по 1395 г., когда походы Тимура стали завершающим ударом в череде трагических событий, Аланию постигла всеобъемлющая катастрофа, приведшая к массовому уничтожению населения ⟨...⟩ крушению государственности...» [Бзаров 2022: 105]. «В нач. XV в. спасшиеся от гибели разрозненные аланские группы оказались разбросанными по многим ущельям» [Там же: 117]. Малочисленные носители дигорского варианта оказались в условиях жесткой высокогорной изоляции, которая продолжалась до конца XVIII в. «Дигорское общество присоединилось последним из горных обществ Осетии к России» [Там же: 202]. «Основание первых дигорских селений ⟨...⟩ на равнине датируется приблизительно в диапазоне от сер. XVII в. до нач. XVIII в.» [Бзаров 2020: 82].

Таким образом, очерченные историками хронологические рамки длительного пребывания носителей дигорского варианта в условиях естественной изоляции позволяют предполагать, что выражение дигорскими глаголами аспектуальных значений может отражать ситуацию в осетинском языке периода накануне монгольского нашествия и позже. Подобное предположение подтверждают следующие языковые факты.

1. В. И. Абаев в очерке о расхождениях между двумя вариантами осетинского языка [Абаев 1949: 357–506] приводит многочисленные примеры различий между дигорским и иронским вариантами, в том числе и в употреблении глагольных форм с аффиксом *-цæй-*. Например, в следующих высказываниях: *ра-цæй-йевгъуд-æй мæ догæ* (PV-IMPF-проходить-PST.3SG POSS.1SG время) ‘ушло мое время’; *ниц-цæй-калд-æй мæ мæсуг* (PV-IMPF-разрушаться-PST.3SG POSS.1SG башня) ‘рухнула моя башня’, — вместо *рацæййевгъудæй* ‘ушло’ и *ниццæйкалдæй* ‘рухнула’ можно было бы использовать *рай-йевгъуд-æй* (PV-проходить-PST.3SG) ‘ушло’ и *ник-калд-æй* (PV-разрушаться-PST.3SG) ‘рухнула’, «так как речь идет о вполне завершившихся действиях» [Там же: 419]. В своем

комментарии В. И. Абаев обращает внимание на то, что в приведенном и во многих других подобных случаях в дигорском варианте аффикс *-цæй-* «часто не дает заметного отличия от форм без *-цæй-*» [Там же].

Аспектологическая составляющая В. И. Абаева не интересовала, он указывает просто на факт очевидных расхождений. Для нас именно аспектологическая составляющая приведенных расхождений представляет чрезвычайный интерес, поскольку свидетельствует о том, что даже в настоящее время в дигорском варианте формы с *цæй-* (имперфективы в иронском варианте) употребляются как недифференцированные по виду. Эта ситуация напоминает ситуацию в древнерусском языке в начале XI в., ср.: «Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо видом, в языке “Повести временных лет” могли употребляться то в одном, то в другом виде» [Ружичка 1962: 309], а также: «...Как в старославянском языке, так и в раннем древнерусском, [большие группы глаголов] еще не были охвачены категорией вида, ⟨...⟩ они должны быть расценены для той эпохи как немаркированные в отношении вида...» [Там же: 312].

Кроме того, в примере В. И. Абаева приведена дигорская форма *ниццæйкалдæй* ‘рухнула’ с приставкой *ни-*. Она соответствует *ны-* в иронском варианте, где глагольная форма с этой приставкой и аффиксом *-цæй-* абсолютно невозможна, поскольку, как отмечалось выше, формы с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* не имеют имперфективов с *цæй-* в силу невозможности выражать признак перцептивности, который является главным условием для обозначения процессности действия. Следовательно, в дигорском варианте наблюдается отражение ситуации, когда пространственно-ориентационные значения еще не вполне закрепились за определенными превербами и, соответственно, аспектуальная семантика «процессности» еще не вполне устоялась в формах с аффиксом *-цæй-* — вот почему какие-то группы глаголов оказываются не дифференцированными по виду. О похожей ситуации в древнерусском языке писал П. С. Кузнецов: «В древних славянских памятниках (и особенно в древнерусских) мы находим глаголы, могущие принадлежать к обоим видам или вообще с точки зрения вида строго еще не установившиеся» [Кузнецов 1961: 141].

2. Не до конца оформившиеся в дигорском пространственно-ориентационные значения превербов отражают и следующие факты:

иронский преверб *а-* не имеет соответствия в дигорском варианте. Там, где в иронском употребляется *а-*, в дигорском употребляется преверб *ра-*, который к тому же отличается пространственно-ориентационной семантикой от иронского *ра-*, а именно: дигорский преверб *ра-* указывает на движение наружу, как и иронский преверб *ра-*, но не называет места нахождения условного наблюдателя, тогда как в иронских формах с этим превербом есть указание на положение условного наблюдателя снаружи [Исаев 1966: 83].

3. В дигорском имеются примеры, отражающие процесс закрепления за бывшими иранскими предлогами и послелогами новых для них функций превербов. Речь идет о двойном употреблении преверба перед глаголом и после него: ***æр-****кæс-ай-****æр*** (PV-смотреть-SBJV.2SG-PV) ‘взгляни-ка’; ***ни-****ггæр код-т-а-****ни*** (PV-INTJ делать-TR-PST.3SG-PV) ‘воскликнул он’ и др. [Абаев 1949: 421]. Такие примеры указывают на то, что в дигорском варианте за бывшими предлогами еще не закрепились функции исключительно превербов, они продолжают употребляться и как послелоги.

4. В иронском варианте преверб, как правило, неотделим от глагольной основы (в составных глаголах — от именной части), в дигорском варианте между превербом и глагольной основой могут вставляться местоимения в качестве прямых и косвенных дополнений (объектов), а также другие энклитики, ср. примеры из [Абаев 1949: 421]:

(2а) Иронский вариант
ба-*цыд-и* ***йæм***
PV-идти-PST.3SG 3SG.ENCL.ALL

(2б) Дигорский вариант
ба-имæ-*цуд-æй*
PV-3SG.ENCL.ALL-идти-PST.3SG
‘(Он) пошел к нему’.

(3а) Иронский вариант
ба-*йс-дзын-æн* ***дын*** ***æй***
PV-брать-FUT-1SG 2SG.ENCL.DAT 3SG.ENCL.GEN

(3б) Дигорский вариант
ба-дин-æй-*йес-дзын-æн*
PV-2SG.ENCL.DAT-3SG.ENCL.GEN-брать-FUT-1SG
‘(Я) отниму его у тебя’.

(4а) Иронский вариант
с-дзырд-т-а ***ма***
PV-говорить-TR-PST.3SG еще

(4б) Дигорский вариант
ис-ма-дзурд-т-а
PV-еще-говорить-TR-PST.3SG
‘(Он) еще произнес’.

Подобные примеры расхождений между параллельными языковыми фактами в иронском и дигорском вариантах свидетельствуют о том, что дигорский все еще сохраняет картину неокончательного преобразования бывших иранских предлогов в превербы, хотя, по словам С. Н. Соколова [1979: 226], уже в языке Авесты «по месту в предложении превербы чаще тяготеют к глаголу, но могут и отделяться от него». Отметим, что и в иронском варианте наблюдаются факты параллельного функционирования слияния преверба с аффиксом *-цæй-* в отрыве от глагольной основы, например:

(5) *Суанг ма йын йæ къух-мæ дæр*
даже еще 3SG.ENCL.DAT POSS.3SG рука-ALL ADD
фæ-цæй æвнæлд-т-а, *фæлæ йæм йæ*
PV-IMPF трогать-TR-PST.3SG но 3SG.ENCL.ALL POSS.3SG
ныфс нæ ба-хаст-а.
вера NEG PV-нести-TR.PST.3SG
‘Она даже **сделала движение взять** (букв.: взяла было) его за руку, но не решилась’ [с. 89 / с. 71].

Параллельно отмечается и графическое слияние аффиксов с глагольной основой — *фæцæйæвнæлдта* ‘взяла было’.

В примере (6) наблюдаем слияние преверба *ра-* с аффиксом имперфективации *-цæй-*. Эта часть слова функционирует самостоятельно (отдельно от глагольной основы), о чем свидетельствует употребление местоимения *йын* ‘ей’ между частью *рацæй* и глаголом *хастой* ‘несли’.

(6) ***Ра-цæй йын хаст-ой*** *чемодан,*
PV-IMPF 3SG.ENCL.DAT нести-TR.PST.3PL чемодан
тыхтæ-ттæ, кæлмæрзæн.
узел-PL платок
‘Ей уже **несли** чемодан, узлы, платок’ [с. 58 / с. 47].

Параллельно в современном осетинском языке функционирует также и форма *рацæйхастой* ‘несли’ и другие подобные.

В (7) приведен пример слияния преверба *ра-* с аффиксом имперфективации *цæй-* и их написание отдельно от именной части составного глагола *ныхас кодта* ‘говорил’.

(7) *«Мæнæн та æппæт дæр ...» — **ра-цæй** **ныхас***
1SG.DAT CONTR все ADD PV-IMPF речь
код-т-а *Шульга.*
делать-TR-PST.3SG Шульга
‘«Та мои ж уси...», — **начал было** (букв.: начал было говорить) Шульга’ [с. 100 / с. 80].

Вариативность написания **исключается** при наличии энклитических местоимений — это всегда раздельное употребление (как в примере (6)) — и **сохраняется** при отсутствии энклитик, когда возможно параллельное употребление форм слитного или раздельного написания (например, в (5)).

Неокончательное позиционное закрепление превербов наблюдается и в составных глаголах иронского варианта: преверб может соединяться как со знаменательной частью, так и со вспомогательным глаголом. Например: *рох кæнын* ‘забывать’ → *рох **фæ-**кæн-ын* (забытый PV-делать-INF) или ***фе-**рох кæн-ын* (PV-забытый делать-INF) ‘забыть’; *рæхойын* ‘протыкать’ → ***фæ**рæхойын* или *рæхуыст **фæ-**кæн-ын* (протыкать.PTCP.PST PV-делать-INF) ‘проткнуть’; *зилын* ‘сворачивать’ → ***фæ**зилын* или *зил-гæ **фæ-**кæн-ын* (вертеть-PCVB PV-делать-INF) ‘свернуть’; *сæфын* ‘пропадать, погибать’ → ***фе**сæфын* или *сæф-гæ **фæ-**кæн-ын* (пропадать-PCVB PV-делать-INF) ‘пропасть, погибнуть’; *тæрсын* ‘пугаться’ → ***фæ**тæрсын* или *тæрс-гæ **фæ-**кæн-ын* (пугаться-PCVB PV-делать-INF) ‘испугаться’ и др. Контекстуальный пример:

(8) *Хъæр-гæн-гæйæ æмæ ехс-ыт-æй цъычч-ытæ -*
крик-делать-CVB и бич-PL-ABL удар_хлыстом-PL
къæрцц-ытæ кæн-гæйæ, тых-тæ - амæл-тт-æй
удар-PL делать-CVB сила-PL способ-PL-ABL
*фос **фæ-дыууæ** **дих-ы** **код-т-ой**,*
скот PV-два часть-NUM делать-TR-PST.3PL
уыл чысыл рæстæг нæ фе-сæф-гæйæ.
TOT.SUPER малый время NEG PV-пропадать-CVB
‘Крича и хлопая бичами, они с трудом **расчленили** стадо **надвое**, потратив на это немало времени’ [с. 642 / с. 503].

Приведенная в примере (8) форма ***фæ****дыууæ дихы кодтой* ‘расчленили надвое’, производная от формы *дыууæ дихы кæнын* ‘делить пополам’, имеет вариант *дыууæ дихы* ***фæ****кæнын* ‘расчленить надвое’.

5. Описанные в научной литературе (см., например, [Цаболов 1957: 328–329]) примеры восстановления в иронском варианте утраченного «мертвого» преверба *и-*, присутствующего в дигорских опрощенных формах, интересны как аспектологическое свидетельство об определенных этапах развития осетинского вида. Примеры таких глаголов приведены в таблице 2.

Таблица 2. Глаголы с приставкой *и-* в дигорском и иронском вариантах

Table 2. Digor and Iron verbs with the preverb *i-*

Дигорский глагол	**Иронский глагол**	**Перевод**	**Иронский глагол (с продуктивной приставкой)**
и*сæфун*	*сæфын*	‘пропадать’	***æрба-й-****сæфын* ‘пропасть внезапно’
и*тауын*	*тауын*	‘расстилать, сеять’	***ба-й-****тауын* ‘посеять’
и*гурун*	*гуырын*	‘рождаться’	***ра-й-****гуырын* ‘родиться’

Во-первых, все опрощенные дигорские формы — предельные, что подтверждает роль древних осетинских приставок как маркеров предельности, о чем речь шла выше. Во-вторых, факт восстановления в иронских формах утраченного преверба *и-* при соединении с продуктивными приставками свидетельствует об относительно недавнем процессе утраты данного преверба в иронском. В-третьих, этот факт интересен как доказательство относительно недавнего времени закрепления за иронскими превербами способности перфективировать глагол.

Об относительно недавнем развитии значения перфективности мы говорим потому, что с развитием в приставочных глаголах значения перфективности, с закреплением за приставками перфективирующей функции отпадает потребность в выражении с помощью «старой» приставки *и-* значения предельности: как известно, категория предельности/непредельности оказывается скрытой, подчиненной категории вида [Маслов 1962], **поскольку значение предельности**

входит в аспектуально-семантическое ядро перфективности. В иронских глаголах с предельной семантикой преверб как маркер предельности постепенно «исчезает», потому что «сигналом» об их предельной «природе» становится их участие в парном приставочном видообразовании, т. е. перфективирующая функция приставки «перекрывает» прежнюю «миссию» приставки обозначать предельность. Однако «мертвая» приставка *и-* как прежний маркер предельности все еще «заявляет о себе» в процессах перфективации при соединении с «живыми» приставками даже в иронском варианте. Именно поэтому этот факт следует, на наш взгляд, оценивать как доказательство относительно недавнего развития приставочной перфективации в современном осетинском языке.

Наконец, скажем об одном из самых ярких свидетельств «молодого» возраста осетинского вида — о группе глаголов с приставкой *фæ-*.

В современном осетинском языке функционируют глаголы с *фæ-* в значении совершенного вида, несовершенного вида, а также совершенного и несовершенного вида одновременно в рамках одной и той же словоформы. В самом объемном словаре осетинского языка [Гуриев, Гутиева 2016–2019] приведено более 850 словарных статей о глаголах с приставкой *фæ-*. Нами установлено, что 680 статей приводят глаголы с приставкой *фæ-* в значении совершенного вида, часть из них имеют видовую пару, 112 статей указывают только на значения несовершенного вида и 58 статей — на значения и совершенного, и несовершенного вида одновременно в рамках одной и той же словоформы. Наибольший интерес для нас представляют последние две группы.

Лексемы из группы глаголов **только НСВ** представлены глаголами *фæбарын* ‘измерять’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217] ← *барын* ‘измерять’ [Гуриев, Гутиева 2017: 111]; *фæдавын* ‘красть, воровать, похищать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 220] ← *давын* ‘красть, воровать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 386]; *фæниуын* ‘выть, завывать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 267] ← *ниуын* ‘выть, завывать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 345] и др.

Эта группа содержит глаголы, производные от глаголов и предельной, и непредельной, и двойственной семантики предельности/непредельности:

- **производящие П-семантики**: *ивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 663] → *фæивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева

2019: 234]; *мæлын* ‘умирать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 264] → *фæмæлын* ‘умирать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 255] и др.;

- **производящие НП-семантики**: *бæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 184] → *фæбæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217]; *зонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2017: 637] → *фæзонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2019: 232] и др.;
- **производящие двойственной П/НП-семантики**: *тæдзын* ‘капать, протекать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 26] → *фæтæдзын* ‘протекать, течь’ [Там же: 298]; *фæрсын* ‘спрашивать; читать; гадать; навещать, проведывать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 278] → *фæфæрсын* ‘долго спрашивать, расспрашивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 308] и др.

Присоединение приставки указывает на предельный характер действия. Сами глаголы — даже те, которые являются производными от предельных, — остаются (по данным словаря) в зоне глаголов только НСВ. Данная группа отражает ситуацию, похожую на ситуацию начала XII в. в старославянских и древнерусских памятниках письменности, о которой писал П. С. Кузнецов [1951: 452]: «...В древнерусских и старославянских памятниках древнейшей эпохи еще не было того противопоставления совершенного и несовершенного вида, какое наблюдается теперь, ⟨...⟩ присоединение приставки ⟨...⟩ не переводило глагол в совершенный вид». Параллель можно провести и с приставкой *ga-* в готском (в древневерхненемецком языке — IV–VI вв.), которую Ю. С. Маслов [2004: 261–265] характеризовал как маркер предельности.

Не менее говорящей о «молодом» возрасте осетинской категории вида является и группа глаголов с *фæ-*, отражающих видовую «разноголосицу» — это глаголы, приведенные в словаре в значениях и совершенного, и несовершенного вида. Именно эта группа отражает, на наш взгляд, переходный период, сходный с тем периодом в древнерусском языке начала XII века, о котором писал Р. Ружичка [1962: 309]: «Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо одним видом, в языке “Повести временных лет” (нач. XII в.) могли употребляться то в одном, то в другом виде». Приведем примеры глаголов **двойственной СВ/НСВ-семантики** из словаря: *ивæзын* ‘растягиваться, тянуться’ [Гуриев, Гутиева 2017: 664] → *фæивæзын* ‘рас-

тянуться’ (СВ); ‘растягиваться’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 234]; *лæмарын* ‘выжимать; давить; надавливать, цедить’ [Гуриев, Гутиева 2018: 207] → *фæлæмарын* ‘выжать’ (СВ); ‘выжимать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 241]; *марын* ‘убивать; мучить’ [Гуриев, Гутиева 2018: 248] → *фæмарын* ‘убить’ (СВ); ‘убивать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 255] и др.

Отметим, что **производящими** для данной группы глаголов, как и для группы глаголов только несовершенного вида, являются глаголы и **предельной** семантики (например, *æрвитын* ‘посылать’ [Гуриев, Гутиева 2016: 565] и др.), и **непредельной** (например, *хафын* ‘скоблить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 422] и др.), и **двойственной** П/НП семантики (например, *улæфын* ‘вздыхать’ (П), ‘дышать’ (НП) [Там же: 183] и др.).

Судя по тому, что в современном осетинском языке функционируют глаголы с *фæ-* только в НСВ, возможно употребление одной и той же глагольной формы и в СВ, и в НСВ, функционирование глагольной формы с *фæ-* только в СВ (бóльшая часть), а также возможно образование видовой пары ‘приставочный глагол с *фæ-* (СВ) / тот же глагол с аффиксом *-цæй-* (НСВ)’, можно указать на сходство данной группы приставочных глаголов с глаголами древних славянских памятников и, в особенности, древнерусских, которые могли «принадлежать к обоим видам» [Кузнецов 1961: 141]. Объяснение этому явлению кроется, как отмечалось нами ранее [Левитская 2025: 117–119], в более позднем вовлечении глаголов с приставкой *фæ-* в выражение аспектуальных значений в связи с отсутствием в них пространственно-ориентационной семантики. Этот семантический «изъян» не позволял глаголам с *фæ-* обозначать признак перцептивности и, соответственно, выражать процессное (имперфективное) значение.

Наличие нескольких глагольных групп с приставкой *фæ-* с разной видовой семантикой, «отставших», так сказать, от общей тенденции в процессах видообразования, подтверждает относительную недавность этих процессов, не завершенных в полной мере в дигорском варианте и сохраняющих «живое дыхание» процессов становления видовых пар и в иронском варианте, о чем речь шла выше.

Учитывая вышеприведенные сведения из истории осетинского народа периода с IV в. по XII в. и далее, лингвистические факты

из дигорского и иронского вариантов осетинского языка, предположительной точкой отсчета в возникновении **предпосылок** для формирования видовых значений в осетинском языке можно считать середину XIII в. — начало XIV в. Развитие названных в статье предпосылок происходило на стыке значения предельности и определенных значений пространственной ориентации в группе глаголов движения/перемещения (и других глаголов с семантикой направленности действия) с приставками *æр-*, *æрба-*, *ра-*, *с-* и *фæ-*. В этой группе реализуется признак перцептивности и тем самым обозначается процессность действия. Приставочные формы с аффиксом *-цæй-* указывают на действие, направленное на достижение предела, в середине его течения, в процессе. Противопоставленные им те же самые глаголы без этого аффикса указывают на достигнутость предела.

В русском языке развитие вида происходило на стыке значений категории предельности/непредельности и значений категории определенности/неопределенности действия: «Базу возникновения вида в собственном смысле, т. е. совершенности и несовершенности, составили предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия. Именно в них, по-видимому, появляется потребность формального, грамматического разграничения двух семантических возможностей, двух значений, выражавшихся ранее одной формой: “процессной направленности” на достижение результата, предела (‘быть в процессе собирания’ и т. п.) и самого его реального достижения (‘собрать’)» [Маслов 2004: 471]. Временем становления и окончательного формирования вида как грамматической категории в русском языке, как известно, принято считать конец XIV в. [Аванесов, Иванов 1982: 277–278].

Таким образом, в период завершения оформления вида как грамматической категории в русском языке в осетинском только возникали предпосылки для его зарождения, но тем более интересно с историко-типологической точки зрения совпадение в результатах независимой (вне взаимного влияния) реализации сходных лингвистических предпосылок.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ADJ — адъективизатор; ALL — аллатив; CONTR — контрастивная частица; CVB — деепричастие; DAT — датив; ENCL — местоименная энклитика; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMPF — имперфективная частица; IN — инессив; INF — инфинитив; INTJ — междометие; ITER — итеративная частица; NEG — отрицание; NUM — нумератив; PCVB — причастие-деепричастие; PL — множественное число; POSS — посессивное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексивное местоимение; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

НП — непредельность; НСВ — несовершенный вид; П — предельность; СВ — совершенный вид.

Литература

Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

Абаев 1965 — В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.

Абаев 1977 — В. И. Абаев. Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы V региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 5–9.

Абаев 1979 — В. И. Абаев. Скифо-сарматские наречия // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.

Аванесов, Иванов 1982 — Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). Историческая грамматика русского языка: Морфология, глагол. М.: Наука, 1982.

Арманд 2000 — Е. Е. Арманд. Соотношение превербов *ava* и *ni* в древнеперсидском языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 209–213.

Бзаров 2020 — Р. С. Бзаров. Дигорское общество Алании: Очерки социальной истории. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОГУ, 2020.

Бзаров 2022 — Р. С. Бзаров. История Алании. Владикавказ: Мидуат, 2022.

Бондарко 1980 — А. В. Бондарко. Об уровнях описания грамматических единиц (на примере анализа функции глагольного вида в русском языке) // А. В. Бондарко (отв. ред.). Функциональный анализ грамматических единиц. Л.: Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. С. 5–28.

Гунаев 1977 — З. С. Гунаев. О выражении пространственных отношений в некоторых дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 126–129.

Дешериева 1979 — Т. И. Дешериева. Исследование видовременной системы в нахских языках. М.: Наука, 1979.

Зетейшвили 1976 — С. Г. Зетейшвили. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана Исповедника // В. Т. Пашуто (отв. ред.). Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 81–86.

Исаев 1966 — М. И. Исаев. Дигорский диалект осетинского языка: Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1966.

Козырева 1954 — Т. З. Козырева. Глагольные приставки и их основные функции в осетинском языке // Известия СОНИИ. 1954. Т. XVI. С. 112–132.

Кузнецов 1951 — П. С. Кузнецов. Примечания // А. Мейе. Общеславянский язык. П. С. Кузнецов (пер. с франц.), С. Б. Бернштейн (ред.). М.: Издательство иностранной литературы, 1951. С. 415–470.

Кузнецов 1961 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Кузнецов 1971 — В. А. Кузнецов. Алания в X–XII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.

Кумахов 1964 — М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков. М.; Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964.

Левитская 2004 — А. А. Левитская. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 29–41.

Левитская 2025 — А. А. Левитская. Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) // Индоиранские языки. 2025. Т. 1. № 1. С. 89–129. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5.

Маслов 1962 — Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Ю. С. Маслов (сост., ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 7–32.

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Об основных понятиях аспектологии // Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 5–47.

Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян (сост., ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004.

Оранский 1979 — И. М. Оранский. Введение // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 10–128.

Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.

Ружичка 1962 — Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести Временных лет». Глава XI. Заключение // Ю. С. Маслов (сост., ред.). Вопросы глагольного вида: Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 308–319.

Рыбаков 1982 — Б. А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

Соколов 1979 — С. Н. Соколов. Язык Авесты // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 129–233.

Тарланов 1977 — З. К. Тарланов. Опыт анализа личных местоимений в восточнолезгинских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 89–96.

Турчанинов 1971 — Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М.: Наука, 1971.

Хайдаков 1975 — С. И. Хайдаков. Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука, 1975.

Цаболов 1957 — Р. Л. Цаболов. К истории осетинских превербов // Известия СОНИИ. 1957. Т. XIX. С. 319–354.

Цалиева 1983 — А. А. Цалиева. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи. Дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1983.

Эдельман 1975 — Д. И. Эдельман. Категория времени и вида // В. С. Расторгуева (отв. ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II: Эволюция грамматических категорий. М.: Наука, 1975. С. 337–411.

Этерлей 1970 — Е. Н. Этерлей. Древнерусский имперфект: значение и употребление. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.: Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, 1970.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Р. О. Якобсон. Избранные работы. В. А. Звегинцев (сост., ред.). М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

Meillet 1931 — A. Meillet. Grammaire du vieux-perse. 2e éd. Paris: Champion, 1931.

Reichelt 1978 — H. Reichelt. Awestisches Elementarbuch. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978.

Источники

Гуриев, Гутиева 2016 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016.

Гуриев, Гутиева 2017 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 2. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

Гуриев, Гутиева 2018 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 3. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018.

Гуриев, Гутиева 2019 — Т. А. Гуриев, Э. Т. Гутиева (сост.). Осетинско-русский словарь. Т. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.

Фадеев 1953 — А. А. Фадеев. Æрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстоны чингуыты рауагъдад, 1953.

Фадеев 1972 — А. А. Фадеев. Молодая гвардия. Собрание сочинений в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1972.

References

Abaev 1949 — V. I. Abaev. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetic language and folklore]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949.

Abaev 1965 — V. I. Abaev. *Skifo-yevropeyskiye izoglossy: Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European isoglosses: At the crossroads of East and West]. Moscow: Nauka, 1965.

Abaev 1977 — V. I. Abaev. Znacheniye arealnykh kontaktov v istorii yazyka [The role of areal contacts in language history]. *Materialy V regionalnoy nauchnoy sessii po istoriko-sravnitelnomu izucheniyu iberiysko-kavkazskikh yazykov* [Proceedings of the 5th Regional Scientific Session on Historical and Comparative Studies of the Iberian-Caucasian Languages]. Ordzhonikidze: Ir, 1977. P. 5–9.

Abaev 1979 — V. I. Abaev. Skifo-sarmatskiye narechiya [Scythian-Sarmatian dialects]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 272–364.

Armand 2000 — E. E. Armand. Sootnosheniye preverbov *ava* i *ni* v drevnepersidskom yazyke [The relationship between the preverbs *ava* and *ni* in Old Persian]. *Vasiliyu Ivanovichu Abaevu 100 let: Sbornik statey po iranistike, obshchemu yazykoznaniyu, yevraziyskim kulturam* [For Vasiliy Ivanovich Abaev on his 100th birthday: A collection of articles on Iranian studies, general linguistics, and Eurasian cultures]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 209–213.

Avanesov, Ivanov 1982 — R. I. Avanesov, V. V. Ivanov (eds.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Morfologiya. Glagol* [Historical grammar of the Russian language: Morphology. The verb]. Moscow: Nauka, 1982.

Bondarko 1980 — A. V. Bondarko. Ob urovnyakh opisaniya grammaticheskikh yedinits (na primere analiza funktsii glagolnogo vida v russkom yazyke) [On the levels of description of grammatical units (a study of the functions of Russian verbal aspect)]. A. V. Bondarko (ed.). *Funktsionalnyy analiz grammaticheskikh yedinits* [Functional analysis of grammatical units]. Leningrad: Publishing House of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1980. P. 5–28.

Bzarov 2020 — R. S. Bzarov. *Digorskoye obshchestvo Alanii: Ocherki sotsialnoy istorii* [Digor society of Alania: Essays on social history]. Vladikavkaz: Publishing House of North Ossetian State University, 2020.

Bzarov 2022 — R. S. Bzarov. *Istoriya Alanii* [History of Alania]. Vladikavkaz: Miduat, 2022.

Desheriyeva 1979 — T. I. Desheriyeva. *Issledovaniye vidovremennoy sistemy v nakhskikh yazykakh* [A study of the tense-aspect system in Nakh languages]. Moscow: Nauka, 1979.

Edelman 1975 — D. I. Edelman. Kategoriya vremeni i vida [The category of tense and aspect]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov. T. II: Evolyutsiya grammaticheskikh kategoriy* [A historical-typological study of Iranian languages. Vol. 2: Evolution of grammatical categories]. Moscow: Nauka, 1975. P. 337–411.

Eterley 1970 — E. N. Eterley. *Drevnerusskiy imperfekt: znacheniye i upotrebleniye* [Old Russian Imperfect: Meaning and usage]. Candidate dissertation abstract. Leningrad: Leningrad branch of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1970.

Gunayev 1977 — Z. S. Gunayev. O vyrazhenii prostranstvennykh otnosheniy v nekotorykh dagestanskikh yazykakh [On the expression of spatial relations in some Daghestanian languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1977. No. 6. P. 126–129.

Isayev 1966 — M. I. Isayev. *Digorskiy dialekt osetinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [The Digor dialect of Ossetic: Phonetics. Morphology]. Moscow: Nauka, 1966.

Jakobson 1985 — R. O. Jakobson. Vzglyady Boasa na grammaticheskoye znacheniye [Boas' views of grammatical meaning]. R. O. Jakobson. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. V. A. Zvegintsev (comp., ed.). Moscow: Progress, 1985. P. 231–238.

Khaydakov 1975 — S. I. Khaydakov. *Sistema glagola v dagestanskikh yazykakh* [The verb system in Daghestanian languages]. Moscow: Nauka, 1975.

Kozyreva 1954 — T. Z. Kozyreva. Glagolnyye pristavki i ikh osnovnyye funktsii v osetinskom yazyke [Verbal prefixes and their main functions in Ossetic]. *Izvestia SONII*. 1954. Vol. 16. P. 112–132.

Kumakhov 1964 — M. A. Kumakhov. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Moscow; Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1964.

Kuznetsov 1951 — P. S. Kuznetsov. Primechaniya [Notes]. A. Meillet. *Obshcheslavyanskiy yazyk* [Common Slavic]. P. S. Kuznetsov (transl. from French), S. B. Bernstein (ed.). Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1951. P. 415–470.

Kuznetsov 1961 — P. S. Kuznetsov. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka* [Essays on the morphology of the Proto-Slavic language]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.

Kuznetsov 1971 — V. A. Kuznetsov. *Alaniya v X–XII vv.* [Alania in the 10th–12th centuries]. Ordzhonikidze: Ir, 1971.

Levitskaya 2004 — A. A. Levitskaya. Aspektualnost v osetinskom yazyke: geneticheskiye predposylki, arealnyye svyazi, tipologicheskoye skhodstvo [Aspectuality in Ossetic: Genetic prerequisites, areal connections, typological similarity]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No. 1. P. 29–41.

Levitskaya 2025 — A. A. Levitskaya. Aspektualno-aktsionalnaya semantika glagolov s pristavkoy *fæ-* v sovremennom osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim) [Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian)]. *Indo-Iranian languages*. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 89–129. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5.

Maslov 1962 — Yu. S. Maslov. Voprosy glagolnogo vida v sovremennom zarubezhnom yazykoznanii [Issues in verbal aspect in modern foreign linguistics]. Yu. S. Maslov (comp., ed.). *Voprosy glagolnogo vida* [Issues of verb aspect]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 7–32.

Maslov 1984 — Yu. S. Maslov. Ob osnovnykh ponyatiyakh aspektologii [On the basic concepts of aspectology]. Yu. S. Maslov. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State University, 1984. P. 5–47.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. A. V. Bondarko, T. A. Maisak, V. A. Plungian (comps., eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Meillet 1931 — A. Meillet. *Grammaire du vieux-perse*. 2e éd. Paris: Champion, 1931.

Oranskiy 1979 — I. M. Oranskiy. Vvedeniye [Introduction]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 10–128.

Peshkovskiy 1956 — A. M. Peshkovskiy. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific perspective]. 7th edn. Moscow: Uchpedgiz, 1956.

Reichelt 1978 — H. Reichelt. *Awestisches Elementarbuch*. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978.

Růžička 1962 — R. Růžička. Glagolnyy vid v «Povesti Vremennykh let». Glava XI. Zaklyucheniye [Verbal aspect in the Primary Chronicle. Chapter XI. Conclusion]. Yu. S. Maslov (comp., ed.). *Voprosy glagolnogo vida* [Issues of verb aspect]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 308–319.

Rybakov 1982 — B. A. Rybakov. *Kievskaya Rus i russkiye knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the 12th–13th centuries]. Moscow: Nauka, 1982.

Sokolov 1979 — S. N. Sokolov. Yazyk Avesty [The language of the Avesta]. V. S. Rastorguyeva. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Drevneiranskiye yazyki*

[Fundamentals of Iranian linguistics: Old Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979. P. 129–233.

Tarlanov 1977 — Z. K. Tarlanov. Opyt analiza lichnykh mestoimeniy v vostochnolezginskikh yazykakh [Towards the analysis of personal pronouns in the East Lezgic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1977. No. 5. P. 89–96.

Tsabolov 1957 — R. L. Tsabolov. K istorii osetinskikh preverbov [On the history of Ossetic preverbs]. *Izvestia SONII*. 1957. Vol. 19. P. 319–354.

Tsalieva 1983 — A. A. Tsalieva. *Aspektualnost v osetinskom yazyke, yeye geneticheskiye i arealnyye svyazi* [Aspectuality in Ossetic, its genetic and areal connections]. Candidate dissertation. Leningrad: Leningrad State University, 1983.

Turchaninov 1971 — G. F. Turchaninov. *Pamyatniki pisma i yazyka narodov Kavkaza i Vostochnoy Yevropy* [Monuments of writing and language of the Caucasian and Eastern European peoples]. Moscow: Nauka, 1971.

Zeteyshvili 1976 — S. G. Zeteyshvili. Svedeniya ob alanakh v «Khronografii» Feofana Ispovednika [References to the Alans in the Chronography of Theophanes the Confessor]. V. T. Pashuto (ed.). *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya* [The earliest states on the territory of the USSR: Materials and research]. Moscow: Nauka, 1976. P. 81–86.

Получено/received 25.03.2026 *Принято/accepted 11.06.2026*

Расщепленное маркирование реципиента в иронском диалекте осетинского языка

А. В. Прокопьева

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
anyaprokopyeva2004@gmail.com; ORCID: 0009-0002-3015-4898

Аннотация. Исследование посвящено факторам выбора между двумя стратегиями маркирования реципиента в иронском диалекте осетинского языка — дативной и аллативной. Данные, полученные методом элицитации, демонстрируют, что гипотеза О. И. Беляева и М. А. Даниэля [Belyaev, Daniel ms] корректно предсказывает предпочтение датива в ситуациях, включающих передачу права на владение от агенса к реципиенту, а также выбор аллатива в контекстах с фокусом на перемещение участника с ролью темы в пространстве. В статье обсуждается не учтенная в данной гипотезе возможность дативного маркирования реципиента при отсутствии передачи права на владение: датив обязателен, если пространственное перемещение темы невозможно, а также приемлем наравне с аллативом в контекстах, не подразумевающих сохранение у агенса права на обладание объектом.

Ключевые слова: расщепленное маркирование, реципиент, битранзитивная конструкция, осетинский

Для цитирования: Прокопьева А. В. Расщепленное маркирование реципиента в иронском диалекте осетинского языка // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 73–100.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.3

Split recipient marking in Iron Ossetic

Anna V. Prokopeva

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
anyaprokopyeva2004@gmail.com; ORCID: 0009-0002-3015-4898

Abstract. In Iron Ossetic, there are two cases that can mark recipients in ditransitive constructions: dative and allative. In the corpus study conducted by Oleg Belyaev and Michael Daniel [ms], the choice between these cases was explained

© А. В. Прокопьева, 2026

by specifying two components of the situation of giving: transfer of possession and transfer in space. If transfer of possession takes place, the dative strategy is preferred; otherwise, if the theme doesn't change its possessor or if the focus is on spatial transfer, the allative strategy is chosen. Authors suppose that this distinction may be a result of contact influence, because such split recipient marking system is also observed in East Caucasian languages.

In this study, the hypothesis proposed by Belyaev and Daniel [ms] was tested using the elicitation method. Data supporting this theory were found. For example, respondents usually prefer the dative strategy in contexts including transfer of possession, but the allative case can be their first choice if the stimulus explicitly indicates spatial movement. However, the dative form is also considered as the only form possible if neither transfer of possession nor transfer in space occur, which makes it the "default" form. Lastly, if the stimulus involves only transfer in space, the allative strategy is preferred, but dative marking is possible if the agent does not retain possession of the theme. Thus, this factor should be included in our hypothesis in addition to transfer of possession and spatial transfer.

Keywords: split marking, recipient, ditransitive construction, Ossetic

For citation: Prokopeva A. V. Split recipient marking in Iron Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 73–100.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.3

1. Введение

В данной работе представлены результаты исследования расщепленного маркирования реципиента при глаголе *дæттын* 'давать' в иронском диалекте осетинского языка (восточноиранский; Республика Северная Осетия — Алания и Республика Южная Осетия). Целью исследования являлось описание факторов, определяющих выбор между двумя возможными падежными формами реципиента — дативной и аллативной. Данные стратегии падежного маркирования в части битранзитивных конструкций, в том числе при глаголе *дæттын* 'давать'[1], нередко рассматриваются как взаимозаменимые, а процесс выбора между ними — как конкуренция (англ. *competition*) [Thordarson 2009: 151], однако, как будет показано далее, можно выде-

[1] Имеет основы *дæтт-* (имперфективная основа настоящего времени), *лæвæрд-* (имперфективная основа прошедшего времени), *рад-* (перфективная основа), а также супплетивную форму императива *æри* (отсутствует в приведенных примерах).

лить конкретные условия, определяющие выбор той или иной стратегии маркирования реципиента.

Материалом исследования послужили данные элицитации, собранные в г. Владикавказ в 2024–2025 гг. В ходе работы с носителями использовались как письменные стимулы на осетинском, куда требовалось вставить существительное, обозначающее реципиента, в нужном падеже, так и стимулы на русском, которые респондентам предлагалось перевести на осетинский. Примеры могли сопровождаться контекстом, определяющим условия ситуации передачи. Стимульные предложения на осетинском в процессе опроса оценивались респондентами на приемлемость.

В исследовании приняли участие 10 респондентов. Их можно разделить на две группы: в первую входят студенты СОГУ в возрасте 20–22 лет (3 респондента женского пола, 1 — мужского); во вторую — 6 женщин 39–53 лет (все они имеют высшее образование). Все респонденты являются русско-осетинскими билингвами; на момент исследования они учились или работали во Владикавказе, 9 респондентов переехали в этот город из других районов Северной Осетии. Десятая респондентка провела детство в дигорском селе в Кабардино-Балкарии и владеет дигорским диалектом осетинского языка наравне с иронским (далее — респондентка D).

Необходимо отметить, что явление расщепленного маркирования реципиента неодинаково представлено в речи носителей осетинского языка, участвовавших в исследовании. Так, из четырех опрошенных носителей в возрасте 20–22 лет двое во всех контекстах выбирают датив, однако разрешают аллатив в случаях, когда возможна передача участника с ролью темы «из рук в руки»; один респондент запрещает аллативное маркирование реципиента во всех примерах с глаголом *дæттын* ‘давать’ (1); данные респондентов, не использующих аллативную стратегию, в дальнейшем исключаются из анализа. Напротив, у носителей в возрасте 39–53 лет в качестве первой реакции может возникать как дативная (2), так и аллативная (3) форма реципиента. Выбор падежа этими респондентами определяется не столько тем, допускает ли описываемая ситуация передачу «из рук в руки», сколько взаимодействием нескольких факторов. Именно эти факторы рассматривались в ходе исследования и будут подробнее описаны далее.

(1) *Рустам йæ сахат* ***мастер-æн*** / [6–OK, 1–]****мастер-мæ***
Р. POSS.3SG часы мастер-DAT мастер-ALL
дæтт-ы с-кæн-ын-мæ.
давать-PRS.3SG PV-делать-INF-ALL
‘Рустам дает мастеру часы на починку’.

(2) [Анне купили новый телефон, а старый она отдает младшей сестре.]
Анна йæ ***хо-йæн*** *дæтт-ы телефон.*
А. POSS.3SG сестра-DAT давать-PRS.3SG телефон
‘Анна дает своей сестре телефон’.

(3) *Фыд* ***мад-мæ*** *кард дæтт-ы,*
отец мать-ALL нож давать-PRS.3SG
цæмæй чъири а-лыг кæн-а.
чтобы пирог PV-разрез делать-SBJV.3SG
‘Отец дает матери нож, чтобы она нарезала пирог’.

Статья устроена следующим образом: в разделе 2 приведены имеющиеся описания функций датива и аллатива, а также рассматривается гипотеза о выборе падежного маркирования реципиента О. И. Беляева и М. А. Даниэля [Belyaev, Daniel ms]. Далее описываются факторы, определяющие выбор стратегии маркирования реципиента: раздел 3 посвящен влиянию семантических свойств темы (передаваемого объекта) на выбор падежа; в разделе 4 описывается зависимость падежа от семантики самой ситуации передачи. Наконец, в разделе 5 подводятся итоги исследования.

2. Обзор литературы

В данном разделе представлены данные грамматик и отдельных исследований осетинского языка. В пункте 2.1 рассматриваются основные функции датива и аллатива, в том числе те, которые являются общими для этих падежей; в пункте 2.2 приводится краткое описание исследования [Belyaev, Daniel ms], на которое опирается данная работа.

2.1. Датив и аллатив

Осетинский язык (иронский диалект) имеет развитую падежную систему, насчитывающую девять падежей, в число которых входят

датив -(*й*)*æн* (DAT) и аллатив -*мæ* (ALL). Оба падежа обладают широким набором функций. Датив маркирует бенефактивного участника ситуации (4), реципиента (5), внешнего посессора (6), а также указывает на назначение предмета (7).

(4) *кус-ын* ***адæм-æн***
работать-PRS.1SG народ-DAT
‘работаю для народа’ [Багаев 1965: 151]

(5) *дæтт-ын чиныг* ***æмбал-æн***
давать-PRS.1SG книга друг-DAT
‘даю книгу товарищу’ [Там же]

(6) ***Алан-æн*** *йæ хæдзар рæсугъд у.*
А.-DAT POSS.3SG дом красивый быть.PRS.3SG
‘Дом Алана красивый’ [Belyaev, Daniel ms: 2].

(7) *гæрз* ***рон-æн*** *у*
ремень пояс-DAT быть.PRS.3SG
‘ремень для пояса’ [Багаев 1965: 152]

Аллатив обозначает пункт назначения при перемещении в пространстве (8), в том числе одушевленный (9), что будет существенно для аллативного маркирования реципиента; помимо этого, он используется для выражения времени окончания (10) или продолжительности действия (11), а также цели действия (12).

(8) *Скъоладзау-тæ ба-цыд-ысты* ***кълас-мæ****.*
школьник-PL PV-идти-PST.3PL класс-ALL
‘Ученики вошли в класс’ [Багаев 1965: 158].

(9) *Алан* ***Заур-мæ*** *æрба-цыд-и.*
А. З.-ALL PV-идти-PST.3SG
‘Алан пришел к Зауру’ [Belyaev, Daniel ms: 2].

(10) *Пионер-тæ фæ-хъазыд-ысты суанг* ***изæр-мæ****.*
пионер-PL PV-играть-PST.3PL вплоть вечер-ALL
‘Пионеры поиграли до самого вечера’ [Багаев 1965: 158].

(11) *Мæ хо æртæ* ***минут-мæ***
POSS.1SG сестра три минута-ALL
ны-ссагъ-т-а тюльпан.
PV-сажать-TR-PST.3SG тюльпан
‘Моя сестра за три минуты посадила тюльпан’.

(12) *Æз цæу-ын ме ’мбал-мæ* ***чиныг-мæ***.
я идти-PRS.1SG POSS.1SG друг-ALL книга-ALL
‘Я иду к товарищу за книгой’ [Багаев 1965: 157].

И датив, и аллатив могут маркировать предикативный посессор: датив в клаузах с неотчуждаемой принадлежностью (13), аллатив — с отчуждаемой (14).

(13) ***Алан-æн*** *ис æфсымæр.*
А.-DAT EXST брат
‘У Алана есть брат’ [Belyaev, Daniel ms: 2].

(14) ***Алан-мæ*** *ис хæдтулгæ.*
А.-ALL EXST автомобиль
‘У Алана есть автомобиль’ [Ibid.].

Аллатив (15), как и датив (5), встречается в качестве падежа реципиента. Выбор между двумя возможными стратегиями маркирования редко комментируется в грамматических описаниях: к примеру, он описывается как конкуренция между стратегиями [Thordarson 2009: 151]. В. И. Абаев [1959: 27] указывает на изменение значения в ситуации передачи в зависимости от падежной формы, но на примере локативного участника, а не реципиента, ср. (16)–(17).

(15) *Ахуыргæнæг рад-т-а чиныг* ***скъоладзау-мæ***.
учитель дать-TR-PST.3SG книга школьник-ALL
‘Учитель передал книгу ученику’ [Багаев 1965: 157].

(16) *Мæ бæх* ***Инал-æн*** *ба-ззад-ис.*
POSS.1SG лошадь И.-DAT PV-оставаться-PST.3SG
‘Моя лошадь осталась Иналу (в собственность)’ [Абаев 1959: 27].

(17) *Мæ бæх* ***Инал-мæ*** *ба-ззад-ис.*
POSS.1SG лошадь И.-ALL PV-оставаться-PST.3SG
‘Моя лошадь осталась у Инала’ [Там же].

В примере (16), в отличие от примера (17), происходит передача в собственность: в клаузе с локативным участником в дативе (16) предполагается, что Инал становится постоянным владельцем лошади, тогда как у примера (17) с аллативным маркированием подобный оттенок значения не отмечается.

2.2. Расщепленное маркирование реципиента: данные корпусного исследования

Подробное исследование расщепленного маркирования реципиента в иронском диалекте осетинского языка было проведено в работе [Belyaev, Daniel ms], основанной в первую очередь на данных ОНК (около 10 млн словоупотреблений на 2025 г.) и УКО (60 тыс. словоупотреблений на 2025 г.). Авторы рассматривают две гипотезы (далее — гипотеза № 1 и гипотеза № 2) и заключают, что гипотеза № 2 лучше объясняет имеющиеся данные. Однако гипотеза № 1 также заслуживает упоминания, так как фактор, который, согласно данной гипотезе, является ключевым, релевантен для обсуждения некоторых элицитированных нами примеров.

> **Гипотеза № 1:**
>
> Дативная стратегия маркирования реципиента используется в предложениях, описывающих передачу в постоянное пользование, тогда как аллативная стратегия возникает в контекстах передачи на время[2].

Различное маркирование реципиента, объясняемое первой гипотезой, иллюстрируется примерами (18) и (19).

(18) [Во время распределения добычи после набега:]
Дæ-хæдæг ***мын*** *цы* *ратт-ай*
POSS.2SG-сам 1SG.ENCL.DAT что дать-SBJV.2SG
уый *ра-йс-дзын-æн.*
тот PV-брать-FUT-1SG
‘Что ты сам мне дашь, то возьму’ [Миллер 1887: 174], цит. по [Belyaev, Daniel ms: 2].

(19) [Требуется человек, способный последить за конем, пока мальчик, его хозяин, будет в доме.]
Стæй ***йæм*** *лæппу* *йæ* *бæх* *рад-т-а.*
потом 3SG.ENCL.ALL мальчик POSS.3SG конь дать-TR-PST.3SG
‘Потом ему мальчик отдал своего коня’ [Там же: 173], цит. по [Belyaev, Daniel ms: 2].

[2] «The generalization that emerges from such contexts is that the dative is used when the Theme is transferred to the Recipient permanently, while the allative is used when the transfer is only temporary» [Belyaev, Daniel ms: 3].

В ситуации, когда реципиент получает предмет-тему в постоянное пользование (далее — постоянная передача), наблюдается дативная стратегия (18), а в примере, где передача осуществляется лишь на время (далее — вре́менная передача), реципиент маркируется аллативом (19). Однако авторы исследования приводят контексты, где аллатив возникает вопреки предсказаниям гипотезы № 1 — в предложениях, описывающих ситуации постоянной передачи. В первую очередь это контексты возврата (20) и передачи через посредника (21).

(20) *æмæ дын* ***мæм*** *сæ афтæ*
и PTCL 1SG.ENCL.ALL 3PL.ENCL.GEN так
æрба-лæвæрд-т-а, æртæ тæбæгъ-ы
PV-давать-TR-PST.3SG три тарелка-NUM
'И таким образом она дала (вернула) мне три тарелки' [УКО: Зангиева-Хабалова 2, 118.1], цит. по [Belyaev, Daniel ms: 4].

(21) *Æрба-хаст-а сæ цавæр-дæр*
PV-нести-TR.PST.3SG 3PL.ENCL.GEN какой-INDEF
матрос. ***Мæнмæ*** *сæ рад-т-а*
матрос Я.ALL 3PL.ENCL.GEN дать-TR-PST.3SG
Клавдио, мæ-хæдæг нæ фед-т-он уый
К. POSS.1SG-сам NEG увидеть-TR-PST.1SG тот
'Какой-то матрос принес их (письма). Их отдал мне Клавдио, но я сам не видел его (матроса)' [ОНК: Вильям Шекспир. Гамлет, даниаг принц. Пер. Васо Малиева, 1963–2007], цит. по [Belyaev, Daniel ms: 3].

Использование аллативной стратегии маркирования реципиента в примерах выше объясняется тем, что в них не происходит передачи права на владение от агенса к реципиенту. В случаях возврата реципиент и до ситуации передачи является основным владельцем объекта, а в контекстах, где агенсом выступает посредник, передача права на владение осуществляется от изначального обладателя объекта к реципиенту — агенс в этом процессе не участвует. Исходя из этого, авторы выдвигают новую гипотезу — гипотезу № 2.

Гипотеза № 2:

Выбор падежа определяется компонентом описываемой ситуации, который принимается во внимание говорящим: дативная стратегия предполагает передачу права на владение темой, в то время как алла-

тивная стратегия создает фокус на перемещении темы в пространстве от агенса к реципиенту[3].

Следуя второй гипотезе, в примерах с дативом мы наблюдаем истинный реципиент, в то время как в клаузах с использованием аллатива роль реципиента сближается с ролью пункта назначения при пространственном перемещении, которая в осетинском языке маркируется тем же падежом. Предсказания гипотезы № 2 можно обобщить в таблице 1.

Таблица 1. Два компонента ситуации передачи: корпусные данные [Belyaev, Daniel ms]

Table 1. Two components of the situation of giving: corpus data [Belyaev, Daniel ms]

		Перемещение в пространстве (пункт назначения)	
		+	–
Передача права на владение (реципиент)	+	DAT или ALL	DAT (*ALL)
	–	ALL (*DAT)	

О. И. Беляев и М. А. Даниэль [Belyaev, Daniel ms] предполагают, что такая дистрибуция датива и аллатива в осетинском может быть результатом контактного влияния нахско-дагестанских языков, для которых описывались похожие факторы, влияющие на выбор стратегии маркирования реципиента [Daniel et al. 2010; Daniel 2015]. Так, в примерах ниже мы наблюдаем ситуации передачи навсегда (22), временной передачи (23) и возврата (24). В первом случае передача права на владение происходит, соответственно, наблюдается дативная стратегия; в других двух случаях она отсутствует (из интересующих нас компонентов ситуации появляется лишь перемещение объекта в пространстве), и реципиент маркирован пространственным паде-

[3] «Dative vs. allative does not convey the distinction between permanent vs. temporary Recipient, not between transfer vs. non-transfer of possession, but the distinction between two components of the situation of giving. While *give* + dative conveys an idea of possession transfer, *give* + allative is essentially a motion verb» [Belyaev, Daniel ms: 6].

жом: в примере из аварского это апудлатив (падеж, обозначающий направленность на пространство в непосредственной близости от предмета), в примере из чеченского — аллатив.

(22) Цахурский
aχʷ-īn-id *q'iš-i-kʷa* *sana-d*
4.остаться.PFV-ATR-PART.4(NOM) масло-OBL-COMIT вместе-PART.4
har *nafas-i-s,* ***ǯamaʔat-i-s*** *it'al-aʔ-īn*
каждый душа-OBL-DAT народ-OBL-DAT раздавать-4.делать.PFV-ATR
'Оставшееся вместе с маслом каждой душе, народу раздали' [Кибрик, Тестелец 1999: 856], цитируется по [Daniel et al. 2010: 280].

(23) Аварский
di-ca *rek'e-q-e* *c'al-ize,*
я.OBL-ERG сердце.OBL-APUD-LAT читать-INF
muʕalim-as ***di-q-e*** *q'urʔan* *ʟ'u-na*
учитель-ERG я.OBL-APUD-LAT Коран дать.PFV-PRF
'Учитель дал мне Коран, с тем чтобы я выучил его наизусть'
[Magomedov, Authier, p.c.], цитируется по [Daniel et al. 2010: 281].

(24) Чеченский
juχa *v-uod-i* *i* *šliapa* ***cunga*** *dʔa-lo*
потом 1-идти-CVB.IMM.ANT этот шляпа он.ALL прочь-давать.PRS
'Потом он вернулся и отдал ему шляпу обратно' [Daniel 2015: 7].

Итак, в исследовании [Belyaev, Daniel ms] была предложена правдоподобная гипотеза (гипотеза № 2), корректно предсказывающая выбор между дативной и аллативной стратегиями маркирования реципиента в осетинском языке в примерах из корпуса. Однако в ОНК и УКО входят не все потенциально возможные контексты: так, среди обсуждаемых авторами примеров отсутствуют ситуации, которые не включают ни передачу права на владение, ни перемещение в пространстве (см. таблицу 1). Кроме того, корпусные данные лишены отрицательного языкового материала. Таким образом, для дальнейшего исследования расщепленного маркирования реципиента в иронском диалекте осетинского языка требуется обратиться к данным элицитации: на этом материале необходимо, во-первых, проверить истинность предсказаний гипотезы № 2 в контекстах, рассмотренных в работе [Belyaev, Daniel ms], а во-вторых, определить,

какая стратегия предпочтительна для респондентов в ситуациях, не встретившихся в корпусных данных. К ним относятся 1) контексты, в которых отсутствует как передача права на владение, так и перемещение в пространстве; 2) ситуации передачи объекта между двумя равноправными владельцами; 3) случаи, когда и агенс, и реципиент не имеют права на владение передаваемым объектом. Кроме того, данные элицитации позволяют проверить гипотезу о том, что наличие пространственного обстоятельства или использование предиката с пространственным превербом повышает вероятность использования респондентами аллативной стратегии.

3. Семантика темы

В ходе данного исследования были обнаружены группы существительных, при выражении которых в качестве темы — передаваемого объекта — стратегия маркирования реципиента в стандартном случае определяется однозначно. В пункте 3.1 рассматриваются части тела в роли темы (*къух* ‘рука, кисть руки’), при которых реципиент выступает в форме аллатива; в пункте 3.2 — объекты, которые в силу различных причин (в частности, большого размера) очень редко передаются из рук в руки; при них, напротив, приемлема только дативная стратегия маркирования реципиента. Как мы увидим далее, данные случаи не являются исключением из сформулированного в работе [Belyaev, Daniel ms] обобщения: скорее, они иллюстрируют, как происходит выбор стратегии маркирования, если отсутствует один из компонентов ситуации передачи: передача права на владение или перемещение в пространстве.

3.1. Части тела

Если темой в предложении выступает существительное, обозначающее часть тела, вероятность того, что описанная ситуация включает передачу права на владение, очень невысока, так как части тела не допускают возможность передачи права на обладание ими другому человеку. В стандартном случае в подобных примерах возможен только реципиент в аллативе (25) (такой выбор делают пять из пяти опрошенных носителей). При использовании дативной стратегии воз-

никает т. н. «страшная интерпретация» (horror interpretation) [Daniel 2015] — рука понимается как отделенная от тела.

(25) [Рустам хочет помочь Зарине быстрее подняться на склон горы.]
Рустам ***Зæринæ-мæ*** / #***Зæринæ-йæн***
Р. З.-ALL З.-DAT
йæ *къух* *дæтт-ы.*
POSS.3SG рука давать-PRS.3SG
‘Рустам дает руку Зарине’.

Таким образом, предложение (25) со словом *къух* ‘рука, кисть руки’ в роли темы показывает, что дативное маркирование запрещается респондентами в ситуации, где передача права на владение исключается в силу семантики объекта. Так как процесс передачи сводится к перемещению темы в пространстве в сторону реципиента (в данном контексте перемещение, к тому же, временно), приемлема только аллативная стратегия маркирования реципиента.

3.2. Объекты большого размера

Другие примеры, представляющие интерес, — это клаузы, где темой является объект, который в процессе передачи остается на месте, а не перемещается от агенса к реципиенту. Эту группу предметов уместно разделить на два подкласса: первый составляют объекты, положение которых в пространстве фиксировано, а перемещение — практически невозможно (например, *зæхх* ‘земля’), второй подкласс составляют объекты, теоретически допускающие перемещение, но имеющие, к примеру, большой вес или размер, в силу чего их трудно передать из рук в руки (например, *уазалгæнæн* ‘холодильник’).

В клаузах, где темой является существительное, которое обозначает недвижимый объект, носители выбирают дативную стратегию маркирования реципиента и запрещают аллативную. Интересно, что дативная форма реципиента признается единственной приемлемой не только в таких примерах, как (26), где предполагается передача права на владение, но и в примерах (27) и (28), где реципиент получает тему лишь во временное пользование, то есть оба компонента ситуации передачи — как передача права на владение, так и перемещение в пространстве — отсутствуют.

(26) [Герой спас жизнь царя, когда на того напали разбойники. Царь хочет его отблагодарить.]
Паддзах дæтт-ы ***хъайтар-æн*** / ****хъайтар-мæ*** *галуан.*
царь давать-PRS.3SG герой-DAT герой-ALL крепость
‘Царь дает герою крепость/замок’.

(27) [Алдар хочет, чтобы пустующие участки его земли приносили ему доход. Работник соглашается возделывать землю и сеять там пшеницу.]
Æлдар ***кусæг-æн*** / ****кусæг-мæ*** *зæхх дæтт-ы.*
алдар работник-DAT работник-ALL земля давать-PRS.3SG
‘Алдар дает работнику землю’.

(28) *Миланæ рад-т-а* ***Зæринæ-йæн*** / ****Зæринæ-мæ***
М. дать-TR-PST.3SG З.-DAT З.-ALL
йæ фатер цыппар бон-мæ.
POSS.3SG квартира четыре день-ALL
‘Милана отдала свою квартиру Зарине на четыре дня’.

Можно предположить, что отсутствие в ситуации компонента перемещения в пространстве, выражением которого служит аллативная стратегия маркирования реципиента, является в данных контекстах более важным фактором выбора падежа, чем наличие или отсутствие передачи права на владение: реципиент в аллативе в сочетании с темой — недвижимым объектом невозможен.

В клаузах, где в качестве темы выступают существительные второго подкласса — предметы большого размера и веса, не допускающие передачу из рук в руки, — большинство респондентов в качестве первой реакции выбирают дативную стратегию. Необходимо отметить, что аллатив в примерах (29)–(30) не запрещается полностью. Один из респондентов разрешает маркирование реципиента аллативом лишь при условии, что существительное-тема обозначает не очень крупный предмет, который человек может поднять и передать из рук в руки — т. е. в контексте, отличном от стандартных условий передачи таких объектов.

(29) [Сармат решил переехать и купить новый шкаф, а старый продать. По объявлению к Сармату приходит покупатель, который готов заплатить за шкаф и увезти его.]
Сармат ***æлхæнæг-æн*** / ***ʔæлхæнæг-мæ*** *скъапп дæтт-ы.*
С. покупатель-DAT покупатель-ALL шкаф давать-PRS.3SG
‘Сармат отдает шкаф покупателю’.

(30) [На каникулы студент уезжает из общежития, а его сосед по этажу остается в общежитии на лето и может перенести холодильник к себе.]
Студент дæтт-ы ***сыхаг-æн*** / *ʔ**сыхаг-мæ** уазалгæнæн*.
студент давать-PRS.3SG сосед-DAT сосед-ALL холодильник
‘Студент отдает соседу холодильник’.

Пример (30) описывает ситуацию временной передачи, где отсутствует передача права на владение, однако дативное маркирование в подобном контексте снова оказывается более приемлемым для респондентов, чем аллативное, как в примерах (27)–(28). Гипотеза № 2 в таких случаях способна объяснить низкую приемлемость аллативной стратегии с опорой на утверждение, что в таких клаузах тема — предмет, который не перемещается от агенса к реципиенту, т. е. реципиента нельзя трактовать как пункт назначения. Таким образом, подтверждается вывод о том, что отсутствие в контексте компонента перемещения в пространстве является более сильным фактором выбора падежа, чем отсутствие компонента передачи права на владение: в ситуации передачи, лишенной обоих данных компонентов, дативная стратегия маркирования реципиента преобладает над аллативной.

4. Свойства ситуации

Теперь перейдем к рассмотрению более сложных случаев, когда тема не попадает ни в одну из двух категорий, рассмотренных выше. Они позволяют увидеть, как выбор падежной формы реципиента зависит от более широкого контекста, определяющего свойства ситуации, — не только наличия перемещения в пространстве или передачи права на владение, но и выделенности одного из этих компонентов. В пункте 4.1 мы обратимся к компоненту передачи права на владение как фактору выбора падежа, а также обсудим, какое значение для приемлемости дативной стратегии имеет различие между передачей с необходимостью возврата и без нее, которое осталось за рамками гипотезы № 2. В пункте 4.2 мы перейдем к компоненту перемещения в пространстве.

4.1. Передача права на владение

Наличие передачи права на владение как фактор выбора стратегии падежного маркирования наиболее наглядно проявляется на примере контраста между ситуациями передачи навсегда и на время — им по-

священ пункт 4.1.1. Далее анализируется маркирование реципиента в контекстах, где новый владелец объекта может владеть им бессрочно (происходит постоянная передача), однако передача права на владение отсутствует (возврат — пункт 4.1.2, передача через посредника — пункт 4.1.3), после чего мы обращаемся к примерам, описывающим ситуации, не рассмотренные на корпусном материале (пункт 4.1.4).

4.1.1. Временная и постоянная передача

В этом пункте мы рассмотрим ситуации, когда непосредственно перед моментом, который описывается в примере, агенс является владельцем объекта, а реципиент — нет. Если при этом осуществляется передача темы в собственность реципиента (а также перемещение в пространстве, поскольку здесь мы исключаем неподвижные объекты в роли темы), то респонденты выбирают датив, однако аллатив также не запрещают:

(31) [У Алана день рождения. Мама хочет сделать ему подарок и покупает футбольный мяч.]
Гыцци ***Алан-æн*** / ***Алан-мæ*** *порти* *дæтт-ы*.
мама А.-DAT А.-ALL мяч давать-PRS.3SG
‘Мама дает Алану мяч’.

В другом случае, когда происходит исключительно временная передача с необходимостью возврата, аллативная стратегия признается единственно приемлемой (32), поскольку из двух возможных компонентов ситуации присутствует лишь один — передвижение объекта в пространстве. Использование реципиента в дативе возможно при другой трактовке ситуации, допускающей, что реципиент все же получает объект в бессрочное пользование — это противоречит заданному контексту.

(32) [Еве нужна желтая юбка на выступление. Такая юбка как раз есть у ее тети, сестры ее мамы.]
Мад-ы *хо* ***Евæ-мæ*** / #***Евæ-йæн*** *юбкæ* *дæтт-ы.*
мать-GEN сестра Е.-ALL Е.-DAT юбка давать-PRS.3SG
‘Тетя (мать сестры) дает Еве юбку’.

К описанному выше типу примеров примыкают ситуации, в которых объект передается без необходимости возврата, но при этом

в контексте оговорена конкретная цель, для которой он должен быть использован: это также подразумевает временность обладания темой и отсутствие у реципиента права распоряжаться ей по своему усмотрению, т. е. исключение полноценной передачи права на владение. В таком случае первой реакцией респондентов становится употребление аллативной формы, но, в отличие от примера (32), датив не запрещается:

(33) *Ахуыргæнæг* ***Заур-мæ*** / ***Заур-æн*** *рад-т-а*
учитель З.-ALL З.-DAT дать-TR-PST.3SG
æхца, цæмæй уый ба-лхæн-а печени.
деньги чтобы тот PV-покупать-SBJV.3SG печенье
‘Учитель дал Зауру деньги, чтобы тот купил печенье’.

Отдельный класс примеров, который заслуживает рассмотрения в качестве дополнительной иллюстрации контраста между временной и постоянной передачей, — это клаузы, где в роли темы выступает человек. Так, пример (34) понимается как ситуация, где присутствует передача права на владение, а в случае (35) этот компонент процесса передачи отсутствует. Как следствие, в этих предложениях разрешаются только дативная и только аллативная стратегии соответственно. Запрет на аллатив в (34) может объясняться тем, что в ситуации отсутствует собственно перемещение в пространстве в виде передачи из рук в руки, которое обуславливает применение аллативной стратегии, ср. примеры с темой-предметом большого размера в пункте 3.2.

(34) *Паддзах* ***Сослан-æн*** / ****Сослан-мæ***
царь С.-DAT С.-ALL
бинойнаг-æн дæтт-ы йæ чыздж-ы.
невеста-DAT давать-PRS.3SG POSS.3SG дочь-GEN
‘Царь отдает Сослану в жены свою дочь’.

(35) *Фыд йæ фырт-ы ахуыр кæн-ын-мæ рад-т-а*
отец POSS.3SG сын-GEN учеба делать-INF-ALL дать-TR-PST.3SG
куырыхон ***лæг-мæ*** / ****лæг-æн***.
мудрый человек-ALL человек-DAT
‘Отец отдал своего сына на воспитание мудрецу’.

Таким образом, в контекстах, где передача права на владение отсутствует в силу того, что после акта передачи реципиент распо-

ряжается полученным им объектом лишь временно, предпочитается аллативная стратегия. Далее приемлемость дативной стратегии определяется более конкретным типом ситуации: если реципиент получает тему с необходимостью возврата (примеры (32) и (35)), дативное маркирование реципиента признается неприемлемым, тогда как в случаях передачи для конкретной цели, где агенс лишается права на владение объектом и у реципиента отсутствует обязанность вернуть данное (33), использование датива остается возможным. Можно сделать вывод, что ситуации временной передачи, допускающие перемещение темы в пространстве, но не передачу права на владение, не являются единым классом, где однозначно запрещается датив. Так, сохранение за агенсом прав владельца передаваемого предмета должно быть выделено в качестве отдельного фактора, дающего более корректные предсказания, в частности, в контекстах передачи для конкретной цели. На данный момент мы считаем, что сохранение прав владельца у агенса и необходимость возврата полученного предмета — это идентичные компоненты ситуации передачи, так как не были найдены и проверены случаи, где какое-либо из вышеописанных условий — обязательность возврата или сохранение права на владение у агенса — выполнялось бы отдельно от другого.

Однако возможны и иные ситуации, где реципиент в результате передачи оказывается постоянным и полноправным владельцем полученного им объекта, однако передачи права на владение от агенса к реципиенту не происходит. Выбор стратегии падежного маркирования в подобных контекстах будет рассмотрен далее.

4.1.2. Возврат

Клаузы, описывающие ситуацию возврата, как показано в пункте 2.2, являются камнем преткновения для первой гипотезы, которая предсказывает для них дативное маркирование реципиента, тогда как в корпусных данных находятся примеры с аллативными формами [Belyaev, Daniel ms]. Согласно данным элицитации, три носителя из четырех используют форму аллатива в качестве первой реакции, однако также признают приемлемым датив; четвертый носитель (респондентка D) предлагает дативную и аллативную форму в качестве равновероятных вариантов:

(36) [У Марии сломался утюг, и она просит соседа одолжить ей свой. Позже у нее появляется возможность вернуть утюг.]
Марийæ ***сыхаг-мæ*** / ***сыхаг-æн*** *иту* *дæтт-ы.*
М. сосед-ALL сосед-DAT утюг давать-PRS.3SG
‘Мария отдает соседу утюг’.

Эти примеры являются дополнительным аргументом в пользу того, что аллатив действительно имеет преимущество перед дативом в контекстах, где отсутствует передача в собственность: передачи права на владение в данной ситуации не происходит, так как реципиент считается владельцем и до самого акта возврата.

4.1.3. Передача через посредника

Предложения, описывающие ситуацию, где реципиент получает некий объект не непосредственно от его владельца, а от посредника, составляют другую группу примеров, демонстрирующих преимущество гипотезы № 2 перед гипотезой № 1. Результаты опроса респондентов сходны с данными, полученными для контекстов с возвращением: из четырех респондентов трое в первую очередь выбирают реципиента в аллативе, но признают дативную форму также приемлемой (37). Четвертая респондентка D, напротив, разрешает исключительно датив, но это может быть следствием того, что эта носительница выбирает стратегию падежного маркирования, основываясь только на противопоставлении аллатива в контекстах передачи с необходимостью возврата и датива во всех остальных ситуациях, включающих также клаузы с неподвижным объектом в роли темы.

(37) *Мад* ***фыд-мæ*** / ***фыд-æн*** *дæтт-ы*
мать отец-ALL отец-DAT давать-PRS.3SG
фыстæг *сæ* *чызг* *Соня-йæ.*
письмо POSS.3PL дочь С.-ABL
‘Мать дает отцу открытку от их дочери Сони’.

Предпочтение аллатива снова может быть обусловлено тем, что в ситуации присутствует только один из важных для гипотезы № 2 компонентов ситуации передачи — перемещение объекта в пространстве. Передача права на владение от агенса к реципиенту отсутствует, так как агенс — посредник — не является полноправным владельцем передаваемого объекта.

Если в контексте реципиент сам рассматривается как посредник, то в качестве первой реакции респондентов снова возникает аллативная стратегия (38). Подобные ситуации могут анализироваться как случаи временного владения, а именно передачи предмета для конкретной цели, ср. (33).

(38) [Бабушка хочет передать своему внуку банку меда, но внук учится в университете в другом городе. Ее знакомый, Мурат, как раз собирается туда поехать и может доставить гостинец.]
Нана ***Мурат-мæ*** / ***Мурат-æн*** *мыд дæтт-ы.*
бабушка М.-ALL М.-DAT мед давать-PRS.3SG
‘Бабушка дает Мурату мед’ (букв. «Бабушка передает через Мурата мед»).

Таким образом, предпочтение аллатива в примерах (36)–(37) объясняется тем, что такие ситуации, как возврат или передача через посредника, понимаются как не включающие компонент передачи права на владение. Однако представляет интерес отсутствие запрета на датив: в подобных контекстах выбор падежа не несет дополнительной смыслоразличительной функции, как в примерах в пункте 4.1.1, где изменение падежа реципиента приводит к совершенно иному пониманию ситуации, ср. (32).

Приемлемость датива в контекстах, представленных в пунктах 4.1.2 и 4.1.3, а также в примере (33) в пункте 4.1.1, может быть обусловлена тем, что в примерах (33), (36)–(38) реципиент получает объект без необходимости возврата, а агенс в процессе передачи не сохраняет права на владение данным объектом: он либо никогда не являлся полноправным владельцем (36)–(37), либо перестал им быть (33), (38). Это подтверждает особую роль фактора необходимости возврата/сохранения прав владельца у агенса для определения приемлемости дативной стратегии.

4.1.4. Дополнительные случаи

Ранее мы рассмотрели два возможных «распределения ролей» между агенсом и реципиентом непосредственно до ситуации передачи: во-первых, это случаи, где агенс является владельцем объекта, а реципиент не является (пункт 4.1.1), во-вторых, противоположные ситуации, когда реципиент, а не агенс имеет право на владение объ-

ектом (пункты 4.1.2, 4.1.3). Стоит обратить внимание и на другие вероятные комбинации. Первая из них — та, при которой и агенс, и реципиент совместно владеют передаваемым объектом. В этом случае теоретически передача права на владение не происходит (39). На данный момент ответы респондентов слишком разнообразны, чтобы предположить, какая из стратегий является более частотной в подобных контекстах; более того, один и тот же респондент может предложить разное падежное маркирование реципиента на разные стимулы на один и тот же тип ситуации. Так, в (39) приведен пример, для которого один респондент выбирает дативную стратегию, другой — аллативную, а третий считает аллативную и дативную форму существительного одинаково приемлемыми и взаимозаменимыми.

(39) [У мамы двое детей: близнецы Арина и Алина. Им купили куклу, с которой Арина и Алина играют по очереди. Арина уже поиграла с куклой.]
Аринæ ***Алинæ-йæн*** / ***Алинæ-мæ*** *куклæ* *рад-т-а*.
А. А.-DAT А.-ALL кукла дать-TR-PST.3SG
‘Арина дала Алине куклу’.

В предложении (40) трое респондентов употребляют существительное, обозначающее реципиента, в форме аллатива, а четвертый — как в форме аллатива, так и в форме датива.

(40) [Мама с папой готовят праздничный обед. Папа только что нарезал мясо, а маме как раз нужен нож для пирога.]
Фыд ***мад-мæ*** / ***мад-æн*** *дæтт-ы* *кард.*
отец мать-ALL мать-DAT давать-PRS.3SG нож
‘Отец дает матери нож’.

Отсутствие у респондентов единственной предпочтительной стратегии маркирования в подобных ситуациях может объясняться неоднозначностью контекстов. Так, примеры (39) и (40) допустимо трактовать как передачу во временное владение (32), а также как акт возврата (36): в целом, все описанные ситуации способствуют использованию аллативной формы, однако последние две из них также допускают дативное маркирование реципиента.

Вторая возможная комбинация, которая не обсуждалась ранее, — это ситуация, при которой ни агенс, ни реципиент не обладают пра-

вом на владение передаваемым объектом. В таком случае аллативная стратегия предпочитается более явно, чем в предыдущем классе примеров: если для стимула (41) два респондента из трех дают ответ с использованием существительного-реципиента в аллативе и один — в дативе, то в примере (42) аллатив является первой реакцией для всех четырех респондентов, которым было предложено такое предложение в качестве стимула.

(41) [У Амины и Лизы в классе есть библиотека. Амина взяла там почитать сборник сказок. Лиза увидела книгу и теперь тоже хочет ее прочесть.]
Аминæ ***Лизæ-мæ*** / ***Лизæ-йæн*** *чиныг* *дæтт-ы.*
А. Л.-ALL Л.-DAT книга давать-PRS.3SG
‘Амина дает книгу Лизе’.

(42) [Алан и Заур украшают школу к Новому году. Алан нашел в шкафу елку. Заур предлагает поставить елку на первую парту.]
Алан *рад-т-а* *зазбæлас* ***Заур-мæ***.
А. дать-TR-PST.3SG елка З.-ALL
‘Алан дал Зауру елку’.

Большее число ответов, отдающих предпочтение аллативной стратегии, может быть объяснено тем, что в примерах (41) и (42) отсутствие передачи права на владение более очевидно, чем в примерах (39) и (40). Контекст предложения (42) к тому же указывает на заметное изменение местоположения предмета (передвижение от шкафа к первой парте), и выражение реципиента в аллативе в таком примере может быть следствием влияния другого фактора — указания на перемещение предмета в пространстве. Этот фактор будет рассмотрен далее.

4.2. Перемещение в пространстве

Пространственное перемещение темы от агенса к реципиенту — это компонент ситуации передачи, наличие которого способствует выбору аллатива. Мы уже рассмотрели случаи, где он отсутствует (пункт 3.2) и где, напротив, является единственным компонентом (пункт 4.1.1 — временная передача, пункты 4.1.2–4.1.4). Однако ранее не анализировались подробно случаи, включающие как передачу права на владение, так и перемещение в пространстве, где

два этих компонента конкурируют. Они представлены, например, в (43): в нем респонденты выбирают датив, но также разрешают аллатив.

(43) [У Алана день рождения. Мама хочет сделать ему подарок и покупает футбольный мяч.]
Гыцци ***Алан-æн*** / ***Алан-мæ*** *порти дæтт-ы*.
мать А.-DAT А.-ALL мяч давать-PRS.3SG
‘Мать дает Алану мяч’ (=(31)).

Мы предполагаем, что вероятность использования аллативной стратегии увеличивается, если в контексте или в самом предложении есть фокус на перемещении темы в пространстве. Ниже описываются некоторые условия, при которых предпочтение может отдаваться аллативной стратегии из-за наличия эксплицитного указания на передвижение предмета: в пункте 4.2.1 обсуждается пример, в котором в роли такого указания выступает пространственное обстоятельство, а в пункте 4.2.2 рассматриваются клаузы, включающие глагол с пространственными превербами.

4.2.1. Наличие пространственного обстоятельства

Пространственное обстоятельство представляется одним из наиболее явных способов акцентировать внимание на перемещении предмета как на более важном в данной ситуации компоненте передачи. Так, в примере (44), который предлагалось перевести с русского на осетинский, респонденты действительно выбирали аллативную форму реципиента.

(44) [Мадина лежит в больнице. Арина хочет угостить Мадину мандаринами.]
Аринæ рудзынг-мæ дæтт-ы ***Мадинæ-мæ*** *мандарин-тæ*.
А. окно-ALL давать-PRS.3SG М.-ALL мандарин-PL
‘Арина подает Мадине мандарины в окно’.

В ситуации, описываемой в примере (44), можно выделить оба актуальных для данного исследования компонента передачи, так как идея передачи права на владение в этом контексте также присутствует. Чтобы объяснить, почему в качестве первой реакции респондентов

возникает аллативная форма реципиента, необходимо признать, что в подобных примерах более сильным фактором оказывается наличие эксплицитного указания на передвижение темы, благодаря которому компонент перемещения в пространстве становится более важным для выражения.

Помимо использования пространственного обстоятельства, на перемещение объекта может указывать наличие у глагола пространственного преверба, что будет рассмотрено далее.

4.2.2. Предикат с пространственным превербом

В современном осетинском языке выделяются восемь продуктивных глагольных превербов, выражающих аспектуальные значения. Из них семь превербов, в число которых не входит *фæ-*, имеют также пространственные значения в сочетании с глаголами движения: к данной группе относятся *а-*, *ра-*, *ба-*, *æрба-*, *ны-*, *æр-* и (*ы*)*с-* [Багаев 1965]. В рассматриваемых нами примерах данные превербы присоединяются к основе *лæвæрд-*, которая является супплетивной основой прошедшего времени глагола *дæттын* ‘давать’.

Поскольку использование глагола с пространственным превербом указывает на положение наблюдателя и движение по отношению к нему, наличие такого преверба также допустимо рассматривать как фактор, способствующий выбору аллатива — подобное предположение высказывалось в [Belyaev, Daniel ms] на основании корпусных примеров. В большинстве примеров с превербным глаголом респонденты действительно использовали аллативную форму реципиента в качестве первой реакции (45)–(47). При этом последовательного запрета на датив с каким-либо из превербов не было обнаружено: так, один носитель сомневался в приемлемости дативного маркирования реципиента в контекстах с превербами *ба-* (46) и *с-* (47), однако другие респонденты разрешали дативную стратегию в таких примерах.

(45) *Лæппу йæ* ***дада-мæ*** / ***дада-йæн***
мальчик POSS.3SG папа-DAT папа-ALL
уидыг ны-ллæвæрд-т-а.
ложка PV-давать-TR-PST.3SG
‘Мальчик подал отцу ложку (сверху вниз)’.

(46) *Рустам* ***Мадинæ-мæ*** / ***Мадинæ-йæн*** *æхца*
Р. М.-ALL М.-DAT деньги
ба-лæвæрд-та.
PV-давать-TR.PST.3SG
‘Рустам передал Мадине деньги’.

(47) *Фыд йæ* ***фырт-мæ*** / ***фырт-æн***
отец POSS.3SG сын-ALL сын-DAT
хъазæн с-лæвæрд-т-а.
игрушка PV-давать-TR-PST.3SG
‘Отец подал сыну игрушку (снизу вверх)’.

Приведенные выше примеры можно сравнить с (48), где, напротив, дативная стратегия предпочитается аллативной. Преверб *фæ-* не имеет пространственного значения, следовательно, его наличие не может выступать в качестве фактора, который независимо увеличивает вероятность аллативного маркирования реципиента.

(48) *Дохтыр* ***Сослан-æн*** / ***?Сослан-мæ*** *таблеткæ*
доктор С.-DAT С.-ALL таблетка
фæ-лæвæрд-т-а.
PV-давать-TR-PST.3SG
‘Доктор (долго / несколько раз) давал Сослану таблетку’.

Таким образом, наличие преверба, обладающего пространственным значением, также является фактором, способствующим большей выделенности компонента пространственного перемещения объекта и, следовательно, использованию аллативной стратегии маркирования реципиента.

5. Заключение

В результате проведенного исследования можно модифицировать таблицу, предложенную в [Belyaev, Daniel ms].

Различия оригинальной таблицы (таблица 1) от таблицы, полученной в нашем исследовании (таблица 2), требуют дополнительных комментариев. Так, совпадают предсказания, получаемые для ситуаций, где присутствует передача права на владение: если в контексте при этом отсутствует перемещение в пространстве, то дативная стратегия является единственной возможной.

Таблица 2. Два компонента ситуации передачи: данные элицитации
Table 2. Two components of the situation of giving: elicitation data

		Необходимость возврата	**Перемещение в пространстве**	
			+	–
Передача права на владение	+	–	DAT или ALL	DAT (*ALL)
	–	–	ALL (^{ok}DAT)	
		+	ALL ($^{\#}$DAT)	

Если же ситуация предполагает и передачу права на владение, и перемещение в пространстве, датив является наиболее предпочтительной стратегией маркирования. Однако вероятность аллатива увеличивается, если в самом предложении или в контексте содержится эксплицитное указание на перемещение предмета. Например, выбору аллатива в рассмотренных нами примерах способствовало наличие пространственного обстоятельства (44) или пространственных превербов (45)–(47).

Далее необходимо особо остановиться на контекстах, не включающих передачу права на владение. Так, в случаях, где оба компонента ситуации передачи отсутствуют, возможен только датив, ср. (27)–(28). В этих контекстах отсутствие возможности перемещения темы в пространстве оказывается более сильным фактором выбора падежа реципиента, чем отсутствие передачи права на владение, что объясняет запрет на использование аллативной стратегии.

Если ситуация не включает передачу права на владение, но предполагает перемещение предмета от агенса к реципиенту, в особенности передачу из рук в руки, предпочитается аллативная стратегия. В примерах временной передачи (32), к которым можно отнести также контексты с темой — частью тела (25), использование реципиента в дативе изменяет понимание ситуации на противоречащее контексту, и во избежание этого дативная стратегия запрещается носителями. Однако в случаях передачи для конкретной цели (33), возврата (36) и передачи от посредника (37), где также отсутствует полноценная передача права на владение от агенса к реципиенту, выбор падежного маркирования уже не несет дополнительной смыслоразличительной

функции, и употребление реципиента в дативе также оценивается респондентами как приемлемое.

Необходимо отметить, что приемлемость дативной стратегии в примерах (33), (36) и (37) не выводится непосредственно из гипотезы № 2, согласно которой подобные контексты должны анализироваться аналогично примерам (25) и (32). Разница между этими группами ситуаций заключается в том, что предложения (33), (36) и (37) описывают передачу объекта без необходимости возврата и сохранения у агенса права на владение, в отличие от других вышеупомянутых примеров. Таким образом, несмотря на то что обязанность реципиента вернуть полученный предмет не объясняет полностью распределение стратегий падежного маркирования реципиента, данный фактор все же необходимо учитывать для корректного предсказания приемлемости датива в контекстах, где отсутствует передача права на владение. Этот компонент ситуации — необходимость возврата / сохранение у агенса прав владельца — следует принимать во внимание как дополнительный к ключевым компонентам, которыми являются передача права на владение и перемещение в пространстве.

Список условных сокращений

1 — 1-й согласовательный класс; 4 — 4-й согласовательный класс; ABL — аблатив; ALL — аллатив; ANT — относительное прошедшее время; APUD — апудэссив; ATR — атрибутив; COMIT — комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; ENCL — местоименная энклитика; EXST — экзистенциальная связка; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMM — непосредственный; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NUM — нумератив; OBL — основа косвенных падежей; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивная проклитика; PRS — настоящее время; PRF — перфект; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PV — преверб; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; TR — переходность.

Литература

Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Кибрик, Тестелец 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
Миллер 1887 — В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. 3: Исследования. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1887.
Belyaev, Daniel ms — O. Belyaev, M. Daniel. Recipient marking in Ossetic: A case for contact influence. Manuscript.
Daniel et al. 2010 — M. Daniel, Z. Khalilova, Z. Molochieva. Ditransitive constructions in East Caucasian: a family overview // A. Malchukov, B. Comrie, M. Haspelmath (eds.). Studies in ditransitive constructions: A comprehensive handbook. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 277–315. DOI: 10.1515/9783110220377.277.
Daniel 2015 — M. Daniel. Split recipient marking? Evidence from East Caucasian // Приглашенный доклад на XII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015.
Thordarson 2009 — Fr. Thordarson. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Источники

ОНК — Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.ossetic-studies.org (дата обращения 20.02.2025).
УКО — Устный корпус осетинского языка. URL: https://www.ossetic-studies.org/ru/texts (дата обращения 20.02.2025).

References

Abaev 1959 — V. I. Abaev. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [A grammatical sketch of the Ossetic language]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959.
Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Ch. 1: Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Pt. 1: Phonetics and morphology]. Vladikavkaz: North Ossetian Book Publishing, 1965.
Belyaev, Daniel ms — O. Belyaev, M. Daniel. *Recipient marking in Ossetic: A case for contact influence*. Manuscript.
Daniel et al. 2010 — M. Daniel, Z. Khalilova, Z. Molochieva. Ditransitive constructions in East Caucasian: A family overview. A. Malchukov, B. Comrie, M. Haspelmath (eds.). *Studies in ditransitive constructions: A comprehensive handbook.* Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 277–315. DOI: 10.1515/9783110220377.277.
Daniel 2015 — M. Daniel. Split recipient marking? Evidence from East Caucasian. Lecture at the *XII Conference on Typology and Grammar for Young Scholars*, St. Petersburg, November 19–21, 2015.

Kibrik, Testelets (eds.) 1999 — A. E. Kibrik, Ya. G. Testelets (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in a typological perspective]. Moscow: Nasledіye, 1999.

Miller 1887 — V. F. Miller. *Osetinskiye etyudy. Ch. 3: Issledovaniya* [Ossetic studies. Pt 3: Studies]. Moscow: Printing House of E. G. Potapov, 1887.

Thordarson 2009 — Fr. Thordarson. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Получено/received 03.04.2025 *Принято/accepted 27.10.2025*

Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка

О. В. Тужик

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
vikolya02@ya.ru; ORCID: 0009-0004-2280-7750

Аннотация. Настоящая работа посвящена дифференцированному маркированию объекта в иронском диалекте современного осетинского языка. В результате полевого исследования обнаружен фактор, не обсуждавшийся ранее в соответствующей литературе, а именно влияние свойств субъекта на маркирование объекта. Если и субъект, и объект являются неодушевленными или оба обозначают животных, то объект скорее оформляется генитивом, а не номинативом, что предположительно служит для снятия неоднозначности. Влияние данного фактора отмечено только в речи более старших носителей.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, одушевленность субъекта, осетинский язык

Благодарности. Автор выражает благодарность О. И. Беляеву, Н. В. Сердобольской, А. П. Выдрину, К. Г. Гусовой, А. Д. Подгорной, а также всему коллективу студентов и носителей осетинского языка, участвовавших в экспедиции. Исследование поддержано проектом FMNE-2025-0015, выполняемом в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Тужик О. В. Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 101–116.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.4

© О. В. Тужик, 2026

Subject properties and differential object marking in modern Iron Ossetic

Olga V. Tuzhik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); vikolya02@ya.ru; ORCID: 0009-0004-2280-7750

Abstract. This paper is devoted to differential object marking in Iron Ossetic. In this language, a direct object can either take the genitive case marker *-ə* or occur in the nominative. The choice of the marker is determined by a number of factors, the most important ones being the object's referential type and animacy.

Abaev [1959] states that nominative is used with indefinite and/or inanimate direct objects, while genitive marks definite human participants. Genitive may be used with non-human animates and non-animates to emphasize their definiteness. Serdobolskaya [2020], using data obtained through elicitation methods, demonstrates that in the modern Ossetic language, inanimate direct objects cannot appear in the genitive case. However, during the field study conducted in 2024 in Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, I elicited examples from nine native speakers (9 women, $Mean_{age} = 35.5$, $SD = 12.69$, from 21 to 53), with some of them providing examples where inanimate nouns were marked for the genitive. Using these data, I discovered the influence of a factor that had not been discussed previously in the relevant literature, namely the role of the subject's animacy in the differential object marking. If the subject and the object are inanimate or both denote animals, the object is more likely to take the genitive marker, even if it usually appears in the nominative in similar contexts with animate subjects. I assume that the use of genitive marking removes potential ambiguity between the nominative-marked subject and the genitive-marked object. However, the situation seems to be different with younger speakers (at least, for those born in the 1990s), whose choice of marking does not depend on the subject's animacy/inanimacy, since they only allow nominative forms for inanimate direct objects. When choosing a marker for an animate direct object, they take into account other properties of the direct object as, e.g. its referential type and the proto-role.

Keywords: differential object marking, subject animacy, Ossetic

Acknowledgements: The author would like to express her special gratitude to O. I. Belyaev, N. V. Serdobolskaya, A. P. Vydrin, K. G. Gusova, A. D. Podgornaia, and to all the students and native speakers of Ossetic who took part in the field trip. This research was supported by project FMNE-2025-0015 conducted at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

For citation: Tuzhik O. V. Subject properties and differential object marking in modern Iron Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 101–116.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.4

1. Введение

Дифференцированным объектным маркированием (далее ДОМ, англ. differential object marking) называется вариативное оформление участника ситуации, выраженного именной группой в позиции прямого объекта. Пример (1) иллюстрирует это явление в иронском диалекте осетинского языка: прямой объект может оформляться либо генитивом (принимает окончание *-ы* после согласных или *-йы* после гласных), либо номинативом (нулевое окончание).

(1) *Зауыр тынг уарз-ы* ***гæды-тæ*** / ***гæды-т-ы***.
Заур очень любить-PRS.3SG кошка-PL / кошка-PL-GEN
'Заур очень любит **кошек**' [Сердобольская 2020: 4].

ДОМ широко распространено в языках мира независимо от их генетической и ареальной принадлежности [Sinnemäki 2014]. Однако впервые это понятие было введено Г. Боссонгом именно на материале иранских языков [Bossong 1985]. В большинстве новоиранских языков маркирование прямого объекта зависит от его референтности [Ibid.: 12].

Настоящее исследование посвящено ДОМ в современном иронском диалекте осетинского языка (далее при употреблении термина «осетинский язык» имеется в виду иронский диалект). Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской языковой семьи и распространен главным образом на территории республик Северная Осетия — Алания и Южная Осетия. Он имеет статус уязвимого на шкале витальности ЮНЕСКО. В осетинском языке выделяются два основных диалекта — иронский и дигорский; иронский по числу носителей является более многочисленным.

2. ДОМ в осетинском языке

Как факторы, влияющие на оформление прямого объекта (далее ПО), в грамматиках осетинского языка выделяются определенность (см., например, [Гагкаев 1952: 100–101]), одушевленность, «личность» (принадлежность к лексическому классу «человек») [Абаев 1959: 153–154], известность [Гагкаев 1956: 105–108], «специфичность» (или референтность) [Thordarson 2009: 135]. Так, одушевленный, определенный, известный из предыдущего контекста, личный

участник в позиции ПО скорее оформляется генитивом. Неодушевленный, неопределенный, новый, неличный участник скорее имеет форму номинатива. Ниже приводятся примеры, иллюстрирующие зависимость оформления ПО от определенности и одушевленности[1]. В (2) в позиции ПО находится неопределенный и неодушевленный участник — *къæртт* ‘кусок’; в (3) — определенный, но неличный участник *бæх* ‘лошадь’; в (4) — личный неопределенный участник *бæлццон* ‘путник’; такие ПО имеют форму номинатива. В (5) участник в позиции ПО — *æфсымæр* ‘брат’ — является определенным и личным; такой ПО имеет форму генитива (более подробное обсуждение референциальных статусов см. в [Serdobolskaya, Tuzhik 2025]).

(2) *халон цыхт-ы* ***къæртт*** *сс-ард-т-а*
ворона сыр-GEN кусок PV-находить-TR-PST.3SG
‘Ворона нашла **кусок** сыру’ [Абаев 1959: 153].

(3) *æлдар йæ* ***бæх*** *æр-цæф-тæ код-т-а*
алдар его лошадь PV-удар-PL делать-TR-PST.3SG
‘Алдар несколько раз ударил своего **коня**’[2] [Там же: 154].

(4) *Бинонтæ а-цы рæстæг архайд-т-ой*
семья этот-DET время стараться-TR-PST.3PL
бæлццон *æрба-хон-ын фынг-мæ.*
путник PV-звать-INF стол-ALL
‘[После этого шла Сыропустная неделя. Тогда на стол ставили только молочные продукты.] Семьи в это время старались пригласить **путника** за стол’ [Sputnik Хуссар Ирыстон (Ада Багиан). Æбуалгъ тæрхоны мысæн къуыри рæстдинонты бацæттæ кæндзæн Стыр комдарæнмæ, 20.02.2017][3].

(5) *Уый фæ-над-т-а =дын де*
тот PV-бить-TR-PST.3SG =ТЫ.DAT твой
’фсымæр-ы / ****’фсымæр***.
брат-GEN брат
‘Он побил твоего брата’ [Сердобольская 2020: 3].

---

[1] Глоссирование и выделение в примерах добавлены автором статьи.

[2] Перевод предложения получен от носителя иронского диалекта современного осетинского языка.

[3] Пример взят из Осетинского национального корпуса (URL: corpus.ossetic-studies.org; дата обращения: 16.05.2025).

При этом В. И. Абаев [1959: 154] отмечает, что «название неодушевленного предмета или животного ставится в форме род[ительного] падежа, когда подчеркивается, что речь идет об определенном предмете», и приводит следующие примеры:

(5) ***топп-ы*** *рагъæн-ыл* *æр-цауыгът-а*
ружье-GEN вешалка-SUPER PV-вешать-TR.PST.3SG
‘**Ружье** он повесил на вешалку’ [Абаев 1959: 154].

(6) ***къух-т-ы*** *а-ирд* *код-т-а* *сапон*
рука-PL-GEN PV-блестящий делать-TR-PST.3SG мыло
‘Мыло начисто отмыло **руки**’ [Там же: 154].

Тем не менее Н. В. Сердобольская [2020] на материале данных, полученных методом элицитации, показывает, что в современном осетинском языке неодушевленные ПО обязательно имеют форму номинатива: «...неодушевленные имена генитивом не оформляются, а примеры из [Абаев 1959; Багаев 1965] расцениваются носителями как архаичные» [Сердобольская 2020: 2].

Помимо этого, на ДОМ в осетинском языке может влиять прото-роль [Dowty 1991: 572] участника в позиции ПО, см. [Сердобольская, Тужик 2024; Тужик 2024]. В работе [Dowty 1991: 572] обсуждаются две семантические роли аргументов глагола: прото-агенс и прото-пациенс, которые характеризуются пятью признаками. Так, роль прото-агенса раскладывается на волитивность, восприятие/разумность, каузацию, движение, существование вне описываемой ситуации. Прото-пациенс же претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой (т. е. таким объектом, стадии изменения которого соответствуют частям события, описываемого глаголом; например, *строить дом*, см. [Ibid.: 567–571]), вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации. Обычно прото-агенс — это прото-роль субъекта, однако участник в позиции ПО также может обладать некоторыми свойствами прото-агенса. Так же, как и в работе [Primus 2012], где анализировалось ДОМ в испанском языке, предполагается, что в осетинском языке маркер ДОМ (окончание *-ы*) «лицензируется объектом, внутренние свойства которого определяют его как прото-агенс в ситуации, обозначаемой

предикатом»[4] [Ibid.: 75]. Иными словами, более агентивные участники скорее маркируются генитивом, более пациентивные скорее имеют форму номинатива.

В ходе проведенного полевого исследования было обнаружено, что некоторые носители, вопреки выводам в работе [Сердобольская 2020], используют или оценивают как грамматичные предложения с неодушевленным ПО в генитиве. Предполагается, что на допустимость такого оформления влияет одушевленность **субъекта**. В следующих разделах будут обсуждаться примеры, подтверждающие эту гипотезу.

3. Полевое исследование

В ходе исследования, которое проводилось летом и зимой 2024 г. в городе Владикавказе, были получены суждения о грамматичности и приемлемости осетинских предложений, а также переводы предложений с русского на осетинский от девяти носителей иронского диалекта (9 женщин, средний возраст = 35,5, *SD* = 12,69, от 21 до 53 лет). Информация о носителях представлена в таблице 1.

Настоящее исследование показывает, что неодушевленные существительные в позиции прямого объекта могут иметь форму генитива. Ниже приводится перевод предложения «Мыло начисто отмыло руки», которое было взято мной из грамматики В. И. Абаева [1959: 154] с целью сравнения современного перевода с переводом, представленным в 1959 г. Ср. примеры (6) и (7):

(7) *Сапон сыгъдæг ны-хсад-т-а* ***къух-т-ы*** / ***къух-тæ***[5].
мыло чисто PV-мыть-TR-PST.3SG рука-PL-GEN рука-PL
‘Мыло начисто отмыло **руки**’ (ТАА[6]).

Можно предположить, что генитив допустим в подобных контекстах, поскольку существует необходимость явно указать, какое

[4] «A differential object marker is licensed by an object whose intrinsic meaning properties qualifies it as a proto-agent in the situation denoted by the predicate».

[5] Здесь и далее порядок слов, разделённых косой чертой, отражает порядок, предложенный носителем.

[6] Здесь и далее в круглых скобках приводятся инициалы носителя, предложившего перевод.

слово в предложении является субъектом, а какое — объектом. Слушающему или читающему легче приписать роль субъекта одушевленному участнику, поэтому, если субъект является одушевленным, а объект — неодушевленным, дополнительно маркировать объект необязательно. Однако в ситуациях, когда оба участника являются неодушевленными (или оба являются одушевленными), говорящий для снятия потенциальной неоднозначности может использовать форму объекта в падеже, отличном от падежа субъекта (номинатива).

Таблица 1. Информация о носителях

Table 1. Information about the native speakers

Носитель	**Год рождения**	**Пол**	**Специальность**	**Населенный пункт**[7]
МТХ	1971	ж	учитель осетинского языка	поселок Мизур (Алагирский район)
ИНЦ	1974	ж	журналист	село Фарн (Правобережный район)
ИГД	1977	ж	филолог	село Ольгинское (Правобережный район)
ТАА	1985	ж	филолог	город Владикавказ
АСК	1986	ж	филолог	село Црау (Алагирский район)
ААК	1997	ж	филолог	село Заманкул (Правобережный район)
КГГ	2001	ж	учитель осетинского языка	город Алагир (Алагирский район)
ААГ	2002	ж	филолог	поселок Мизур (Алагирский район)
МЭБ	2003	ж	учитель осетинского языка	село Ногир (Пригородный район)

Чтобы проверить это предположение для осетинского языка, я предлагала носителям перевести предложения, где слово *фæткъуы* ‘яблоко’ является объектом в предложениях с неодушевленным

[7] Указывается место, в котором носитель провел бóльшую часть жизни.

субъектом (8), субъектом-животным (9) и субъектом-человеком (10). Во всех трех предложениях ПО является неодушевленным и определенным, поэтому разницу в падежном оформлении нельзя объяснить влиянием одушевленности или референциального статуса.

(8) *Фæткъуы бæлас-æй æр-хауд фæткъуы.*
яблоко дерево-ABL PV-падать.PST.3SG яблоко
Райдыд-т-а зилгæдымгæ,
PV.начинать-TR-PST.3SG ураган
фæткъуы бæлас а-саст-а æмæ
яблоко дерево PV-ломаться-TR.PST.3SG и
фæткъуы-йы / ****фæткъуы*** *ны-ппырх код-т-а.*
яблоко-GEN яблоко PV-разломанный делать-TR-PST.3SG
‘Яблоко упало с яблони. Начался ураган, яблоня сломалась и раздавила **яблоко**’ (АСК).

(9) *Фæткъуы æр-хауд бæлас-æй.*
яблоко PV-падать.PST.3SG дерево-ABL
Фыс ны-ппырх код-т-а ***фæткъуы*** /
овца PV-разломанный делать-TR-PST.3SG яблоко
фæткъуы-йы.
яблоко-GEN
‘Яблоко упало с дерева. Овца раздавила **яблоко**’ (АСК).

(10) *Фæткъуы бæлас-æй æр-хауд.*
яблоко дерево-ABL PV-падать.PST.3SG
Алан ны-ппырх код-т-а ***фæткъуы*** /
Алан PV-разломанный делать-TR-PST.3SG яблоко
****фæткъуы-йы***.
яблоко-GEN
‘Яблоко упало с дерева. Алан раздавил **яблоко**’ (АСК).

Можно заметить, что в случае, если субъект является неодушевленным, объект действительно имеет только форму генитива (8), в отличие от случаев, где субъект является одушевленным. Кроме того, если субъект является животным, то маркирование объекта генитивом также допустимо: хотя при переводе носители использовали форму номинатива, они разрешили генитив после уточняющего вопроса. Однако в предложении, где субъектом является человек, объект может быть только в номинативе.

Чтобы объяснить необходимость маркирования ПО в контекстах, где участники имеют одинаковую одушевленность, можно обратиться к подходу, описанному в работе [Dowty 1991], где отбор аргументов глагола объясняется в терминах прото-ролей. Так, с большей вероятностью субъектом становится участник, имеющий семантическую роль прото-агенса [Ibid.: 572], см. раздел 2. В (7) оба участника (руки и мыло) могут быть охарактеризованы как предметы, существующие независимо от ситуации; также можно сказать, что они оба перемещались в пространстве; однако никакие другие признаки для них скорее неприменимы. В общем случае в позиции субъекта выражается участник, имеющий большее количество признаков прото-агенса. Однако если участники имеют одинаковое количество соответствующих признаков, решающую роль играют свойства прото-пациенса, определяющие, какой из участников должен быть объектом. Прото-пациенс претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой, вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации. В примере (7) и ПО *къухтæ* ‘руки’, и субъект *сапон* ‘мыло’ претерпевают изменения (руки отмываются, мыло расходуется). Иными словами, оба участника имеют одинаковое количество признаков прото-роли; они оба могут выражаться как объекты. Поскольку прото-роли не позволяют определить, какой участник является субъектом, а какой — объектом, говорящий маркирует объект генитивом, благодаря чему синтаксическая роль участников определяется однозначно.

Эта закономерность может быть проиллюстрирована на примере, где действие может выполнять любой из участников. В примере (7) мыло отмывает руки, но контекст, где руки отмывают мыло, является гораздо менее естественным. В примере (11) книга заменяет телефон, но и телефон тоже может заменить книгу. В этом контексте участники также имеют одинаковые наборы признаков прото-ролей (а именно независимое существование), поэтому здесь также необходимо маркировать объект, чтобы описать некоторую конкретную ситуацию, при которой именно телефон заменяет книгу:

(11) *Телефон* ***чиныдж-ы*** *ив-ы.*
телефон книга-GEN заменять-PRS.3SG
‘Телефон заменяет **книгу**’ (ИНЦ).

Помимо контекстов с двумя неодушевленными участниками представляет интерес пара примеров, иллюстрирующих взаимосвязь между субъектом, выраженным животным, и объектом, выраженным неодушевленным предметом. В примере (12) неодушевленный ПО *къул* ‘стена’ не может иметь форму генитива, однако в примере (13) неодушевленный ПО *уардон* ‘телега’ может выступать в обоих падежах. Можно предположить, что это также связано с потенциальной неоднозначностью: если стена является неперемещаемым объектом и ситуация, при которой стена может ударить лошадь, не так часто случается, то телега в принципе может легко перемещаться по инерции и случайно ударить лошадь.

(12) *Бæх* *ны-ццав-та* *а-цы* ***къул*** / ****къул-ы***.
лошадь PV-бить-TR.PST.3SG этот-DET стена стена-GEN
‘Лошадь ударила эту **стену**’ (ТАА).

(13) *Бæх* *ны-ццав-та* *а-цы* ***уардон*** / ***уардон-ы***.
лошадь PV-бить-TR.PST.3SG этот-DET телега телега-GEN
‘Лошадь ударила эту **телегу**’ (ТАА).

Выше рассматривался пример (9), в котором животное (овца) раздавило неодушевленный предмет (яблоко), и для ПО *фæткъуы* ‘яблоко’ оказались допустимы как форма номинатива, так и форма генитива. Падежное оформление в примере (9), как и в примере (13), можно объяснить тем, что и телега, и яблоко являются легко перемещаемыми объектами, в то время как стена чаще (в обычной ситуации) является статичным, неподвижным объектом. В будущем исследовании планируется проверить предположение о том, что падежное оформление может зависеть от способности объекта к передвижению.

Стоит отметить, что для более молодых носителей (родившихся в 1990-х гг. и позже) оформление неодушевленных ПО генитивом, тем не менее, оказалось абсолютно недопустимо: в примерах (7)–(13) все молодые носители разрешили только вариант перевода, где ПО имеет форму номинатива. В этой связи интересно отметить, что данные об архаичности примеров с неодушевленным ПО в генитиве в работе [Сердобольская 2020] (см. раздел 2) также были получены от относительно молодых носителей[8]. В дополнение к примерам (7)–(13) ниже

[8] Возраст носителей был уточнен мной в личной переписке с Н. В. Сердобольской.

приводится пример из работы [Хомченкова 2026], проверенный у пяти носителей, из которых трое (1974, 1985 и 1986 г. р.) перевели предложение с русского на осетинский, используя генитивную форму ПО или допуская ее после уточняющего вопроса, а двое других носителей (1997 и 2002 г. р.) запретили использование генитива.

(14) *Уалдзæг ра-ивт-а* ***зымæдж-ы*** / ***зымæг.***
весна PV-менять-TR.PST.3SG зима-GEN зима
'Весна сменила **зиму**' (ИНЦ).

Также я проверила предложения, где субъект и объект являются животными. В таких контекстах, по аналогии со случаями выше, можно ожидать использование формы генитива для объекта в целях снятия неоднозначности. В работе [Serdobolskaya, Tuzhik 2025] предложена шкала вероятности маркирования таких ПО в зависимости от референциального статуса (однако в работе рассматриваются контексты, где животным является только участник в позиции объекта, а субъектом является человек): «...оформление одушевленных существительных, обозначающих животных, описывается шкалой относительной частотности генитива и номинатива; так, отрицательные и родовые ПО (обозначающие биологический вид животного) с большей вероятностью будут маркироваться генитивом, определенные референтные и атрибутивные ПО маркируются генитивом с меньшей вероятностью, отрицательные ПО и ПО свободного выбора с равной вероятностью принимают оба падежа. Неопределенные референтные (известные говорящему) и генерические ПО с большей вероятностью имеют форму номинатива, а для неопределенных референтных (неизвестных говорящему) и нереферентных ПО номинатив является предпочтительным вариантом»[9] [Ibid.: 105].

Иными словами, ПО, обозначающие животных, в принципе могут иметь форму обоих падежей, т. е. генитив допустим при любом референциальном статусе. Однако в контекстах с двумя участ-

[9] «... the marking of non-human animate DOs is described in terms of a scale of relative frequency of GEN and NOM, whereas negative polarity and generic kind DOs are most likely to take GEN, definite specific and attributive DOs show a lower frequency of GEN, the frequencies are equal with negative and free choice DOs. Indefinite specific known and generic DOs are more likely to take NOM, and for indefinite specific unknown and non-specific DOs the preferred variant is NOM».

никами-животными при разных референциальных статусах в ходе настоящего исследования было получено 31 предложение, где предпочтительным или единственно возможным падежом ПО является генитив, и 10 предложений, где предпочтительным или единственно возможным падежом ПО является номинатив. Среди 41 примера оказалось 6 случаев, в которых используется генитив, несмотря на то что ожидалось бы номинативное маркирование ПО (вследствие пациентивности и референциальных статусов, повышающих вероятность оформления номинативом). Таким образом, обнаруженная закономерность (использование генитива для снятия неоднозначности) отчасти находит подтверждение и для контекстов, где оба участника являются животными. Ниже приводятся некоторые примеры, где ПО имеют определенный (definite specific) (15), атрибутивный (attributive) (16) и неопределенный (indefinite specific unknown) (17) референциальные статусы. Стоит отметить, что маркирование в (17) отличается от (15)–(16) из-за разницы в агентивности: в (17) заяц является скорее добычей и едой, из-за чего для него также возможно оформление номинативом (см. о влиянии прото-роли в разделе 2).

(15) *Бæх ны-ццав-т-а а-цы* ***хъудж-ы*** / ****хъуг.***
лошадь PV-бить-TR-PST.3SG этот-DET корова-GEN корова
‘Лошадь ударила эту **корову**’ (ТАА).

(16) *Нæ куыдз цы-фæнд-ы тагъд*
наш собака что-хотеть-PRS.3SG быстрый
тæркъус-ы / ****тæркъус*** *йæ бон у ба-ййаф-ын.*
заяц-GEN заяц его сила быть.PRS.3SG PV-догнать-INF
‘Наша собака даже самого быстрого зайца может догнать’ (МЭБ).

(17) *Бирæгъ æр-цахст-а* ***тæрхъус-ы*** / ***тæрхъус.***
волк PV-ловить-TR.PST.3SG заяц-GEN заяц
‘Волк поймал **зайца** [и притащил его в логово. Волчата зайца съели]’ (АСК).

Для проверки гипотезы об использовании генитива для разрешения неоднозначности не рассматривались случаи, где оба участника являются людьми, поскольку ПО, обозначающий человека, практически всегда (при всех референциальных статусах) оформляется генитивом, см. [Serdobolskaya, Tuzhik 2025].

4. Заключение

В настоящей работе было рассмотрено влияние соотношения одушевленности субъекта и объекта на оформление прямого объекта в иронском диалекте осетинского языка. В осетинском прямой объект оформляется генитивом или номинативом. В ходе исследования установлено, что если субъект и объект имеют одинаковую одушевленность (в частности, если оба участника неодушевленные или оба обозначают животных), то объект скорее оформляется генитивом, даже если в аналогичных контекстах с субъектом, отличающимся от объекта по одушевленности, объект обычно выступает в форме номинатива. Выдвинута гипотеза о том, что в данном случае использование генитива помогает избежать потенциальной неоднозначности при определении ролей субъекта и объекта. Обнаруженное явление характерно только для носителей старшего поколения. Молодые носители вне зависимости от одушевленности субъекта всегда оформляют неодушевленные ПО номинативом, а при оформлении одушевленных ПО, как и более старшие носители, опираются на другие характеристики (например, референциальный статус ПО).

Стоит отметить, что ранее влияние этого фактора на ДОМ в осетинском языке не обсуждалось. В то же время использование генитивной формы неодушевленного объекта при неодушевленном субъекте согласуется с общими представлениями о том, что ДОМ может служить для разрешения неоднозначности (ср., например, [Bossong 1985: 13; Thordarson 2009: 130] и др.). В разных языках неоднозначность в таких случаях может сниматься за счет различных средств, например порядка слов. Однако в осетинском языке порядок слов является относительно свободным (см., например, [Thordarson 2009: 130]), из-за чего может возникать потребность в снятии неоднозначности за счет падежного маркирования.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ALL — аллатив; DAT — датив; DET — детерминатив; GEN — генитив; INF — инфинитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

ДОМ — дифференцированное объектное маркирование; ПО — прямой объект.

Литература

Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Гагкаев 1952 — К. Е. Гагкаев. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952.

Гагкаев 1956 — К. Е. Гагкаев. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985.

Сердобольская 2020 — Н. В. Сердобольская. Вариативное оформление прямого дополнения в осетинском языке // Доклад на научной конференции «Малые языки в большой лингвистике 2020» (17–18 апреля 2020 г.).

Сердобольская, Тужик 2024 — Н. В. Сердобольская, О. В. Тужик. Семантическая роль прямого дополнения и выбор падежного маркирования в иронском диалекте осетинского языка // Тезисы научной конференции «Малые языки в большой лингвистике 2024» (12–13 апреля 2024 г.). URL: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/4717/1282/5862/Serdobolskaia_Tuzhik.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

Тужик 2024 — О. В. Тужик. Дифференцированное маркирование объекта в осетинских переводах художественной литературы: какова роль прото-роли? // А. А. Ануфриев, Е. В. Буденная, В. В. Дьячков, А. И. Груздева, Т. И. Давидюк, Н. С. Здорова, М. Я. Каплунова, Д. Д. Мордашова, В. А. Орлов (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Десятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (24–26 апреля 2024 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2024. С. 41–52.

Хомченкова 2026 — И. А. Хомченкова. Лексико-семантическое поле ‘менять’ в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2026. Т. 22. № 1. С. 253–283. DOI: 10.30842/alp23065737221253283

Bossong 1985 — G. Bossong. Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr, 1985.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Primus 2012 — B. Primus. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // M. Lamers, P. de Swart (eds.). Case, word order and promi-

nence: Interacting cues in language production and comprehension. Dordrecht: Springer, 2011. P. 65–90.

Serdobolskaya, Tuzhik 2025 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Differential object marking in modern Ossetic: Referential properties and animacy // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2025. Vol. 48. No. 2. P. 91–107. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-2-91-107.

Sinnemäki 2014 — K. Sinnemäki. A typological perspective on Differential Object Marking // Linguistics. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 281–313. DOI: 10.1515/ling-2013-0063.

Thordarson 2009 — F. Thordarson. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

References

Abaev 1959 — V. I. Abaev. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [A grammatical sketch of the Ossetic language]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959.

Bagaev 1965 — *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Pt. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1965.

Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr, 1985.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.

Gagkaev 1952 — K. E. Gagkaev. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [A sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Press of the North Ossetian ASSR, 1952.

Gagkaev 1956 — K. E. Gagkaev. *Sintaksis osetinskogo yazyka* [Ossetic syntax]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1956.

Khomchenkova 2026 — I. A. Khomchenkova. Leksiko-semanticheskoye pole ‘menyat’ v osetinskom yazyke [The lexical field of change in Ossetic]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2026. Vol. 22. No. 1. P. 253–283. DOI: 10.30842/alp23065737221253283.

Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu: referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeniy* [An utterance and its relation to the reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka, 1985.

Primus 2012 — B. Primus. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. M. Lamers, P. de Swart (eds.). *Case, word order and prominence: Interacting cues in language production and comprehension*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 65–90.

Serdobolskaya 2020 — N. V. Serdobolskaya. Variativnoye oformleniye pryamogo dopolneniya v osetinskom yazyke [Differential object marking in Ossetic]. Talk at the scientific conference “Minority languages in big linguistics 2020” (April 17–18, 2020).

Serdobolskaya, Tuzhik 2024 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Semanticheskaya rol pryamogo dopolneniya i vybor padezhnogo markirovaniya v ironskom dialekte osetinskogo yazyka [Semantic role of direct object and the choice of case marking in Iron Ossetic] // Paper presented at the scientific conference “Minority languages in big linguistics 2024” (April 12–13, 2024). Available at: https://tipl.philol.msu.ru/application/files/4717/1282/5862/Serdobolskaia_Tuzhik.pdf (accessed on: 16.05.2025).

Serdobolskaya, Tuzhik 2025 — N. V. Serdobolskaya, O. V. Tuzhik. Differential object marking in modern Ossetic: Referential properties and animacy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025. Vol. 48. No. 2. P. 91–107. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-2-91-107.

Sinnemäki 2014 — K. Sinnemäki. A typological perspective on Differential Object Marking. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 281–313. DOI: 10.1515/ling-2013-0063.

Thordarson 2009 — F. Thordarson. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Tuzhik 2024 — O. V. Tuzhik. Differentsirovannoye markirovaniye obyekta v osetinskikh perevodakh khudozhestvennoy literatury: kakova rol proto-roli? [Differential object marking in Ossetic translations of fiction: The role of the proto-role]. A. A. Anufriyev, E. V. Budennaya, V. V. Dyachkov, A. I. Gruzdeva, T. I. Davidyuk, N. S. Zdorova, M. Ya. Kaplunova, D. D. Mordashova, V. A. Orlov (eds.). *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Desyatoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (24–26 aprelya 2024 g.)*. [Problems of language: Collection of scientific articles based on the materials of the 10th Conference-School “Problems of Language: The View of Young Scientists” (April 24–26, 2024)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 41–52.

Получено/received 17.03.2025 *Принято/accepted 13.08.2025*

Субстантивное число в шугнанском языке: корпусное и экспериментальное исследование

Р. В. Ронько

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия); romanronko@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8181-1643

В. Д. Тимофеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); vdtimofeeva@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-5081-0814

Аннотация. Работа посвящена вариативности маркирования по числу имен в шугнанском языке и представляет результаты корпусного и экспериментального исследований. В рамках корпусного исследования рассмотрены типологические факторы, такие как референтность, одушевленность, наличие квантификаторов, и выявлена значимость референциального статуса и наличия квантификаторов при выборе числового маркирования. Результаты эксперимента на порождение показали, что, помимо статистических тенденций, обнаруженных в корпусном исследовании, на числовое маркирование влияют некоторые экстралингвистические свойства.

Ключевые слова: субстантивное число, множественное число, корпусное исследование, эксперимент, шугнанский язык

Благодарности. Авторы благодарны коллективу шугнанской экспедиции за многократные и содержательные обсуждения настоящего исследования.

Для цитирования: Ронько Р. В., Тимофеева В. Д. Субстантивное число в шугнанском языке: корпусное и экспериментальное исследование // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 117–146.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.5

© Р. В. Ронько, В. Д. Тимофеева, 2026

Nominal plurality in Shughni: A corpora and experimental study

Roman V. Ron'ko

HSE University (Moscow, Russia); Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); romanronko@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8181-1643

Victoria D. Timofeeva

HSE University (Moscow, Russia); vdtimofeeva@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-5081-0814

Abstract. The paper is devoted to the variable number marking in Shughni nouns and reports the results of corpus and experimental studies. In some languages, including Shughni, the marking of plural nouns is not compulsory. Many factors such as animacy, referentiality, morphological and semantic properties, or syntactic position may determine the presence or absence of number marking.

The corpus study investigates the typological factors including referentiality, animacy, and presence of quantifiers. 428 corpus entries of nouns with plural meaning balanced in terms of major semantic groups were examined. Chi-squared tests were applied to confirm that referentiality and presence of quantifiers were significant factors for number marking in the sample, while the factor of animacy was not significant. Nouns denoting definite entities as well as noun phrases including quantifiers are more likely to receive number marking.

The naming task experiment was conducted to determine whether some lexically specified properties affect number marking in addition to more general tendencies discovered using corpus data. The materials included 35 picture stimuli representing plural objects of various semantic groups. Data obtained from a demographically heterogenous (with respect to gender, age group, and education level) 19 native Shughni speakers were analyzed. The hierarchy of stimuli according to the frequency of number marking was modeled using the Guttman scale. The results of the naming task experiment showed that in addition to the corpus tendencies, some extralinguistic properties, such as animacy or belonging to a pair or a set of identical distinct objects, trigger number marking more often.

Keywords: number marking, nominal plurality, corpus study, experiment, Shughni

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the members of the Shughni field trip group for frequent and meaningful discussions of the current study.

For citation: Ron'ko R. V., Timofeeva V. D. Nominal plurality in Shughni: A corpora and experimental study. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 117–146.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.5

1. Введение

Множественность референтов в некоторых языках не обязательно выражается эксплицитно, множественный референт может получить или не получить специальный показатель множественного числа. Так, в шугнанском языке (шугнано-рушанские < восточноиранские < иранские < индоиранские < индоевропейские) оба предложения из минимальной пары (1) признаются грамматичными:

(1) a. *Saida=nd* *xušrūy* ***ɣūnǰ***.
Saida=LOC красивый волосы
b. *Saida=nd* *xušrūy* ***ɣūnǰ-en***.
Saida=LOC красивый волосы-PL
'У Саиды красивые волосы' (элицитация).

Подобная вариативность в маркировании множественного числа распространена в языках мира [Corbett 2000: 14] и встречается во многих памирских языках [Lange 2015]. Системы с подобной грамматической вариативностью хорошо известны, так, например, в работах [Даниэль 2007; Аплонова 2017] описано субстантивное число в хакасском, мишарском диалекте татарского, чувашском и башкирском языках.

Существует большое количество работ по типологии субстантивного числа, см., например, [Smith-Stark 1974; Corbett 2000; Haspelmath 2013]. Факторы, влияющие на маркирование множественности, такие как одушевленность, определенность и референтность, синтаксическая позиция, обычно описываются в терминах иерархий. Мы придерживаемся того же подхода в описании наших данных, а кроме того, обращаем внимание на конкретные онтологические свойства объектов. Маркирование по числу обсуждалось и на материале шугнанского языка. Представление этой проблемы содержится, например,

в [Эдельман, Юсуфбеков 1999], где утверждается, что в шугнанском языке показатель единственного числа обозначает как единичные предметы, так и парные части тела, вещества, абстрактные понятия, а показатель множественного числа обозначает как множество единичных предметов, так и совокупности разнородных объектов. В сочетаниях с числительными и количественными словами обычно используется форма единственного числа. Цель нашей работы — рассмотреть и определить факторы, влияющие на маркирование множественного референта по числу в шугнанском языке.

Шугнанский язык — самый крупный памирский язык по числу говорящих (около 100 тыс. человек по недавним оценкам, см. [Эдельман, Юсуфбеков 1999: 225]), распространенный в высокогорном регионе Западного Памира. Он значим для региона в социолингвистическом плане и доминирует в столице Горного Бадахшана городе Хороге (Горно-Бадахшанская автономная область, Республика Таджикистан). Почти все носители шугнанского хорошо владеют русским языком, что необходимо учитывать при выборе исследовательской методологии. В исследовании мы применяем корпусный и экспериментальный подходы, так как считаем, что они оптимальны для изучения вариативности, обусловленной грамматическими параметрами.

В работе используются примеры из корпуса шугнанского языка, доступного на электронном ресурсе Pamiri.online [Makarov et al. 2022]. В корпусе насчитывается 71 текст (всего 92127 слов), датированный с 1930 по 2019 гг.; в нем представлены прозаические и поэтические литературные тексты, устные рассказы, некоторые примеры из «Шугнанско-русского словаря» Д. К. Карамшоева [1988–1999].

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 содержится краткий обзор сведений о категории числа в шугнанском языке, в разделах 3 и 4 приводятся результаты корпусного и экспериментального исследований, в заключительном разделе 5 даны основные выводы.

2. Категория числа в шугнанском языке

Основным показателем множественного числа в шугнанском языке является суффикс *-en* (или *-yen* после основ на гласный). Кроме того, в шугнанском языке есть специализированные показатели множественного числа, которые, согласно грамматике [Карамшоев

1963: 91–92], маркируют определенные группы объектов. В таблице 1 приведены показатели множественного числа, которые упоминаются в грамматике Д. К. Карамшоева [Там же: 92–94] (левый столбец), и примеры содержащих их слов из корпуса (правый столбец). Не все показатели, отмеченные в грамматике, встречаются в корпусе (ср., например, *-orǰ*, *-êrǰ*). Это может быть обусловлено тем, что в грамматике описывается баджувский диалект шугнанского языка, а также величиной корпуса. Тексты, представленные в корпусе, довольно разнородны, многие из них записаны от жителей города Хорог.

Таблица 1. Показатели множественного числа в шугнанском языке

Table 1. Plural markers in Shughni

Показатель	**Функция**	**Корпусные примеры**
-yůn, *-gůn*	суффикс терминов родства и слов со значениями социальных отношений ‘соседи’, ‘друзья’ и пр.	*bob-yůn* ‘деды’, *nān-yůn* ‘матери’, *amro-gůn* ‘спутники’; *amsoya-gůn* ‘соседи’, *oxno-gůn* ‘друзья’; *amsoya-gin*[1] ‘соседи’
-orǰ, *-êrǰ*	суффикс терминов родства (редко)	отсутствует в корпусе
-ār	особый суффикс для слов *virod* ‘брат’ и *arod* ‘товарищ’	*virod-ār* ‘братья’ (одно употребление *virod-en*)
-xel, *-galā*, *-buc*	суффиксы с оттенком собирательности	*naxčīr-xel* ‘горные козы’ (одинаково часто используется *naxčīr-en*), *bač-galā* ‘ребята’ (фонетические варианты *bača-galā*, *baǰ-galā*, *buc-galā*; одно употребление *bač-en*); *-buc* в значении собирательности отсутствует в корпусе

Суффиксы *-yůn*, *-gůn*, использующиеся в словах *bob-yůn* ‘деды (предки)’, *xêr-yůn* ‘племянники’, *nibos-yůn* ‘внуки’, *oxno-gůn* ‘друзья’, в речи некоторых информантов в городе Хорог заменены суф-

[1] Фонетический вариант показателя.

фиксом *-en*[2]. В ряде слов, которые являются заимствованиями из таджикского (*solo* ‘годы’, *soato* ‘часы’, *waxto* ‘времена’), используется таджикский суффикс множественного числа *-o* < *-ho* [Perry 2005: 63–64]. В исследованиях отмечается, что в сочетаниях с числительными и количественными словами обычно используется форма единственного числа [Эдельман, Юсуфбеков 1999: 234]. В сочетаниях с числительными в корпусе также могут использоваться счетные слова: *nafar* ‘человек’ (при счете людей: *δu nafar* ‘два человека’), *bun* ‘ствол’ (при счете деревьев, например *δu bun tūδen* ‘два тутовника’), *sar* ‘голова’ (при счете скота, например *sī sar x̌īǰ* ‘тридцать быков’), *důnā* ‘зерно’ (при счете вещей, например *pīnʒ důnā mūn* ‘пять (штук) яблок’). Кроме того, необходимо отметить существование особой основы для формы множественного числа у слова *yax* ‘сестра’ — *yaxʒin-en* ‘сёстры’.

Разные типы множественности объектов могут выражаться в шугнанском языке отдельными конструкциями. К. Паркер в [Parker 2023: 147–154] разделяет три типа множественности в шугнанском языке, которым соответствуют разные конструкции: аддитивную, симилятивную и ассоциативную множественность. Аддитивная множественность обозначает множество гомогенных объектов. Ассоциативная множественность используется для обозначения группы людей, ассоциированных с одним конкретным референтом. В шугнанском языке этот тип множественности выражается с помощью специальных показателей *wāδ* и *wev*[3]. Симилятивная множественность, которая выражается в шугнанском при помощи редупликации, обозначает множество разнородных объектов, обладающих однородными свойствами или близкими связями по отношению друг к другу.

3. Корпусное исследование

3.1. Подготовка корпусного исследования

При помощи грамматического поиска по глоссе PL из корпуса были извлечены 428 примеров с существительными, имеющими по-

[2] Мы благодарны Владимиру Бутолину за предоставление личных материалов, в которых содержались подобные примеры.

[3] В зависимости от позиции показателя мы считаем его или указательным местоимением, или клитикой со значением множественного числа.

казатель множественного числа: как основной показатель *-en* (*yen*), так и другие, указанные в таблице 1. Для лексем, вошедших в эту первичную выборку, далее были найдены употребления в единственном числе в контекстах с однозначно множественным референтом и нереферентными множествами. Рассматриваемые существительные были распределены по семантическим группам и размечены по одушевленности и референциальному статусу с опорой на классификацию, предложенную в работе [Падучева 2009: 79–101]. Отдельно были размечены также сочетания с числительными и иными квантификаторами.

Для подтверждения значимости различий в распределении форм множественного и единственного числа между группами контекстов, сформированными по указанным выше признакам, использовался критерий хи-квадрат, который рассчитывался с помощью функции, встроенной в R [R Core Team 2022]. Перед применением статистического критерия потребовалось сбалансировать выборку по семантическим группам и максимально исключить влияние индивидуальных особенностей лексем. Поскольку контекстов с одушевленными существительными, особенно обозначающими людей, в изначальной выборке было намного больше, чем контекстов с неодушевленными существительными, в рамках семантической группы «люди» мы рассматривали только самые частотные лексемы (*odamen* ‘люди’, *ƴiniken* ‘женщины’, *čoriken* ‘мужчины’, *bačgalā* ‘ребята’). Для остальных семантических групп в рассмотрение были включены контексты с лексемами, для которых было зафиксировано три и более вхождений. В приложении представлен список лексем, отобранных для выборки перед корпусным исследованием, с указанием количества вхождений. Суммарно в итоговую выборку вошло 519 примеров с существительными со значением множественности как с показателем множественного числа, так и без него.

В таблице 2 представлено количество примеров (не учитываются примеры с числительными и квантификаторами, об их влиянии на числовое маркирование см. раздел 3.2.1) со словами разных семантических групп в формах множественного и единственного числа:

Таблица 2. Распределение числа по семантическим группам

Table 2. Distribution of number marking across semantic groups

Семантическая группа	SG	PL
Термины родства	14	38
Люди	92	47
Животные (млекопитающие)	11	30
Птицы	1	11
Части тела	51	21
Время	5	13
Одежда	19	12
Другие неодушевленные предметы	5	34

3.2. Результаты корпусного исследования

В рамках корпусного исследования мы проверили влияние следующих факторов на маркирование существительных показателем множественного числа: употребление существительного с числительным и/или квантификатором, референциальный статус и одушевленность существительного. Мы подсчитали количество маркированных и немаркированных по числу именных групп для разных значений этих признаков, составили таблицы сопряженности размера 2x2 и применили критерий хи-квадрат к полученным количественным данным с целью проверить гипотезу о независимости наблюдений от указанных выше факторов.

3.2.1. Использование показателя числа в сочетаниях с числительными и квантификаторами

В сочетаниях с числительными и квантификаторами (*cůnd*, *čand*, *čandīn* ‘несколько’; *lāv*, *lap*, *nāš* ‘много’; *fuk* ‘все’; *důnd* ‘столько’) заметно чаще используется форма единственного числа. Эта тенденция подтверждается статистически при применении критерия хи-квадрат. Значения p-value < 0,001 указывают на статистическую значимость различия в распределении форм единственного и множественного числа в зависимости от наличия или отсутствия числительных и/или количественных слов.

В таблицах 3, 4 и 5 приведены данные о количестве существительных в формах единственного и множественного числа в сочетании с числительным, квантификатором и вне таких сочетаний. Приведены суммарные количества форм множественного числа, форм единственного числа, сочетаний с числительными и/или квантификаторами, вхождений без числительных и квантификаторов, а также всех примеров, включенных в этот статистический расчет. В скобках указана доля форм единственного и множественного числа от общего количества. В таблицах 4 и 5 отдельно рассматриваются употребления с числительными и квантификаторами соответственно.

Таблица 3. Распределение числа в зависимости от наличия числительного или квантификатора

Table 3. Distribution of number marking depending on presence of a numeral or a quantifier

Число	**Есть числительное или квантификатор**	**Нет числительных и квантификаторов**	**Всего**
PL	13 (11,3 %)	208 (51,49 %)	221 (42,58 %)
SG	102 (88,7 %)	196 (48,51 %)	298 (57,42 %)
Всего	115 (100 %)	404 (100 %)	519 (100 %)
		$\chi^2 = 59{,}112$, df = 1, p-value < 0,001	

Таблица 4. Распределение числа в зависимости от наличия числительного

Table 4. Distribution of number marking depending on presence of a numeral

Число	**Есть числительное**	**Нет числительных и квантификаторов**	**Всего**
PL	5 (6,67 %)	208 (51,49 %)	213 (44,47 %)
SG	70 (93,33 %)	196 (48,51 %)	266 (55,53 %)
Всего	75 (100 %)	404 (100 %)	479 (100 %)
		$\chi^2 = 51{,}455$, df = 1, p-value < 0,001	

Таблица 5. Распределение числа в зависимости от наличия квантификатора

Table 5. Distribution of number marking depending on presence of a quantifier

Число	Есть квантификатор	Нет числительных и квантификаторов	Всего
PL	8 (19,51 %)	208 (51,49 %)	216 (48,54 %)
SG	33 (80,49 %)	196 (48,51 %)	229 (51,46 %)
Всего	41 (100 %)	404 (100 %)	445 (100 %)
		$\chi^2 = 15{,}234$, df = 1, p-value < 0,001	

На основании данных корпуса можно констатировать следующую статистическую тенденцию: в сочетаниях с числительными обычно используется форма без показателя множественного числа, ср. (2), что соответствует обобщению, предложенному в [Эдельман, Юсуфбеков 1999: 234].

(2) *Wuz* ***aray*** ***čor****=qati* *zindagi* *čīd-ow* *na-vārδī-m.*
1SG три муж=COM жизнь делать-PURP NEG-мочь-1SG
‘Я с тремя мужьями не могу жить’ («Buor-at nuqrā»)[4].

Однако в сочетаниях с указательными местоимениями и числительными используется форма с показателем множественного числа:

(3) ***Dāδ*** ***aray*** ***kitob-en*** *yi* *tom-and* *ba* *zabon-i*
D2.PL три книга-PL один том-LOC ALL язык-EZ
toǰiki *perevod* *čŭў-ǰ-en*.
таджикский перевод делать-PF-3PL
‘Эти три книги в одном томе были переведены на таджикский язык’ («Prophets»).

Это может быть связано с тем, что указательные местоимения в шугнанском языке употребляются в качестве определенного артикля [Карамшоев 1963: 93]. Более подробно влияние этого фактора на маркирование существительных по числу будет рассмотрено в следующем разделе.

[4] После переводов корпусных примеров дается название текста, из которого взят пример.

В сочетаниях с квантификаторами также предпочтительно использование форм единственного числа, однако доля употреблений множественного числа больше, чем в сочетаниях с числительными.

3.2.2. Референциальный статус

Статистически значимым фактором для маркирования существительных по числу является и референциальный статус. Мы применили критерий хи-квадрат, чтобы установить, есть ли зависимость между референтностью именной группы и наличием показателя множественного числа. Значение p-value < 0,001 указывает на статистическую значимость различия в распределении форм единственного и множественного числа между контекстами с референтными и нереферентными именными группами.

В таблице 6 указано число контекстов, в которых существительные во множественном и единственном числе референтны или нереферентны. Приведены суммарные количества форм множественного числа, форм единственного числа, референтных и нереферентных контекстов, а также всех примеров, включенных в этот статистический расчет. В скобках указана доля форм единственного и множественного числа.

Таблица 6. Распределение числа в зависимости от референтности

Table 6. Distribution of number marking depending on referentiality

Число	Референтные	Нереферентные	Всего
PL	184 (48,17 %)	18 (23,08 %)	202 (43,91 %)
SG	198 (51,83 %)	60 (76,92 %)	258 (56,09 %)
Всего	382 (100 %)	78 (100 %)	460 (100 %)
		$\chi^2 = 16{,}556$, df = 1, p-value < 0,001	

При определении характера референции в рассматриваемых корпусных примерах мы руководствовались классификацией денотативных статусов, предложенной в работе [Падучева 2009: 79–101]. В группу «референтные» попали определенные и неопределенные для говорящего именные группы, а в группу «нереферентные» — экзистенциальные, универсальные, атрибутивные и родовые. Поскольку эта классификация применима только к именным группам с пред-

метным значением, мы не размечали денотативный статус именных групп, отнесенных нами к семантической группе «Время». К референтному определенному статусу были отнесены примеры с наличием при имени указательного местоимения[5], в остальных случаях для определения денотативного статуса использовался контекст. Во всех контекстах с указательными местоимениями именные группы маркируются показателем множественного числа.

Было установлено, что как референтные определенные, так и референтные неопределенные именные группы чаще маркируются показателем множественного числа, чем нереферентные. В примере (4) на референтный определенный денотативный статус существительного *bučen* ‘козы’ однозначно указывает указательное местоимение *wev*. В примере (5) существительные *zarīʒen* ‘перепелки’ и *bulbulen* ‘соловьи’ референтны, но не определенны, поскольку их референты упоминаются в тексте впервые.

(4) *Alqissā,* ***fuk-aθ*** ***wev*** ***buč-en*** *di-yen*.
итак все-ADV D3.PL.O коза-PL убить-3PL
‘Одним словом, всех (тех) коз подстреливают’ («Khan’s hunt»).

(5) *Toyd=en toyd=en, yat=en yi ǰoy=andīr*
идти.PST=3PL идти.PST=3PL прийти.PST=3PL один место=LOC
didi, yam=and yik důnd xušrūy čaǎma-zor
этот D1.SG=LOC EMPH настолько красивый источник-PLACE
didi, ***zarīʒ-en***[6] *qaqārā kin-en,* ***bulbul-en***
этот перепелка-PL пение делать-3PL соловей-PL
čačahā kin-en.
пение_соловья делать-3PL
‘Ехали-ехали и приехали к чудесному месту, где бьют источники, перепелки поют и соловьи’ («White mountain goat»).

Рассмотрим нереферентные именные группы. В нашей выборке экзистенциальные дистрибутивные именные группы (обозначают участников, распределенных по некоторому множеству однотипных событий) не маркируются показателем множественного числа, ср.:

[5] Список указательных местоимений и их парадигмы приведены в статье [Бадеев 2022].

[6] Мы считаем, что в этом примере соловьи и перепелки доступны восприятию рассказчика и по классификации Падучевой они референтные неопределенные.

(6) *Xu* ***mūm****=at* *xu* ***bob*** *lův-et* *idi,*
REFL бабушка=COORD REFL дедушка говорить-2PL этот
as xu ǰuwůni tam-ard naqli kin-en.
EL REFL молодость 2PL-DAT история делать-3PL
‘Попросите своих бабушек и дедушек, чтобы они рассказали вам о своей юности’ («Phrases»).

Экзистенциальные неконкретные именные группы (представлены в вопросах и контекстах с отрицанием или модальными конструкциями) также не маркируются показателем множественного числа, см. пример, где такая именная группа представлена лексемой *odam* ‘человек’:

(7) *Yat* *čuǩ* *dišīd=ti* *qīwd,* *kud*
приходить.PST петух крыша=SUP кукарекать.3SG собака
dargo=ndi *ǰaqt,* *awqot* *dek=ti* *pist=at,*
двор=LOC лаять.PST еда котел=SUP варить.3SG=COORD
odam *yam-and* *nist.*
человек D3.M.SG-LOC быть.NEG
‘Пошел, видит: петушок кукарекает на крыше, собака во дворе лает, кушанье в котле варится, а только людей нет’ («Buor-at nuqrā»).

Общеэкзистенциальные именные группы (обозначают объекты с определенными свойствами, не называя конкретные объекты) могут маркироваться показателем множественного числа (см. *ɣācen* ‘девушки’ в примере (8)), но чаще не маркируются (*odam* ‘люди’ и *aywůn* ‘животные’ в примере (9)).

(8) *Yu* *šo-zodā* *dis* *xaǩ* *xušrūy* *vuð-ǰ=idi* *fuk-aθ*
D3.M.SG шах-сын так очень красивый быть-PF=этот все-ADV
ɣāc-en*=en* *as* *wi* *xišruyi* *wi=ti* *kotā*
девушка-PL=3PL EL D3.M.SG.O красота D3.M.SG.O=SUP любовник
vi-c.
быть-PF.F
‘Этот царевич был такой красивый, что все девушки от его красоты были без ума’ («White mountain goat»).

(9) *Dam* *ǰīngāl=and* *yi* *ɣulā* *aǰdal* *bar-ǰoy*
D2.F.SG.O лес=LOC один большой дракон ALL-место
vic *xu* *daδ* ***odam****=at* ***aywůn***
быть.PF.F COORD после человек=COORD животное

naɣǰīdow *na-lā-kiǐt*.
проходить.PURP NEG-отпускать-делать.3SG
‘В этом лесу жил один большой дракон и не давал пройти людям и животным’ («Legend about Anjin dragon»).

То же самое касается нереферентных именных групп с универсальным значением, указывающих на множество всех объектов, которые могут быть названы при помощи данной именной группы (*odam* ‘люди’ в примере (10), *odamen* ‘люди’ в примере (11)):

(10) *Dam* *yak-um* *mevā* *na-xet,* *yido* *yid* *yid*
D2.F.SG.O один-ORD фрукт NEG-есть.2PL D2.SG D2.SG D2.SG
mast *kiǐt* ***odam***.
опьянять делать.3SG человек
‘Его первые фрукты не ешьте, он опьяняет людей’ («Stealing»).

(11) *Atā* *Yeso* *Šimůn=ard=i* *lůd:* *«Ǐoǰ* *mā* *δêr.*
и Иисус Симон=DAT=3SG сказать.PST страх PROH AUX
as *nur=and=ta* *tu,* *moyi* *nay* *atā* ***odam-en***
EL сегодня=LOC=FUT 2SG рыба NEG и человек-PL
anǰāv-i».
поймать-2SG
‘И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков’ («Gospel of Luke, Chapter 5»).

Немногочисленные в нашей выборке нереферентные именные группы с родовым значением, соотносимые с типичным представителем класса объектов (см. *čorik* в примере (12)), не маркируются показателем множественного числа:

(12) *Ɣulā* ***čorik*** *boyad* *ar-taraf-ā* *xu*
большой мужчина должен каждый-сторона-НВ REFL
pāligāǐt *fāmt*.
поступок знать.3SG
‘Взрослому мужчине полагается всесторонне оценивать свои поступки’ («Phrases»).

Для предикатных употреблений именных групп, не относящихся ни к референтным, ни к нереферентным согласно классификации, наблюдается вариативность в маркировании по числу (*pacen* ‘сыновья’

в примере (13) — во множественном числе, *čor* ‘мужья’ в примере (14) — в единственном):

(13) *Set tar xu tāt xez, lův-et māš=ām*
становиться.2PL EQ REFL отец APUD сказать-2PL 1PL=1PL
*tu **pac-en**.*
2SG сын-PL
‘Подойдите к своему отцу и скажите: мы твои сыновья’ («Potǩo-yat, wi pacen-at wi ɣin»).

(14) *Tu tiyi, Buor=at Nuqrā=yen mu **čor**.*
2SG идти.2SG Бахор=COORD Нукра=3PL 1SG.O муж
‘Ты уйдешь, а Бахор и Нукра — мои мужья’ («Buor-at nuqrā»).

3.2.3. Одушевленность

На корпусной выборке фактор одушевленности не оказался статистически значимым. Мы применили критерий хи-квадрат для анализа распределения форм единственного и множественного числа одушевленных и неодушевленных существительных, предварительно исключив контексты с числительными и классификаторами.

В таблице 7 представлено количество форм множественного и единственного числа одушевленных и неодушевленных существительных в нашей выборке. Значение p-value > 0,05, полученное в результате применения критерия, показывает, что признак одушевленности не влияет на употребление множественного числа.

Таблица 7. Распределение числа в зависимости от одушевленности
Table 7. Distribution of number marking depending on animacy

Число	Одушевленное	Неодушевленное	Всего
PL	127 (51,84 %)	81 (50,94 %)	208 (51,49 %)
SG	118 (48,16 %)	78 (49,06 %)	196 (48,51 %)
Всего	245 (100 %)	159 (100 %)	404 (100 %)
		$\chi^2 = 0{,}030808$, df = 1, p-value = 0,8607	

4. Эксперимент

На основе корпусного исследования мы получили результаты в виде статистических тенденций. Некоторые из них требуют уточнения. Например, следует установить, есть ли семантические классы, которые склонны к референтности и, соответственно, к маркированию показателем множественного числа, а также почему довольно большая доля контекстов, найденных в корпусе, противоречит обнаруженным тенденциям. Мы предполагаем, что такие контексты обусловлены некоторыми экстралингвистическими факторами. Так, например, в [Рахилина, Су-Хён 2009] обсуждаются разные качественные параметры ситуаций множественности: в том числе имеют значение гомогенность или разнородность объектов, упорядоченность или неупорядоченность элементов. Проверить подобные предположения мы решили с помощью эксперимента. Эксперимент был проведен в рамках экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ в июне 2024 г. в городе Хорог (Горно-Бадахшанская автономная область, Республика Таджикистан).

4.1. Методы и данные

4.1.1. Участники

В эксперименте приняли участие 26 носителей шугнанского языка (23 женщины, трое мужчин). В итоговый анализ вошли данные, полученные от 19 участников (17 женщин, двое мужчин). Возраст участников эксперимента составлял от 16 до 54 лет (средний возраст — 31 год, СО[7] = 13,81450613). Участники также имели разный уровень образования (15 информантов имеют высшее или неоконченное высшее образование, 11 имеют среднее или неоконченное среднее).

4.1.2. Стимулы

Для эксперимента было отобрано 35 стимулов, см. таблицу 8. Стимулы представляли собой объекты из четырех семантических

[7] Стандартное отклонение.

групп: люди, животные, части тела и неодушевленные предметы. Все стимулы — изображения множественных объектов, далее мы описываем их, приводя русские существительные во множественном числе. Внутри семантических групп объекты различались по ряду параметров. В группе «люди» стимулы различаются по параметру «родственность» (*братья*, *сёстры* vs. *друзья*). В группу «животные» включены наименования как домашних (*собаки*), так и диких (*волки*) животных. В группе «части тела» выделяются одиночные (*носы*),

Таблица 8. Стимулы, используемые в эксперименте

Table 8. Experimental stimuli

Стимул	**Перевод на шугнанский**[8]	**Стимул**	**Перевод на шугнанский**
глаза	*cem*	ножи	*mīδǰ*
зубы	*δindůn*	братья	*virod*
ноги	*poδ*	сёстры	*yaxʒinen*
руки	*δust*	дети	*bačgalāyen*
носы	*nêʒ*	мужчины	*čoriken*
колени	*zůn*	женщины	*ɣiniken*
сапоги	*pêx*	ключи	*wixĭīʒ*
дома	*čīd*	горные козы	*naxčīren*
камни	*žīr*	козы	*bučen*
конфеты	*konfeten*	лошади	*vorǰen*
яйца	*tarmurx*	собаки	*kaden*
игральные карты	*karta*	верблюды	*xĭituren*
дрова	*žīz*	свиньи	*xūgen*
картошка	*kartuška*	ягнята	*wārgbucen*
тутовник (ягоды)	*tuδ*	волки	*wūrǰ*
уголь	*ugol*	мыши	*pūrgen*
книги	*kitob*	волосы	*ɣūnǰ*
лодки	*kaxtīnen*		

[8] В таблице даны самые частые переводы информантов.

парные части тела (*глаза*), а также части тела, представляющие собой набор (*зубы*) и массу компактно расположенных объектов (*волосы*). Список стимулов, подобранных для эксперимента, по большей части совпадает со списком, представленным в [Аплонова 2017]. В группу неодушевленных предметов вошли существительные, которые склонны не маркироваться показателем множественного числа согласно данным нашего корпусного исследования и результатам работ на материале других языков — башкирского [Аплонова 2017] и чувашского, татарского и хакасского [Даниэль 2007]: ‘уголь’, ‘картошка’, ‘дрова’ и ‘тутовник’ (вместо стимула ‘ягоды’).

4.1.3. Процедура

Участникам были показаны в псевдорандомизированном порядке соответствующие стимулам фотографии, на которых изображены множества объектов. От участников требовалось вслух назвать то, что они видят на изображении, а после произнесения записать это слово на бумаге.

4.2. Результаты экспериментального исследования

Для полноценного сравнения употребления множественного числа у всех информантов по всем стимулам из подсчетов были исключены данные 7 информантов, которые затруднились назвать как минимум одну из требуемых форм.

Вслед за [Аплонова 2017] мы применили шкалу Гуттмана, чтобы определить, выстраиваются ли результаты эксперимента в единую линейную шкалу. Шкала Гуттмана призвана оценить линейность иерархии объектов, которые отличаются значением бинарного признака. Статистические расчеты и построение графика производились в среде R [R Core Team 2022] при помощи пакетов «guttman» [Libura 2019] и «_d3heatmap» [Cheng, Galili 2021]. Коэффициент воспроизводимости составил 0,892[9]. Он характеризует степень приближенности распределения данных к идеальной шкале. В наших данных при использовании шкалы Гуттмана зафиксировано 72 отклонения

[9] Данные считаются пригодными для построения шкалы при значении коэффициента воспроизводимости больше 0,85.

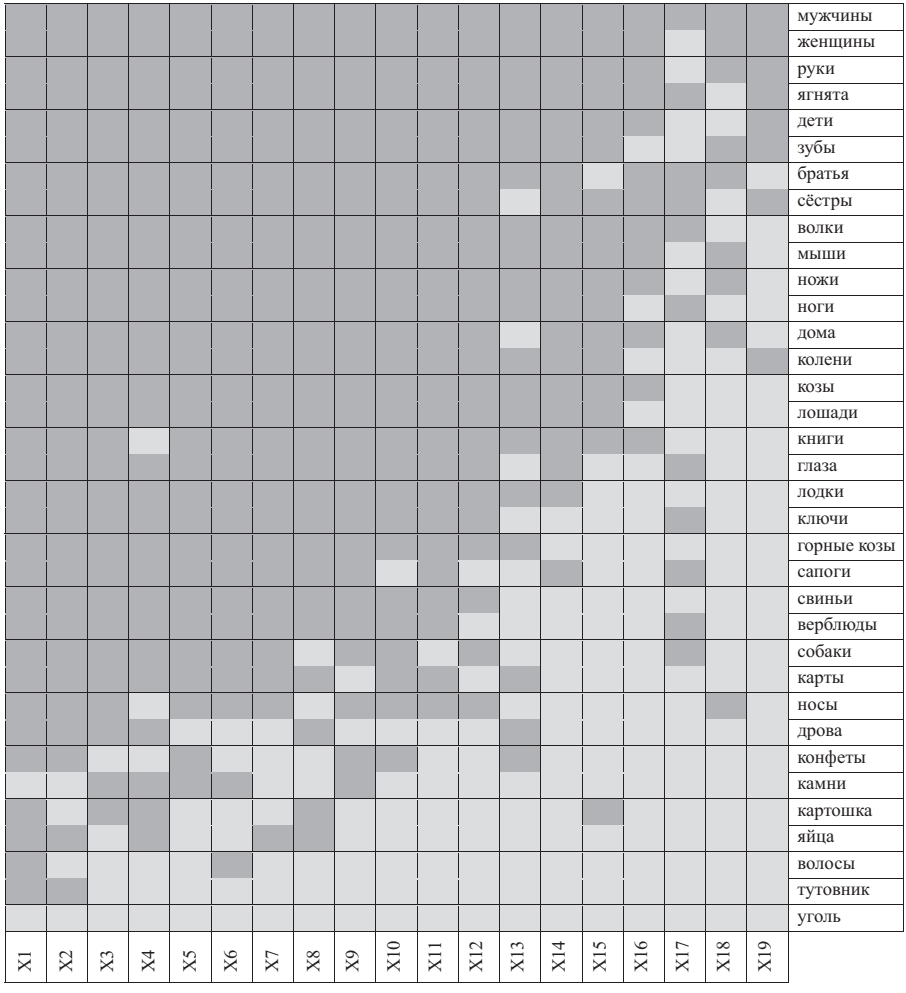

Рис. 1. Шкала Гуттмана

Fig. 1. Guttman scale

на 665 наблюдений. На графике информанты и стимулы расположены в порядке убывания количества употреблений показателя множественного числа. Употребления показателя множественного числа обозначены клетками темно-серого цвета, отсутствие показателя

множественного числа в словоформе обозначается клетками светло-серого цвета.

Для начала мы проанализируем полученные результаты по семантическим группам. В таблице 9 в порядке убывания представлены стимулы — части тела. Существительные этой группы находятся высоко в нашей шкале. Парные части тела (ладони, ноги, колени, глаза) и части тела, представляющие собой набор (зубы), маркируются чаще, чем стимул «нос». Отдельный, редко маркируемый стимул — «волосы». Волосы представляют собой единую массу объектов, находящихся в плотном соприкосновении, и только два информанта употребили этот стимул с показателем множественного числа. Тем самым парные части тела и наборы имеют тенденцию к маркированию показателем множественного числа и противопоставлены одиночным и «множественным» частям тела.

Таблица 9. Числовое маркирование частей тела

Table 9. Number marking of body parts

Части тела	Семантический тип	PL
ладони	парный	18
зубы	набор	17
ноги	парный	16
колени	парный	16
глаза	парный	14
носы	отдельный	11
волосы	единая масса объектов	2

В таблице 10 представлены разные неодушевленные предметы. Они делятся на два класса: в первый входят крупные предметы, которые не склонны примыкать друг к другу (дом, лодка), во второй — предметы, которые составляют идентичные кванты. Так, тутовая ягода является квантом в тутовой грозди, а уголек — квантом в мешке с углем. Кроме того, в таблице представлены некоторые дополнительные типы: парный предмет (сапоги) и наборы (игральные карты и ключи). Отдельные предметы имеют тенденцию маркироваться множественным числом, предметы, составляющие идентичные кванты, имеют

обратную тенденцию. Внизу шкалы расположены мелкие предметы, находящиеся в плотном контакте друг с другом (древесный уголь, тут). Наборы и парный предмет занимают промежуточное положение. Нужно обратить внимание на различие «идентичных квантов» и «наборов»: набор может включать в себя разные типы объектов. Так, полный набор зубов включает в себя резцы, клыки, моляры и премоляры. Идентичные кванты — это один тип объектов.

Таблица 10. Числовое маркирование предметов

Table 10. Number marking of inanimate objects

Предметы	Семантический тип	PL
ножи	отдельный предмет	17
дома	отдельный предмет	16
книги	отдельный предмет	15
лодки	отдельный предмет	14
ключи	набор	13
сапоги	парный предмет	12
карты	набор	11
дрова	идентичные кванты	6
шоколадные конфеты	идентичные кванты	6
камни	идентичные кванты	5
картошка	идентичные кванты	5
яйца	идентичные кванты	5
тутовник (ягоды)	идентичные кванты	2
уголь	идентичные кванты	0

В таблице 11 в порядке убывания количества форм множественного числа представлены стимулы-животные. Животные в нашей шкале находятся ниже людей, но выше наборов. Видимых противопоставлений между домашними и дикими животными наш эксперимент не выявил. Возможно, среди подобранных стимулов нет ярко выявленных одиночных животных (например, кошек), которые не склонны к стайной и стадной организации.

Таблица 11. Числовое маркирование животных

Table 11. Number marking of animals

Животные	**PL**
ягнята	18
волки	17
мыши	17
козы	16
лошади	15
горные козы	14
свиньи	12
верблюды	12
собаки	11

В таблице 12 в порядке убывания представлены стимулы, обозначающие людей. Они противопоставлены друг другу по семантическому параметру «родственность». Видимых отличий по этому противопоставлению эксперимент не выявил. Стимулы этой группы склонны к маркированию показателем множественного числа и находятся на вершине шкалы маркирования. Стимул «мужчины» получил маркирование множественным числом у всех информантов.

Таблица 12. Числовое маркирование людей

Table 12. Number marking of people

Люди	**Родственность**	**PL**
мужчины	–	19
женщины	–	18
дети	+	17
братья	+	17
сёстры	+	17

Представленный материал позволяет сделать следующие обобщения: люди, животные, парные части тела, части тела, представленные

набором, а также отдельные неодушевленные предметы имеют высокую долю маркирования по числу, при этом все стимулы, изображающие людей, находятся на вершине полученной шкалы, а некоторые стимулы, изображающие животных (собаки и верблюды), отдельные предметы (книги и ножи) и парную часть тела (глаза), — в середине этой шкалы. Внизу шкалы располагаются предметы, представляющие собой массу идентичных квантов, к ним примыкает стимул «волосы», который обладает такой же структурой. Нужно обратить внимание на то, что такое положение стимулов во многом совпадает с положением стимулов в других языках, ср. [Даниэль 2007: 190; Аплонова 2017]. Проведенный эксперимент показывает, что противопоставление «отдельный предмет — набор — совокупность идентичных квантов» оказывается важнее семантического класса объекта (животные, люди, части тела, неодушевленные объекты). Единственный семантический класс объектов, который ведет себя последовательно и склонен к маркированию по множественному числу, — «люди».

5. Заключение

В нашем исследовании показано, что маркирование референтов по числу в шугнанском языке обусловлено референциальным статусом объекта. Референтные именные группы имеют тенденцию к оформлению показателем множественного числа. Рассмотренная вариативность ведет себя особым образом в сочетаниях с квантификаторами: при наличии числительных используется форма без показателя множественного числа, если только это не конструкция и с числительным, и с указательным местоимением. Вариативность маркирования при других квантификаторах требует дополнительного исследования. Корпусное исследование показало, что одушевленность не является значимым фактором для маркирования по числу, однако многие одушевленные объекты, которые склонны к высокой референтности (например, объекты, обозначающие людей или термины родства), имеют тенденцию к оформлению показателем множественного числа.

Как показало экспериментальное исследование, маркирование зависит не только от рассмотренных типологических факторов, но и от экстралингвистических свойств. Для числового маркирования важно, яв-

ляется ли объект самостоятельной единицей или одним из идентичных квантов, которые собраны в едином пространстве. С другой стороны, объект может быть частью набора. Сущности, составляющие набор, и сущности, представляющие собой множество идентичных квантов, склонны не оформляться показателем множественного числа.

Список условных сокращений

ADV — адвербиализатор; ALL — аллатив; APUD — локализация рядом с или перед ориентиром; AUX — вспомогательный глагол; COM — комитатив, инструменталис; COORD — сочинительный союз; D1 — демонстратив со степенью удаления «у говорящего»; D2 — демонстратив со степенью удаления «у слушающего»; D3 — демонстратив со степенью удаления «вдали от говорящего и слушающего»; DAT — адресат, реципиент; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQ — эквааллатив, перемещение к ориентиру на одном уровне с говорящим; EZ — изафет; F — женский род; FUT — будущее время, хабитуалис; HB — хабитив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — общий показатель отрицания; O — косвенный падеж; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; PLACE — суффикс со значением ‘место’; PROH — отрицание императива; PST — прошедшее время; PURP — целевая форма после инфинитива; PF — перфект; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUP — суперэссив.

Литература

Аплонова 2017 — Е. С. Аплонова. Субстантивное число в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 1. С. 17–51.

Бадеев 2022 — А. О. Бадеев. Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 5. С. 23–47. DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-5-23-47.

Даниэль 2007 — М. А. Даниэль. Периферийные значения категории числа // К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 286–309.

Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1963.

Карамшоев 1988–1999 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. В 3 т. М.: Восточная литература РАН, 1988–1999.

Падучева 2009 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2009.

Рахилина, Су-Хён 2009 — Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 13–40.

Эдельман, Юсуфбеков 1999 — Д. И. Эдельман, Ш. П. Юсуфбеков. Шугнанский язык // В. С. Расторгуева (отв. ред.), Д. И. Эдельман, В. В. Мошкало (ред.). Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 1999. С. 225–242.

Corbett 2000 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Cheng, Galili 2021 — J. Cheng, T. Galili. _d3heatmap: Interactive Heat Maps Using ‘htmlwidgets’ and ‘D3.js’. R package version 0.9.0 (электронный ресурс). 2021. URL: https://github.com/talgalili/d3heatmap (дата обращения 20.06.2024).

Haspelmath 2013 — M. Haspelmath. Occurrence of nominal plurality // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). WALS Online (электронный ресурс). 2013. URL: https://wals.info/chapter/34 (дата обращения 25.05.2023).

Lange 2015 — N. Lange. Nominal plurality in languages of the Greater Hindukush. Bachelor thesis. Stockholm: Stockholm University, 2015.

Libura 2019 — M. Libura. guttman: Analysis of reliability of Guttman scales. R package version 0.1.0 (электронный ресурс). 2019. URL: https://github.com/Libum/guttman (дата обращения 20.06.2024).

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital resources for the Shughni language // A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.

Parker 2023 — C. Parker. A grammar of the Shughni language. PhD thesis. Montreal: McGill University, 2023.

Perry 2005 — J. R. Perry. A Tajik Persian reference grammar. Leiden; Boston: Brill, 2005.

R Core Team 2022 — R: A language and environment for statistical computing (электронный ресурс). 2022. URL: https://www.R-project.org/ (дата обращения 20.06.2024).

Smith-Stark 1974 — T. C. Smith-Stark. The plurality split // M. W. La Galy, R. A. Fox, A. Bruck (eds.). Papers from the 10th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1974. P. 657–671.

References

Aplonova 2017 — E. S. Aplonova. Substantivnoye chislo v bashkirskom yazyke [The nominal plurality in the Bashkir language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. *Transactions of the Institute for Linguistic Studies.* 2017. Vol. 13. No. 1. P. 17–51.

Badeev 2022 — A. O. Badeyev. Variativnost v upotreblenii ukazatelnykh mestoimeniy v shugnanskom yazyke [Variability in the usage of demonstrative pronouns in Shughni]. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series.* 2022. No. 5. P. 23–47. DOI: https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-5-23-47.

Corbett 2000 — G. G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Cheng, Galili 2021 — J. Cheng, T. Galili. _d3heatmap: Interactive Heat Maps Using 'htmlwidgets' and 'D3.js'. R package version 0.9.0, 2021. Available at: https://github.com/talgalili/d3heatmap (accessed on 20.06.2024).

Daniel 2007 — M. A. Daniel. Periferiynyye znacheniya kategorii chisla [Peripheral meanings of the number category]. K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, V. D. Solovyev, S. G. Tatevosov (eds.). *Misharskiy dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike* [The Mishar dialect of Tatar. Studies in syntax and semantics]. Kazan: Magarif, 2007. P. 286–309.

Edelman, Yusufbekov 1999 — D. I. Edelman, Sh. P. Yusufbekov. Shugnanskiy yazyk [Shughni]. V. S. Rastorguyeva, D. I. Edelman, V. V. Moshkalo (eds.). *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages]. Moscow: Indrik, 1999. P. 225–242.

Haspelmath 2013 — M. Haspelmath. Occurrence of nominal plurality. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *WALS Online*. 2013. Available at: https://wals.info/chapter/34 (accessed on 25.05.2023).

Karamshoyev 1963 — D. K. Karamshoyev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1963.

Karamshoyev 1988–1999 — D. K. Karamshoyev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni-Russian dictionary]. In 3 vols. Moscow: Vostochnaya literatura, 1988–1999.

Lange 2015 — N. Lange. *Nominal plurality in languages of the Greater Hindukush*. Bachelor thesis. Stockholm: Stockholm University, 2015.

Libura 2019 — M. Libura. guttman: Analysis of reliability of Guttman scales. R package version 0.1.0. 2019. Available at: https://github.com/Libum/guttman (accessed on 20.06.2024).

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital resources for the Shughni language. A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technolo-*

gies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.

Paducheva 2009 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu: Referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeniy* [Utterance and its relatedness to reality: Referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: LKI, 2009.

Parker 2023 — C. Parker. *A grammar of the Shughni language*. PhD thesis. Montreal: McGill University, 2023.

Perry 2005 — J. R. Perry. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden; Boston: Brill, 2005.

R Core Team 2022 — R: A language and environment for statistical computing. 2022. Available at: https://www.R-project.org/ (accessed on 20.06.2024).

Rakhilina, Su Hyoun 2009 — E. V. Rakhilina, Lee Su Hyoun. Semantika leksicheskoy mnozhestvennosti v russkom yazyke [Semantics of lexical plurality in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2009. No. 4. P. 13–40.

Smith-Stark 1974 — T. C. Smith-Stark. The plurality split. M. W. La Galy, R. A. Fox, A. Bruck (eds.). *Papers from the 10th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1974. P. 657–671.

Приложение

Список лексем, отобранных для корпусного исследования

Appendix

List of lexemes selected for the corpus study

Слово	Перевод	Семантическая группа	Кол-во вхождений
bačā, *bačen*, *bačgalā*	дети	родственники	12
bob, *bobyůn*	деды	родственники	4
čor	мужья	родственники	2
doden	отцы	родственники	1
ɣin, *ɣinen*	жёны	родственники	6
mūm, *mumen*	бабушки	родственники	2
nān, *nānyůn*	матери	родственники	2

Слово	Перевод	Семантическая группа	Кол-во вхождений
puc, *pacen*	сыновья	родственники	13
rizīn, *rizīnen*	дочери	родственники	2
virod, *virodār*, *viroden*	братья	родственники	14
yaxʒinen	сёстры	родственники	4
ziryot, *ziryotinen*	дети	родственники	9
ʒuliken	дети	родственники	1
bačen, *bačgalā*, *baǰgalā*, *bačagalā*	ребята	люди	9
čorik, *čoriken*	мужчины	люди	10
ɣācen	девушки	люди	2
ǰiniken	женщины	люди	8
mardīnāyen	мужчины	люди	1
mardum, *mardumen*	люди	люди	74
nafar	люди	люди	13
odam, *odamen*	люди	люди	28
xalq	люди	люди	29
aywůn, *aywůnen*	животные	животные	6
buč, *bučen*	козы	животные	3
gučbucen	козлята	животные	1
kud, *kaden*	собаки	животные	2
naxčīr, *naxčīren*, *naxčīrxel*	горные козы	животные	11
pūrgen	мыши	животные	1
vêrʒ, *vêrʒen*	кобылы	животные	2
vorǰ, *vorǰen*	кони	животные	13
wārgbucen	ягнята	животные	2
ǰituren	верблюды	животные	4
xūgen	свиньи	животные	1
bulbulen	соловьи	птицы	3
čaǰ-maǰ	куры	птицы	1

Слово	Перевод	Семантическая группа	Кол-во вхождений
čibůd, *čibůden*	голуби	птицы	3
cicuyen	улары	птицы	1
kabūtaren	голуби	птицы	1
parindayen	птицы	птицы	3
zarīʒen	куропатки	птицы	3
kāl	головы	части тела	5
māk	шеи	части тела	2
nêʒ	носы	части тела	1
pīcen	лица	части тела	1
qīč	животы	части тела	1
cem, *cemen*	глаза	парные части тела	23
cemaken	глазки	парные части тела	1
ɣůɣen	уши	парные части тела	1
poδ, *poδen*	ноги	парные части тела	18
sīvden	плечи	парные части тела	1
zůn	колени	парные части тела	3
δust, *δusten*	руки	парные части тела	12
čāngen	когти	множественные части тела	3
δindůn, *δin-důnen*	зубы	множественные части тела	3
cemak, *cemaken*	очки	одежда	6
důmānen	подолы	одежда	1
luq, *luqen*	одежда	одежда	2
pêx, *pêxen*	башмаки	одежда	5
pūx̌ok, *pūx̌oken*, *pūx̌ok-mūx̌ok*	одежда	одежда	16
sandālen	сапоги	одежда	1
lazayen	моменты	время	1
meθ, *meθen*	дни	время	24

Слово	Перевод	Семантическая группа	Кол-во вхождений
soato	часы	время	1
sol, *solen*, *solgen*, *solo*	годы	время	23
waxt, *waxten*, *waxto*, *waqto*	времена	время	5
abri, *abriyen*	облака	другое	2
čangak, *čangaken*	скобки	другое	4
čêden	ножи	другое	1
čid, *čiden*, *čaden*	дома	другое	9
dek, *deken*	казаны	другое	2
garðā, *garðayen*	хлеба	другое	2
ǰuft, *ǰuften*	пары	другое	2
kaxtīn, *kaxtīnen*	лодки	другое	3
kitob, *kitoben*	книги	другое	2
kulčā, *kulčāyen*	кульчи	другое	4
mīðǰ, *mīðǰen*	ножи	другое	2
paskučayen	переулки	другое	1
qišloqen	кишлаки	другое	3
toθč, *toθčen*	чашки	другое	2
wixīʒ, *wixīʒen*	ключи	другое	6
xazīnā, *xazīnāyen*	кладовые	другое	4
xitêrʒen	звёзды	другое	1
zimcen	поля	другое	2

Получено/received 26.09.2024 *Принято/accepted 25.11.2025*

Новые архивные материалы к биографии С. И. Климчицкого: об одной забытой странице истории памироведения

Н. И. Киреев

Высшая нормальная школа (Париж, Франция);
niyazkireyev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9722-9669

В. А. Плунгян

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
plungian@iling-ran.ru; ORCID: 0000-0002-2393-1399

Аннотация. Предпринимается попытка реконструкции биографии Сергея Ивановича Климчицкого (1900 — после 1947), одного из первых профессиональных лингвистов, занимавшихся полевой работой с языками Памира. Прежде не было опубликовано ни одного исследования, посвященного специально С. И. Климчицкому, а сведения о его жизни, приводившиеся в памироведческих работах и в мемуарной литературе, отрывочны и часто неточны. В статье вводятся в оборот многочисленные архивные документы, позволяющие восстановить основные вехи биографии Климчицкого.

Ключевые слова: история лингвистики, обучение грамотности, полевая лингвистика, Бадахшан, Памир, ваханский язык, таджикский язык, шугнанский язык, ягнобский язык, иранские языки.

Благодарности. Благодарим за содействие в архивных, библиографических и генеалогических разысканиях Керстин Берке, Е. В. Будаеву, П. А. Дружинина, Мартина Кривета, С. Г. Медведева, И. Ф. Попову, Бьянку Ринер, Е. Д. Сорокину, Лероя Хезе, Т. В. Хромцову, Лариссу Хубер и Николь Якоби, за замечания и комментарии к первоначальному варианту статьи — А. П. Выдрина, П. Б. Лурье и Д. Н. Чекмасова. Особая благодарность — внуку С. И. Климчицкого Андрею Юрьевичу Балашову, поделившемуся с нами фотографиями и документами из семейного архива. Исследование В. А. Плунгяна выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0006.

Для цитирования: Киреев Н. И., Плунгян В. А. Новые архивные материалы к биографии С. И. Климчицкого: об одной забытой странице истории памироведения // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 147–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.6

© Н. И. Киреев, В. А. Плунгян, 2026

New archival sources on the life of Sergey Klimchitsky: A forgotten chapter in the history of Pamir linguistics

Niyaz I. Kireyev

École normale supérieure — PSL (Paris, France);
niyazkireyev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9722-9669

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
plungian@iling-ran.ru; ORCID: 0000-0002-2393-1399

Abstract. This article reconstructs the biography and career of Sergey Ivanovich Klimchitsky (1900 — after 1947), one of the earliest professional linguists to conduct systematic fieldwork in the Pamirs. Although his publications on Wakhi and Yaghnobi, as well as on Tajik dialectology have long been known to specialists, no dedicated biographical study of the scholar has previously been undertaken, while the limited information available in reference works and memoir literature has remained fragmentary and often inaccurate. Drawing on a broad range of previously unpublished archival materials from Russian, German, Austrian, and Lithuanian repositories, including personal files, institutional records, correspondence, and documents from family archives, the article reconstructs the principal stages of Klimchitsky's life and intellectual activity.

Particular attention is devoted to his formative years in Petrograd, his education at the Institute of Living Oriental Languages, and his work in Tajikistan during the 1920s and 1930s. The study demonstrates that Klimchitsky played a significant role not only in the early documentation of the Pamir languages, but also in broader Soviet language-planning and literacy campaigns. His publications are shown to be of a remarkably high theoretical level for their time.

In addition, the paper clarifies a number of long-standing misconceptions concerning Klimchitsky's social background, arrest, wartime fate, and disappearance. Newly identified archival evidence makes it possible to trace his trajectory from besieged Leningrad to the North Caucasus and subsequently to Germany and Austria during and after the Second World War. More broadly, the article seeks to restore Klimchitsky to his rightful place in the history of Pamir linguistics and

Soviet Iranian studies, highlighting his contribution as an innovative and insufficiently recognized field linguist of the interwar period. Appendix contains a full list of his identified publications.

Keywords: history of linguistics, literacy education, field linguistics, Badakhshan, Pamir, Shughni, Tajik, Wakhi, Yaghnobi, Iranian.

Acknowledgements. We would like to thank Kerstin Berke, E. V. Budaeva, Petr A. Druzhinin, Martin Kriwet, Sergei G. Medvedev, Irina F. Popova, Bianca Riener, Elizaveta D. Sorokina, Leroy Haese, Tatiana V. Khromtsova, Larissa Huber and Nicole Jakobi for their cooperation; and for their comments and feedback on the initial draft of the article — Arseniy P. Vydrin, Pavel B. Lurje and Dmitry N. Chekmasov. Special thanks to Sergey I. Klimchitsky's grandson, Andrey Yuryevich Balashov, for sharing photographs and documents from the family archive with us. Vladimir Plungian acknowledges support from project FMNE-2025-0006.

For citation: Kireyev N. I., Plungian V. A. New archival sources on the life of Sergey Klimchitsky: A forgotten chapter in the history of Pamir linguistics. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 147–197.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.6

1. Введение

Как известно, материал памирских языков[1] оказался в распоряжении европейских исследователей относительно поздно — по существу, только в конце XIX в., когда обширная и труднодоступная территория памиро-гиндукушского региона оказалась предметом ко-

[1] Термин «памирские языки» является достаточно условным обозначением группы языков, обладающих заметным ареальным сходством, но в отношении генеалогической классификации не обнаруживающих единства внутри (восточно)иранской ветви. В составе памирского ареала принято выделять обширный шугнано-рушанский диалектный континуум и примыкающий к нему в генеалогическом отношении (как показано уже в [Соколова 1967]) язгулямский язык; высоковероятно также генеалогическое родство между шугнано-язгулямским и йидга-мунджанским [Соколова 1973]. Однако специальное генеалогическое родство расположенных в южной части памирского ареала ваханского и ишкашимско-сангличского как друг с другом, так и с другими представителями восточноиранской ветви (как, впрочем, и само существование такого таксона) в настоящее время является предметом дискуссий (ср. в особенности [Wendtlandt 2009; Korn 2019]). Подробнее об ареальных характеристиках памирских языков см. также [Payne 1989; Додыхудоева 2005; Edelman, Dodykhudoeva 2009]; о ранней истории их изучения — [Соколова, Грюнберг 1962; Эдельман 1964].

Сергей Иванович Климчицкий (1900 — после 1947)

лониальной экспансии и геополитических интересов европейских держав, прежде всего — Российской и Британской империй: первая продвигалась с севера на юг, из Бухарского эмирата и Семиречья, вторая — с юга на север, из Читрала и Кашмира (подробнее об истории этого периода см., например, [Постников 2005]). Самые первые лингвистические сведения, как это обычно бывает, доставляли путешественники, дипломаты, армейские офицеры и другие люди, для которых описание языков не было ни предметом профессиональных занятий, ни главной целью пребывания в регионе[2]; некоторые их материалы обрабатывались современными им академическими исследователями[3], и полученную таким образом весьма фрагментарную картину в дальнейшем уже начинали дополнять (и местами конструировать заново) профессиональные полевые лингвисты, фактические основатели современного научного памироведения.

Среди этого первого поколения полевых лингвистов, систематически работавших на Памире и заложивших основы современных знаний о памирских языках, выделяются две ведущие фигуры: российский исследователь Иван Иванович Зарубин (1887–1964) и норвежский исследователь Георг Моргенстьерне (1892–1978). Об их жизни

[2] Важную роль на этом этапе сыграл дипломат Р. Шоу, опубликовавший в 1876–1877 гг. материалы по ваханскому, сарыкольскому и шугнанскому языкам, до этого времени в Европе совершенно не известным.

[3] К их числу принадлежали, например, австрийский востоковед Вильгельм Томашек и российский востоковед Карл Германович Залеман, оставившие целый ряд научных работ (главным образом сравнительно-исторического характера), в основе которых лежали обработанные ими материалы первых исследователей Памира.

и деятельности написано много, что вполне соответствует их огромному вкладу в разные сферы памироведения. Однако этими двумя исследователями, безусловно, не исчерпывается список первого поколения ученых-памироведов. Рядом с ними работали и другие коллеги. Так, первая поездка И. И. Зарубина на Памир летом 1914 г. стала возможной благодаря его участию в экспедиции под руководством Робера Готьо (1876–1916), французского ираниста, известного главным образом благодаря его исследованиям согдийских памятников (экспедицию пришлось прервать из-за начавшейся Первой мировой войны, унесшей жизнь Р. Готьо в 1916 г.). С первого десятилетия XX в. начинается многолетняя деятельность Михаила Степановича Андреева (1873–1948), уроженца Ташкента, этнографа и востоковеда широкого профиля, собирателя разнообразных материалов, касающихся народов Индии и Средней Азии (часть их была издана уже после смерти М. С. Андреева).

Все перечисленные выше имена хорошо известны. Между тем в настоящих заметках мы хотели бы обратить внимание на исследователя, чей вклад в изучение памирских языков отражен в существующей литературе гораздо меньше и большинство фактов биографии которого (включая даже даты жизни![4]) до сих пор не были надежно установлены; изредка приводившиеся в научных публикациях сведения о нем неполны, а зачастую и вовсе неверны. Речь идет о Сергее Ивановиче Климчицком, работавшем в 1930-е гг. в Таджикистане, а позднее — в ленинградском Институте востоковедения АН СССР. С 1930 по 1940 гг., в наиболее продуктивный для его научных занятий период, им было опубликовано около десятка работ по таджикскому языку и его диалектам (в том числе по практически не изученным тогда диалектам Дарваза), а также по ваханскому, язгулямскому и ягнобскому языкам; эти работы заметно выделяются на общем фоне и в ряде отношений и сегодня являются значимыми.

[4] Так, неверные годы жизни С. И. Климчицкого указаны в публикациях [ЛЭС 1990: 670; Медведев и др. 2013: 185–186; Каландаров 2020: 78], а также на сайте Института восточных рукописей РАН (https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=1354). В [ЛЭС 1990] он упоминается единственный раз в обзорной статье В. С. Расторгуевой «Иранистика» — и лишь как один из первых исследователей ягнобского языка [Там же: 200]; о его вкладе в изучение ваханского и таджикского языков ничего не говорится.

Примечательно, что Д. И. Эдельман в раннем обзоре памироведческих исследований называет только три имени российских ученых, которым принадлежит «заслуга первых обширных записей» памирских языков: это М. С. Андреев, И. И. Зарубин и С. И. Климчицкий [Эдельман 1964: 130–131]. О Климчицком она, в частности, сообщает, что он в 1930-е гг. собирал «материал по язгулямскому, ваханскому и шугнанскому ⟨...⟩ (материалы С. И. Климчицкого, к сожалению, были утеряны во время Отечественной войны)» [Там же: 130]; и далее добавляет, что «[и]з работ 30-х годов следует отметить работу С. И. Климчицкого по ваханскому языку ⟨...⟩; его замечания по фонетике и фонологии, а также сведения по морфологии, составленные в виде дополнений к Grundriss[5], отличаются высоким теоретическим уровнем» [Там же: 131].

С оценкой Д. И. Эдельман нельзя не согласиться: ваханские тексты записаны Климчицким с большой точностью, в рассуждениях об особенностях ваханской звуковой системы он использует понятия теоретической фонологии (что для середины 1930-х гг. является редкостью), а его дополнения и комментарии к очерку В. Гейгера проницательно указывают на многие неточности и лакуны последнего (ср. также положительную рецензию на это исследование В. Ф. Минорского [Minorsky 1937]). Вместе с тем, непростые обстоятельства жизни и деятельности этого талантливого и самобытного исследователя до сих пор во многом не известны, и его имя практически не упоминается в обзорных работах по истории памироведения. Ниже мы по мере возможности постараемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Для иллюстрации того, насколько самые основные факты биографии С. И. Климчицкого оказались забыты уже примерно через два поколения, поучительно привести несколько цитат из некролога [Медведев и др. 2013], написанного по случаю кончины старшего сына Климчицкого, Юрия Сергеевича Балашова, ставшего извест-

[5] Т. е. «Grundriss der iranischen Philologie» в двух томах: здесь имеется в виду очерк немецкого индолога и ираниста Вильгельма Гейгера о «памирских диалектах» [Geiger 1901], в основном опирающийся на материалы В. Томашека и К. Г. Залемана и помещенный в указанном двухтомнике; это издание (выходившее в 1895–1904 гг.) долгое время считалось наиболее авторитетным компендиумом по языкам, литературе и религии иранских народов.

ным зоологом (о нем см. подробнее ниже, разделы 5 и 6). К моменту написания некролога давно уже не было в живых матери Юрия Сергеевича (и вдовы Климчицкого); сам же Юрий Сергеевич последний раз видел отца в детстве, в девятилетнем возрасте. Авторы некролога, по-видимому, опирались на какие-то устные рассказы о семейном прошлом, но практически все сведения об отце Балашова, сообщаемые в некрологе, оказываются неточны. Так, о нем говорится, что он «работал в Институте востоковедения Академии наук СССР, посвятив свою жизнь изучению истории Персии» [Там же: 185], но «историей Персии» С. И. Климчицкий не занимался не только не «всю жизнь», но, кажется, и вообще никогда — он был специалистом по иранским языкам Таджикистана (где и работал до конца 1930-х гг.; в ленинградский Институт востоковедения он устроился лишь незадолго до войны и проработал там немногим более двух лет). Утверждается также, что «[в] 1930-е годы Климчицкий как “потомок представителя враждебного класса” неоднократно подвергался арестам» [Там же: 185]. С. И. Климчицкий действительно был сыном дворянина, но его отец (о нем подробнее будет сказано ниже в разделе 2) умер еще до революции 1917 г., а сам Климчицкий окончил советский вуз, служил в Красной Армии и впоследствии, как многие молодые интеллигенты, активно участвовал в советском национальном строительстве в Таджикистане. У него действительно были основания опасаться за свою судьбу — не только из-за своего происхождения, но и из-за участия в проекте таджикско-русского словаря, подвергавшегося начиная с 1933 г. жесткой критике по партийной линии, а также знакомства с рядом исследователей и общественных деятелей Центральной Азии, которые позже были репрессированы. В 1938–1939 гг. Климчицкий почти год находился под (однократным!) арестом, но, судя по доступным архивным материалам, в 1939 г. был освобожден в связи с прекращением дела. Возможно, этот эпизод послужил одной из причин его переезда в Ленинград в конце 1939 г., где он, впрочем, сразу же был принят на работу в Институт востоковедения АН СССР. Наконец, обстоятельства смерти С. И. Климчицкого описываются так: «пропал без вести в Краснодарском крае во время археологической экспедиции летом 1941 г.» [Там же: 186], что никак не может быть достоверным: во-первых, С. И. Климчицкий не был археологом и, насколько мы можем судить, не участвовал

в археологических экспедициях, во-вторых, летом (!) 1941 г. экспедиции из Ленинграда вряд ли вообще были мыслимы: войска вермахта к началу июля 1941 г. заняли Псков и приближались к Луге и Новгороду. В действительности С. И. Климчицкий весь 1941 г. и зиму 1942 г. находился в осажденном Ленинграде, а позже, оказавшись под нацистской оккупацией на Северном Кавказе, как нам удалось установить, был перемещен — принудительно или, что немного вероятнее, добровольно — на территорию Германии, и жил в Германии и Австрии по крайней мере до 1947 г.

К счастью, документы, отражающие основные биографические сведения о С. И. Климчицком, сохранились в архивах: нам удалось ознакомиться как с его студенческим личным делом, отражающим период учебы в Петроградском (затем Ленинградском) институте живых восточных языков (см. [ЛИЖВЯ]), так и с личным делом из архива Института востоковедения АН СССР (см. [РАН]), бывшего последним местом работы С. И. Климчицкого в СССР; большое значение имеют изученные нами документы из Федерального архива Германии и земельного архива Берлина. С опорой на эти и другие источники — как печатные (в частности, важные детали содержит посмертно опубликованный в 1998 г. «Блокадный дневник» ираниста А. Н. Болдырева, в разные годы работавшего вместе с С. И. Климчицким и его женой [Болдырев 1998]), так и в первую очередь архивные, — основные этапы биографии С. И. Климчицкого (и прежде всего его профессиональную деятельность до 1941 г.) можно реконструировать с достаточно большой степенью подробности. В дальнейших разделах полученные сведения будут обобщены и изложены в хронологическом порядке. В разделе 2 читатель найдет сведения о семье Климчицких, в разделе 3 — сведения о ранних годах С. И. Климчицкого и учебе в институте в 1922–1925 гг. В разделах 4 и 5 суммируются сведения о его профессиональной деятельности с 1925 по 1941 гг. (сначала в Таджикистане, а с 1939 г. в Ленинграде). В заключительном разделе 6 мы пытаемся с возможной полнотой реконструировать обстоятельства пребывания Климчицкого на Северном Кавказе, где он оказался в 1942 г. после эвакуации из осажденного Ленинграда, и его перемещение в Германию и работу там. В приложении приводится список всех выявленных на сегодняшний день научных трудов С. И. Климчицкого.

2. Семья

Сергей Иванович Климчицкий родился в Санкт-Петербурге 12 февраля[6] 1900 г. в семье Ивана Ивановича и Эмилии Августовны Климчицких, крещен 27 февраля в Николо-Богоявленском морском соборе Санкт-Петербурга[7]. Хотя некоторые родственники Климчицкого служили на флоте, выбор этой церкви, по-видимому, объясняется чисто топографическими причинами: известно (из немного более поздних источников[8]), что Климчицкие жили в доме 111 по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова в Адмиралтейском районе), примерно в двадцати минутах ходьбы от морского собора.

Отец — потомственный дворянин Иван Иванович Климчицкий (ок. 1846 — 1914[9]), железнодорожный инженер, затем высокопоставленный чиновник. Начал службу после окончания петербургского Института инженеров путей сообщения в мае 1872 г. [Список 1910: 99]; см. также [Волков 2016: 308]. С 1904 г. действительный статский советник. Последняя должность, которую он занимал перед уходом в отставку — управляющий Хозяйственным отделом Управления по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения (1905–1911)[10]. Иван Иванович Климчицкий был уволен «согласно

---

[6] В дальнейшем изложении все даты до 1918 г. приводятся в соответствии с юлианским календарем.

[7] Восприемниками были дядя со стороны отца и тетя со стороны матери (ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 127. Д. 989. Л. 28об — 29). В большинстве публикаций, упоминающих Климчицкого, годом его рождения ошибочно называется 1899 г. (одно из немногих исключений — [ЛЭС 1990]).

[8] Например, из адресной книги «Весь Петербург» [1905: 297].

[9] Год рождения отца восстановлен по возрасту на момент венчания (см. сн. 25) и другим документам ([ВУПД, л. 191об.]; LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.), год смерти — из анкет сына [РАН, л. 1, 9, 11; ТБАН, л. 1]; впрочем, в другом документе указан 1913 г. [ÖStA].

[10] Сведения о его карьерном движении можно получить из «Адрес-календаря. Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» на годы: 1893 (стлб. 711), 1894 (стлб. 721), 1895 (стлб. 759), 1896 (стлб. 783), 1897 (стлб. 440), 1898 (стлб. 458), 1899 (стлб. 465), 1900 (стлб. 458), 1901 (стлб. 485), 1902 (стлб. 496), 1903 (стлб. 501), 1904 (стлб. 488), 1905 (стлб. 516), 1906 (стлб. 548), 1907 (стлб. 556), 1908 (стлб. 584), 1909 (стлб. 623), 1910 (стлб. 667), 1911 (стлб. 699). Кроме того, после 1904 г. све-

прошению, по болезни»[11] с 5 января 1912 г. Его старший брат Александр Иванович также служил по ведомству путей сообщения.

Климчицкие герба Кляйнфельд[12] [Uruski 1909: 387; Ciechanowicz 2001: 298] принадлежали к дворянству Ковенской губернии[13]. Бабушке Сергея Ивановича Марии Ивановне Климчицкой принадлежало имение Добуже в Коварской волости Вилькомирского уезда этой губернии (ныне сянюнайтия Dabužių в Аникщяйском районном самоуправлении на северо-востоке Литвы) и более 150 гектаров земли вокруг [Список 1889: 222, № 2999]. Впрочем, собственницей имения Мария Ивановна, урожденная Байкова[14], стала лишь после смерти своего мужа, Ивана Венедиктовича Климчицкого (1821 — январь 1880 [Янонис 2020: 132])[15]. Мария Ивановна умерла 10 сентября 1915 г. на 92-м году жизни[16].

Имение Добуже до XVIII в. принадлежало известному литовскому роду Добужинских. Один из его представителей, знаменитый художник М. В. Добужинский, во время своего пребывания в Литве уже после

дения о нем, естественно, включались в ежегодные «Списки чинам четвертого класса».

[11] Сенатские ведомости. 1912. № 28 [пятница 6 апреля]. С. 185.

[12] В Российской империи принадлежность к потомственному дворянству подтверждалась внесением рода в губернскую родословную книгу и утвержденным гербом.

[13] Фамилия *Klimczycki* и сегодня достаточно широко распространена в Польше; в восточной Польше имеется по крайней мере один населенный пункт под названием *Klimczyce*. В отдельных документах времен Гражданской войны город Коварск ошибочно указан как место рождения Климчицкого [ЛИЖВЯ, л. 2]. Вероятно, эта ошибка вызвана тем, что он провел часть детства в Коварске или Добуже.

[14] См. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.

[15] Когда в 1824 г. имение перешло во владение его отца, Венедикта Ивановича Климчицкого (род. ок. 1785 г. [ВУПД, л. 191об.], ум. в конце 1860-х или в начале 1870-х гг.), в нем было 11 дворов (см. Виленские губернские ведомости. 1846. № 45, суббота 9 ноября. Часть неофициальная. С. 348–351. Перепечатано в: Русский инвалид. 1846. № 276 (среда 11 декабря). С. 1103–1104.). В результате проведенных им преобразований, к 1860 г. в Добуже уже было 40 дворов и 107 душ крепостных мужского пола [Сведения 1860: 10, № 28]. Отметим, что в работе [Янонис 2020: 132] мать И. В. Климчицкого, Елизавета Лобко [ВУПД, л. 191об.], по ошибке указана как его жена.

[16] Метрическая запись о ее смерти: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3110. Л. 422об — 423. В действительности она могла быть еще на несколько лет старше, ср. [ВУПД, л. 191об.].

революции познакомился с двумя тетями С. И. Климчицкого, Марией Ивановной Страховой и Еленой Ивановной Климчицкой, которые родились в этом имении и жили там еще с дореволюционных времен [Добужинский 1987: 315; 2001: 230, 268, 428, 438; Railaitė-Bardė 2018: 22].

Мария Ивановна Страхова (1858–1931) была учительницей, в 1879 г. окончила петербургский Женский педагогический институт[17]. Она занималась, в частности, с будущими революционерками А. М. Коллонтай и Е. Д. Стасовой, которые в своих воспоминаниях и дневниках очень сочувственно о ней отзываются и признают, что испытали влияние свободомыслия Страховой: «моя учительница, не просто педагог, а именно “учитель жизни”» [Коллонтай 2001: 416] (ср. [Коллонтай 1974: 43]). С 1890 г. Страхова руководила Подвижным музеем учебных пособий при публичной библиотеке известного просветителя Н. А. Рубакина. С этим музеем сотрудничала, помимо Коллонтай и Стасовой, например, В. Н. Фигнер и Н. К. Крупская; сотрудники музея участвовали в распространении нелегальной политической литературы [Стасова 1969: 27–28; Рубакин 1979: 81–83]. После окончания Первой мировой войны Страхова вернулась в Добуже; там она построила школу, пожертвовала деньги на постройку церкви и выделила землю на организацию кладбища. В 1929 г. ей принадлежало почти 265 гектаров земли. Она завещала имение своей младшей сестре Елене [ABŽ 2022][18].

---

[17] ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 1132. Ее муж Михаил Александрович Страхов (1852? — 31.12.1918, Петроград) также был учителем, см. запись о браке: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 378. Л. 21об — 22; и о смерти: ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 1364. Л. 124—124об.

[18] К тому моменту Е. И. Климчицкая уже была в слишком преклонном возрасте, чтобы управлять имением, поэтому она продала его своему троюродному брату Витольду Константиновичу Климчицкому (1879–1943?), внуку Казимира Ивановича Климчицкого (см. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 403. Л. 107об.). Витольдас Климчицкас (как он предпочитал указывать свое имя) владел имением вплоть до его национализации советскими властями (он сам был арестован в июне 1941 г. и отправлен, как и многие арестованные НКВД в Литве, в седьмой лагерный пункт Краслага в Решотах Нижнеингашского района Красноярского края [Мартиролог]). Его сестра Ядвига Климчицкайте (род. 15 ноября 1874 г., см. KRVA. Ф. 66. Оп. 13. Д. 5989; ум. 1975) и дочь Галина Климчицкайте-Шаевичене (1932 — до 2010) жили в Аникщяе [Kontrimavičius 2011: 16–18]. Польские краеведы опубликовали короткие воспоминания Луциана Сороки, знавшего в юности М. И. Страхову и В. К. Климчицкого [Surwiło 1995: 5].

Елена Ивановна Климчицкая (ок. 1862 — после 1931) также была учительницей, с 1898 г. она преподавала на женском отделении петербургского Приюта принца П. Г. Ольденбургского[19]. Она участвовала в нелегальном распространении в Санкт-Петербурге Выборгского воззвания [Классон 2017: 20] (обращения, написанного 9 июля 1906 г. против роспуска первой Думы). Кроме того, следует отметить, что старший брат Марии Ивановны и Елены Ивановны (и дядя Сергея Ивановича Климчицкого), железнодорожник Александр Иванович Климчицкий, в юности участвовал в студенческих волнениях в Санкт-Петербургском университете в 1861 г., за что в марте 1862 г. был выслан на родину в Ковенскую губернию[20].

Мать Сергея Ивановича Климчицкого — Эмилия Августовна, урожденная Тишнер (24 августа 1862 — 24 октября 1902?), петербургская немка-лютеранка, дочь врача Августа Христиана (Августа Ивановича) Тишнера (15 апреля 1819, Санкт-Петербург — после 1889) и его жены Эмилии Лукьяновны (1826? — 2 мая 1905). Август Христиан — сын известного производителя фортепиано Иоганна Августа Тишнера (1774–1852), уроженца Саксонии, — учился в гимназии в Ревеле, затем в 1840–1844 гг. в Дерптском университете[21] [Album 1889: 296, № 50; Album 1910: 99, № 344]. Служил лекарем в Петербурге (в частности, при императорских театрах[22]), на Камчатке[23] и в Саратовской

[19] Сенатские ведомости. 1911. № 86 (пятница 28 октября). С. 701. Судя по ежегоднику «Весь Петербург» [1898–1917], она работала там вплоть до 1917 г.

[20] См. KRVA. Ф. I-50. Оп. 1. Д. 15466. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2010; [Шилов, Карнаухова 1928: 169–170; РПЛБ 1964: 390–391]. Имя Климчицкого фигурирует в списке арестованных в ходе волнений петербургских студентов, напечатанном в «Колоколе» [1861: 956] А. И. Герцена. Впоследствии Александр Иванович Климчицкий вернулся к учебе и успешно ее завершил (см. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 11. Д. 406). Любопытно отметить, что его жена Елизавета Васильевна, урожденная Дихеус (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1159. Л. 954об.) или Тихеус (LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 927. Л. 269об.), в период службы мужа в Воронеже состояла в местном попечительном обществе о тюрьмах [ПК 1902: 62].

[21] См. дело в Национальном архиве Эстонии (Rahvusarhiiv, филиал в Тарту): EAA.402.2.25344.

[22] Сенатские ведомости. 1855. № 14. 20 января 1855. Высочайшие приказы по Гражданскому ведомству. [С. 4.]

[23] Сенатские ведомости. 1848. № 2. 6 января 1848. Распоряжения правительственные. С. 7.

губернии; его имя встречается в Российских медицинских списках с 1848 г. (с. 379) по 1889 г. (с. 461)[24].

Иван Иванович Климчицкий и Эмилия Августовна Тишнер обвенчались в январе 1883 г. в православной церкви апостолов Петра и Павла при Императорском коммерческом училище[25] и в лютеранской церкви св. Анны[26]. По всей видимости, Эмилия Августовна скончалась при родах младшей дочери, Татьяны: согласно записи в метрической книге, Татьяна родилась 10 ноября 1902 г.[27], но надпись на надгробии Эмилии Августовны гласит, что та умерла 24 октября того же года [ПН II: 392] (очевидно, один из двух источников не вполне точен)[28].

У Сергея Ивановича и Татьяны Ивановны Климчицких было еще по меньшей мере три старших брата:

- Инженер Георгий Иванович Климчицкий (30 октября 1885, Москва[29] — 1942, Саратов), также выпускник Института инженеров путей сообщения, после революции работал в вузах Саратова, профессор.
- Владимир Иванович Климчицкий (25 октября 1887, Москва[30] — до 1936?). 11 октября 1917 г. обвенчался в Петрограде с Татьяной Георгиевной Мироновой[31].

---

[24] Сестра Э. А. Тишнер, София Августовна, в 1872 г. вышла замуж за инженера М. Домбровского (см. St. Peterburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1872. № 43 (за 22 октября). S. 344); их дочь — астроном Софья Михайловна Домбровская, в замужестве Варзар (1878–1957), внучка — Нина Васильевна Варзар (1909–1954), первая жена Д. Д. Шостаковича и мать М. Д. Шостаковича.

[25] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 425. Л. 867об, 868, 868об. Метрическая запись.

[26] St. Peterburgisches evangelisches Sonntagsblatt. 1883. № 1 (за 2 января). S. 8. При браках православных подданных с инославными юридическую силу в Российской империи имело только венчание в православной церкви [СЗРИ: т. 10, № 67], но двойное венчание не было редкостью. Отметим, что С. И. Климчицкий в графе «народность» в советских анкетах писал «русский» [РАН, л. 1; ТБАН, л. 1].

[27] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1274. Л. 253об — 254. Метрическая запись.

[28] Неожиданным образом, Эмилия Августовна похоронена на «статусном» Никольском кладбище Александро-Невской лавры (вместе с матерью), что может быть понятно, только если перед смертью она приняла православие, в то время как запись о рождении Т. И. Климчицкой вполне однозначно указывает, что ее мать сохраняет лютеранское вероисповедание.

[29] ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 768. Д. 137. Л. 610об — 611. Метрическая запись.

[30] ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 776. Д. 204. Л. 321об. — 322. Метрическая запись.

[31] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3563. Л. 236об — 237. Метрическая запись.

- Павел Иванович Климчицкий (1895? — до 1936?). 18 января 1917 г. обвенчался в Петрограде с Татьяной Васильевной Котельниковой, дочерью тайного советника[32] Василия Григорьевича Котельникова (1851 — после 1917), высокопоставленного чиновника Министерства финансов [Волков 2016: 334].

Таким образом, из четырех братьев и сестер С. И. Климчицкого более или менее полные сведения имеются лишь о его самом старшем брате, известном в Саратове инженере, карьера которого, как кажется, сложилась относительно благополучно в советское время. Судьба двух других старших братьев остается неясной. Отметим, что «неоднократным арестам» в советское время подвергался двоюродный брат Сергея Ивановича Иван Александрович Климчицкий[33]. Другой его двоюродный брат, морской офицер Константин Александрович Климчицкий, присоединился к белому движению и эмигрировал в конце Гражданской войны [Волков 2025: К, 429][34]. Двоюродный брат Климчицкого со стороны матери, Борис Августович Тишнер (1886–1934, тоже офицер), после революции осел в Эстонии и возглавлял нарвское отделение антибольшевистской организации «Братство русской правды», см. [РЭ] с библиографией.

3. Ранние годы. Учеба

Таким образом, Сергей Иванович Климчицкий лишился матери в возрасте двух лет, отца — в возрасте четырнадцати, в течение первых пятнадцати лет его жизни скончались обе его бабушки и как минимум двое из братьев отца (Александр и Лев); деда по отцовской линии он и вовсе не застал. В этом контексте неудивительно, что местом его обучения стала гимназия Императорского человеколюбивого общества — крупнейшей благотворительной организации в стране. На несколько классов младше в этой гимназии, находившейся на Крюковом канале в Санкт-Петербурге, учился Д. С. Лихачёв (правда, в его позднейших воспоминаниях гимназические впечатления выглядят скорее безрадостными, ср. [Лихачёв 1995: 89]).

---

[32] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 355. Л. 177об — 178. Метрическая запись.
[33] https://base.memo.ru/person/show/902181 (дата обращения: 04.12.2021).
[34] О его судьбе см. также [Пилкин 2005: 102, 410, 545].

В 1918 г. С. И. Климчицкий окончил гимназию [ЛИЖВЯ, л. 3] с золотой медалью [РАН, л. 14; ТБАН, л. 3][35]. С мая 1919 по июль 1923 г. служил в Красной армии, занимался «политпросветработой» в Петрограде[36]. В 1922 г. окончил двухгодичный курс Высшей военно-педагогической школы по естественно-географическому факультету [РАН, л. 9, 11][37]. Как кажется, служба в Красной армии дала возможность выходцу из дворянской семьи избежать прямых преследований в связи с предосудительным социальным происхождением (по крайней мере в течение последующих 15 лет) и успешно реализовать себя в востоковедческих исследованиях. Трудно сказать, чем был обусловлен выбор этой области, юношескими ли интересами (разносторонняя одаренность Климчицкого несомненна) или простым стечением обстоятельств, но так или иначе, осенью 1922 г. Климчицкий поступил в созданный незадолго до этого Петроградский институт живых восточных языков на индийский разряд, где проучился три года, параллельно два года слушая курс персидского разряда [РАН, л. 1, 3]. Руководителем персидского разряда был выдающийся иранист Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968), наиболее известный своими исследованиями согдийских памятников (согдийско-ягнобская тематика будет одной из центральных и в исследованиях Климчицкого). Там преподавали также филологи Е. Э. Бертельс и А. А. Ромаскевич, исследователь Центральной Азии (особенно Памира) Г. Е. Грумм-Гржимайло. Руководителем индий-

[35] В советских анкетах, которые Климчицкому приходилось заполнять в 1930-е гг., обыкновенно различалось две степени знания языков — «читает и может объясняться» и «владеет свободно». В первой категории он всегда указывал — кроме персидского, выученного в институте, — немецкий, французский и английский; во второй — таджикский и иногда шугнанский [РАН, л. 1об, 10; ТБАН, л. 2]. Не исключено, что на немецком языке с ним говорила бабушка (Э. Л. Тишнер); французский он мог выучить в гимназии, а английский — в институте.

[36] ЦГА СПб. Ф. 6690. Оп. 1. Д. 2716. Л. 2.

[37] Одновременно с Климчицким это же отделение военно-педагогической школы окончил С. В. Калесник (1901–1977), впоследствии крупный исследователь ледников и озер, академик АН СССР и вице-президент Международного географического союза. В 1932–1935 гг. он участвовал в горных экспедициях в Центральной Азии [БРЭ 2008], в частности на Памире, см. [Калесник, Щербаков 1935; Калесник 1936].

ского разряда был А. П. Баранников, среди преподавателей были С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, М. И. Тубянский [Кононов, Иориш 1977: 24–25, 29–30]. Среди преподавателей общеобязательных дисциплин были В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский [Там же: 36, 48–49]. Среди студентов того же года набора, что и Климчицкий, была учившаяся на турецком отделении Н. А. Цветинович [Там же: 33; Стеблин-Каменский 1998: 8], мать А. Л. Грюнберга, который внесет выдающийся вклад в исследования языков Памира и Гиндукуша через несколько десятилетий.

Судя по лаконичным архивным свидетельствам, выбор Климчицкого оказался удачным: востоковедческие исследования (правда, скорее в области иранистики, чем индологии) увлекли его, а уровень преподавания был одним из лучших для того времени. Вскоре в его судьбе происходит неожиданный поворот. 30 апреля 1925 г. Климчицкий был отправлен в учебную командировку в Таджикистан на полгода [ЛИЖВЯ, л. 4, 6]. Помимо него, в тот год из числа студентов института восточных языков еще девять человек были отправлены в Туркестан [Кононов, Иориш 1977: 50]. Однако по истечении полугода Климчицкий не вернулся в Ленинград для завершения своей учебы (образование в институте было четырехлетним), а остался в Таджикистане. Тем не менее, по-видимому, это бюрократическое противоречие было как-то улажено и его образование формально считалось завершенным [ТБАН, л. 3, 6]; с другой стороны, в его трудовой книжке, заполненной 16 мая 1940 г., его образование всё же указано как неоконченное высшее [РАН]. На решение Климчицкого остаться в Таджикистане могло повлиять то, что вдалеке от Ленинграда перед ним открывались более благоприятные перспективы: в ситуации острой нехватки квалифицированных кадров специалист его уровня оказывался как нельзя более востребованным, а полученных им к тому моменту знаний было вполне достаточно. В ранние советские годы документам об образовании часто не придавали значения, важнее были деловые качества и компетенция. В последующие восемь лет Климчицкий с большой энергией занимается в основном практическими вопросами, связанными с разработкой таджикской письменности и обучением грамоте. Его карьера в Таджикистане начинается успешно.

4. Работа в Таджикистане

С 1925 по 1933 г. С. И. Климчицкий работал в структуре Наркомпроса Таджикской (А)ССР, занимая достаточно высокие должности и активно участвуя в национально-языковом строительстве и общественной жизни тех лет [РАН, л. 9об, 11об; ТБАН, л. 1об]:

- заведующий областным отделом народного образования (1925–1927);
- ученый секретарь Государственного ученого совета Наркомпроса (высшего органа образовательной и научной политики в республике; 1927/1928–1929);
- старший научный сотрудник Комитета таджиковедения при Наркомпросе (1930–1931);
- старший научный сотрудник (1931) и впоследствии заведующий сектором языка и ученый секретарь (1932–1933) Таджикского комплексного научно-исследовательского института.

В 1929–1930 гг. он также был председателем секции научных работников ТаджССР в профсоюзе работников просвещения [ТБАН, л. 2].

Параллельно Климчицкий преподавал курс общего языкознания и таджикской грамматики в открытой в 1931/1932 учебном году Таджикской педагогической академии [РАН, л. 13, 14], причем вёл занятия на таджикском языке [РАН, л. 3], а в 1932 или 1933 г. даже заведовал кафедрой языка и литературы «по совместительству» [ТБАН, л. 1об, 3].

Одновременно в 1925–1927 гг. [РАН, л. 10, 12] или 1926–1927 гг. [ТБАН, л. 2] он был членом президиума Исполкома Гармского вилоята (в его состав входили и некоторые территории, ныне входящие в Горно-Бадахшанскую автономную область). В 1926 г. он даже был делегатом I Учредительного съезда советов Таджикской АССР [РАН, л. 1об; ТБАН, л. 2]. В том же году был награжден почетной грамотой Революционного военного совета ТаджАССР «за работу по организации народного образования в Таджикистане» [РАН, л. 10об, 12об]. В 1931 г. принимал, по его собственному свидетельству, участие в «ликвидации басмачества» в роте особого назначения [РАН, л. 10, 12] (удостоверение № 28 от 6 июня 1931 г. [ТБАН, л. 2об]).

Публикуется Климчицкий в этот период достаточно интенсивно, но почти всё опубликованное им отражает его практическую работу в области стандартизации таджикской письменности[38] и развития таджикского образования. Помимо отдельных статей на эту тему (№ 1–2 в списке публикаций в конце настоящей работы), можно отметить учебные пособия по таджикскому языку для русских и по русскому языку для таджиков (№ 3–5 в списке публикаций), сразу ставшие в те годы востребованными, судя по тому что все они выдержали по нескольку изданий. Следует, впрочем, отметить, что в начале 1930-х гг. в Климчицкий заинтересовался шугнанским языком, и тоже в основном в практическом плане (что неудивительно — шугнанский является крупнейшим из памирских языков и используется памирскими народами в качестве лингва франка). Об участии Климчицкого в создании шугнанской письменности на базе латинского алфавита, утвержденной в 1930 г. и использовавшейся в печати с 1931 г., упоминается в [Масов 1985: 344; Додихудоева 2005: 33; Додыхудоева 2020: 260], но, к сожалению, точная его роль в разработке шугнанской латиницы остается неясна. Судя по доступным нам архивным материалам [ТБАН, л. 5, 10], в 1935 г. Климчицкий составил по заданию Центрального комитета нового таджикского алфавита при ЦИКе ТаджССР проект некоего «упрощенного» шугнанского алфавита и орфографии. Сообщается также, что Климчицкий был (со)автором шугнанского учебника (№ 7) и букваря (№ 8). Нам не удалось ознакомиться с этими материалами; напомним, что шугнанская латиница просуществовала меньше десяти лет (ок. 1930 — 1938), и в конце 1930-х гг. использование шугнанского в образовании было признано «вредным» [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989: 37; Каландаров 2020: 79], так что нельзя исключать, что часть шугнанских книг и работ по шугнанской латинице, напечатанных в этот период, была уничтожена. В публикации № 9 Климчицкий также упоминает свое участие в «разработке ваханского латинизированного алфавита» (с. 82).

Вслед за шугнанским, в начале 1930-х гг. всё большее внимание Климчицкого начинают привлекать и другие миноритарные языки

[38] В частности, Климчицкий участвовал в Первом научном съезде работников просвещения в Сталинабаде (22–27 августа 1930 г.) с докладом по поводу реформы таджикского алфавита [Каландаров 2021: 18].

и диалекты Таджикистана: он предпринимает экспедиции в Дарваз (1925, 1930, 1931 гг.), Шугнан (1933 г.), Ягноб (1934 г.), Язгулям (1935 г.) [РАН, л. 3]. Можно констатировать, что с этого времени в жизни Климчицкого начинается новый этап: общественная деятельность постепенно уступает место научной работе, к которой Климчицкий, по-видимому, чувствует больше склонности — уже в системе Наркомпроса он с 1930 г. занимает преимущественно научные должности, сначала в Комитете таджиковедения, а потом в Таджикском НИИ. И как только в Таджикистане открывается институт Академии наук (это произошло в 1933 г.), Климчицкий из Наркомпроса переходит туда. Таким образом, местом его работы с мая 1933 по 1939 г. становится Таджикистанская база АН СССР[39], где он сначала занимает должность старшего научного сотрудника (параллельно в 1934–1935 гг. он был председателем месткома базы [ТБАН, л. 9]), а с октября 1936 по 1938 г. уже заведует историко-лингвистическим сектором.

Именно эти годы оказываются для Климчицкого наиболее плодотворными в научном отношении. С 1936 по 1940 г. вышло семь его статей по миноритарным языкам Таджикистана (см. полный список публикаций в приложении): все эти работы и сегодня не утратили значения для памироведения, они отличаются высоким научным уровнем, точностью записи и в ряде отношений опережают свое время. Климчицкий предстает в них как оригинальный и независимо мыслящий лингвист, отчасти близкий к идеям структурализма (только начинавшего в те годы завоевывать популярность). Вслед за Д. И. Эдельман следует особо отметить, пожалуй, его вклад в изучение ваханского языка в публикации 1936 г. (№ 9 в списке), включающей записи ваханских текстов (четыре рассказа, сказка и подборка из 12 лирических песен) и проницательные фонологические и грамматические коммен-

[39] Именно так называлась первая научно-исследовательская структура Академии наук СССР, открытая в 1933 г. в Таджикистане (первым ее директором был назначен академик С. Ф. Ольденбург, фактически ею руководил сначала ботаник Н. Ф. Гончаров, а затем зоолог и медик академик Е. Н. Павловский). В 1941 г. она была преобразована в Таджикский филиал Академии наук СССР, а в 1951 г. на его основе была организована Академия наук Таджикской ССР. В «Трудах» Таджикистанской базы (том III, 1936, посвященный памяти скончавшегося в 1934 г. С. Ф. Ольденбурга, и том IX, 1940) были опубликованы многие значимые научные работы Климчицкого.

тарии к ним (для которых Климчицкий использовал и свои неопубликованные материалы).

Интересны также публикации Климчицкого на согдийско-ягнобскую тематику, содержащие как этимологические заметки (№ 10–11), так и записи ягнобских фольклорных текстов (№ 13), а также сведения о «секретном языке» ягнобцев и язгулямцев (№ 14). О другом неожиданном согдийском сюжете в биографии С. И. Климчицкого сообщается в неопубликованном обзоре В. А. Лившица [2009: 4] «Согдийские документы с горы Муг», подготовленном для сборника к юбилею Азиатского музея (благодарим П. Б. Лурье за указание на этот источник). Согласно В. А. Лившицу (который ссылается на оставшиеся нам недоступными первоисточники [Kaşfiyoti 1933; Пӯлодӣ 1962: 155] и на [Протокол 1934], с копией которого нам удалось ознакомиться с помощью П. Б. Лурье), именно Климчицкий был первым специалистом, которому принесли на экспертизу обнаруженные в 1932–1933 гг. жителями Верхнего Зеравшана уникальные документы из архива согдийских правителей VIII в.: документы, через некоторое время после их обнаружения, были посланы в феврале 1933 г. в Таджикистанскую базу АН СССР, где Климчицкий правильно определил, что они написаны на согдийском языке. В дальнейшем в изучении находок с горы Муг приняли участие многие коллеги С. И. Климчицкого (в том числе О. И. Смирнова, А. М. Беленицкий и др.); публикация согдийских памятников этого архива была впервые осуществлена А. А. Фрейманом и в дальнейшем продолжена В. А. Лившицем. См. также [Каталог 2022: 6].

Наконец, особое место занимает небольшая статья Климчицкого «Дарвазские фахлавийот» (1940; № 12), посвященная, в отличие от остальных работ этого периода, дарвазским говорам таджикского языка (распространенным в Гармской области и в Горно-Бадахшанской автономной области). Непосредственным объектом описания является популярный в Дарвазе[40] поэтический жанр двустиший (тадж. *фаҳлавиёт*[41]; анализ Климчицкого показывает его хорошее

[40] «Многие дарвазцы обладают поэтическим даром, иногда в самой обычной беседе колхозники, учителя с легкостью подбирают рифмы и перебрасываются стихами» [Розенфельд 1971: 210].

[41] Термин восходит к персидскому *fahlavīyāt*, ед. число *fahlavīya*, представляющему собой арабизованную форму перс. *pahlavī*, т. е. ‘пехлевийский,

знакомство с традиционной иранской системой стихосложения *аруз*), однако в примечаниях к этой статье содержится краткая характеристика дарвазских говоров в целом и одна из первых попыток их классификации. Как можно видеть, такая структура вообще характерна для научного стиля Климчицкого: отталкиваясь от частного (но, как правило, оригинального) материала, он высказывает проницательные соображения более общего характера, нередко опережающие свое время. В 1930-е гг. дарвазские диалекты (обладающие целым рядом ярких особенностей и слабо понятные носителям других таджикских диалектов) были еще мало изучены: фактически имелись только две полноценные публикации 1936 г. (в тех же «Трудах» Таджикистанской базы), принадлежавшие этнографу Н. А. Кислякову (описание одного говора) и фольклористу А. Н. Болдыреву (публикация фрагментов народного эпоса). Более систематическую работу по описанию таджикских говоров выполнит через несколько десятилетий уже следующее поколение иранистов — А. З. Розенфельд, В. С. Расторгуева и др.

Ученые степени и звания, отмененные после революции, были вновь введены Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 января 1934 г. Первое время из-за необходимости их оперативного внедрения массовым явлением стало присвоение ученых степеней без защиты диссертации. В 1936 г. Климчицкий, уже назначенный заведующим сектором, попытался таким образом получить степень кандидата наук: в ноябре этого года Президиум Таджикистанской базы возбудил соответствующее ходатайство перед квалификационной комиссией АН СССР. На этом документе стоит рукописная виза без подписи и даты: «Прием ходатайств без защиты диссерт. прекращен. — Сообщено т. [Альмой Петровной] Петерсон [ученый секретарь базы]» [ТБАН, л. 12]. Следует отметить, что как в упомянутом постановлении СНК, так и в Инструкции Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР о порядке его применения (утвержденной СНК 10 июня 1934 г.), в явном виде предусматривается возможность присвоения без защиты диссертации только докторской степени, но не кандидатской.

парфянский’. «Пехлевийским» в персидской литературной традиции называли жанр короткой устной народной лирической поэзии, возникший, как считается, в северо-западных и центральных регионах Ирана и широко распространившийся во всем иранском мире [Tafażżolī 1999].

5. Между Таджикистаном и Ленинградом

В 1930–1935 гг. в Наркомпросе ТаджССР также работала востоковед Глафира Николаевна Балашова (12 января 1908, Санкт-Петербург[42] — 1988, Ленинград), выпускница восточного отделения Ленинградского университета [Эрмитаж 2021: 16][43] и словесного отделения Высших курсов искусствоведения[44], которая впоследствии стала супругой С. И. Климчицкого (официально брак был заключен, по-видимому, между 1932 и 1936 гг.). 25 декабря 1931 г. у них родился сын Юрий Сергеевич Балашов (ум. 28 сентября 2012 г.), ставший крупным зоологом, членом-корреспондентом РАН (с 1994 г.). В 1935 г. Г. Н. Балашова начала работу в Эрмитаже, но продолжала бывать в Центральной Азии — судя по ее публикациям, она участвовала в Пенджикентской экспедиции, одной из старейших постоянных эрмитажных экспедиций; после войны она была главной хранительницей отделения Средней Азии [Иерусалимская, Иванов 1990: 222].

Первые непосредственные контакты Климчицкого и Балашовой, надо думать, были вызваны совместной работой над таджикско-русским словарем (см. № 17 в списке трудов Климчицкого). Из предисловия к словарю следует, что и Климчицкий, и Балашова участвовали в предварительном составлении картотеки в 1930–1932 гг. в Наркомпросе ТаджССР. Первое время они работали под руководством известного востоковеда А. А. Семёнова, но в 1931 г. он был арестован и выслан из Таджикистана. Семёнова сменил председатель Комитета таджиковедения, общественный деятель Нарзулла Бекташ; кроме того, к организации словарных работ имел отношение член ЦК КП(б) Таджикистана Абдукадыр Камели. Однако 7 апреля 1933 г. Камели был снят с должности и вместе с Бекташем подвергся «проработкам»[45], а уже 13 апреля первый том словаря, набранный в гран-

[42] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2087. Л. 23об — 24. Метрическая запись. Родители Глафиры Николаевны были крестьянами.

[43] См. также личное дело: ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 10. Д. 41.

[44] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 555. Личное дело студентки Глафиры Николаевны Балашовой.

[45] Причем Бекташу вменяли и идеологически «неправильную» организацию работы в педагогической академии в Сталинабаде [Дружинин (в печати)]. Не исключено, что прекращение работы Климчицкого в этой академии непосредственно связано с кампанией критики Бекташа.

ках, был сурово раскритикован на Первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР в Институте востоковедения АН СССР (в основном за якобы злоупотребление арабскими и персидскими словами и религиозными терминами и невключение советских общественно-политических терминов), в первую очередь Е. Э. Бертельсом. В последовавшей кампании по критике словаря упоминалась и фамилия Климчицкого. Тот факт, что в этот момент к Климчицкому не было применено никаких репрессивных мер, по предположению П. А. Дружинина [в печати], объясняется тем, что у Таджикистанской базы был могущественный (в то время) заступник: Таджикско-Памирской экспедицией тогда руководил непременный секретарь АН СССР академик Н. П. Горбунов (бывший личным секретарем В. И. Ленина в 1917–1920 гг.).

Было решено уже набранный том не издавать, а подвергнуть словарь полной переработке. Картотека его была переведена в Ленинград, в 1934 г. началась работа над ней под руководством Е. Э. Бертельса (в этой работе уже участвовала Г. Н. Балашова). Формально Таджикистанская база также принимала участие в этом проекте, но работа в Сталинабаде (ныне Душанбе) носила, по-видимому, вспомогательный характер.

В этот период С. И. Климчицкий проводил много времени в Ленинграде: он выступал на конференциях в институтах АН СССР, на иранской кафедре Ленинградского института философии, лингвистики и истории [РАН, л. 14об]. Так, 23 января 1934 г. на заседании кабинета индо-иранских языков Института языка и мышления АН СССР был заслушан доклад Климчицкого «Вопросы языкового строительства национальных меньшинств Автономной Горно-Бадахшанской области» [ЯИМ 1935: 342], 10 мая 1935 г. там же — доклады «К диалектологии ягнобского языка» и «О “секретном” языке у ягнобцев» [ЯИМ 1936: 344], на XVI пленуме Государственной академии истории материальной культуры, состоявшемся 20–23 марта 1936 г., — доклад «Долина р. Язгулем и ее жители» [ТБАН, л. 4], в 1939 г. на заседании среднеазиатского кабинета Института востоковедения АН СССР — доклад «К истории исследования ягнобского языка» [ОЛЯ 1940: 127], в 1940 г. на заседании арабского кабинета — доклад о попытке применения арабской письменности в шугнанском языке [СВ 1941: 320]. Летом 1936 г. ученый секретарь Таджикистан-

ской базы А. П. Петерсон с неудовольствием писала, что Климчицкий живет «по 6–7 месяцев в Ленинграде (не считая отпуска)» [Дружинин (в печати)]. Вскоре ему был поставлен ультиматум: он сможет сохранить свою должность на базе только при условии проживания как минимум восьми месяцев в году в Таджикистане. Он согласился, хотя попросил уступку в один месяц.

В 1938 г. переработанная картотека таджикского словаря была перевезена в Сталинабад, где Климчицкий подготовил окончательный текст словарных статей от А до И включительно[46]. Осенью 1937 г. была арестована и затем выслана из Таджикистана А. П. Петерсон; в течении 1938 г. из причастных к таджикскому словарю были расстреляны Н. Бекташ, Н. П. Горбунов и А. Камели [Дружинин (в печати)]. Климчицкий же провел под арестом в НКВД почти год: с 1 апреля 1938 г. по 25 марта 1939 г., после чего, как он сообщает в своей автобиографии, «освобождён за прекращением дела» [РАН, л. 10об, 12об.]. Точные причины и обстоятельства его ареста и освобождения остаются неизвестными (считается, что архивы НКВД-МГБ-КГБ Таджикистана были утрачены в 1992 г. во время гражданской войны), однако следует отметить, что, помимо сотрудников таджикского словаря, в это же время репрессиям подверглись и некоторые участники создания шугнанской письменности (ср. [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989: 37]). В частности, с 4 мая 1938 г. по 10 августа 1939 г. шугнанский поэт и общественный деятель Нодир Шамбезода (настоящее имя Джамшед) находился под арестом, как утверждается, в связи с изданием поэтического сборника «Бутон» (шугн. *Гулғунчā*; [Каландаров 2020: 79], см. также [Абдулназаров 2015]), предисловие к которому на таджикском языке написал Климчицкий (№ 6 в списке трудов).

Вскоре после освобождения Климчицкий переезжает в Ленинград[47] (следует отметить, что ок. 1938 г. у него и Г. Н. Балашовой

[46] См. отчет: ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1А. Д. 254. Л. 99–100 (сообщено П. А. Дружининым).

[47] В работе над таджикско-русским словарем он больше не участвовал. Словарные статьи на буквы от И до Н подготовила А. З. Розенфельд. Словарь был окончательно сверстан уже в марте 1939 г., но не напечатан в связи с начавшейся кириллизацией языков СССР. Окончательно таджикская кириллица была утверждена лишь 21 мая 1940 г., перевод на нее должен был завершиться до 1 сентября 1941 г. Из-за начавшейся войны издание было отложено, первый том (до буквы Н)

родилась дочь Татьяна Сергеевна Климчицкая, ставшая впоследствии врачом); с 15 декабря 1939 г. он был зачислен и. о. старшего научного сотрудника в Среднеазиатский кабинет Института востоковедения АН СССР (руководил институтом в то время академик А. П. Баранников, когда-то бывший одним из преподавателей Климчицкого в Институте живых восточных языков) — вначале на половинный оклад [РАН, л. 8, 23], а с 15 мая 1940 г. он был переведен на полную ставку. Так закончился таджикистанский период его жизни. Трудно сказать, как могла бы сложиться его дальнейшая судьба в Ленинграде: ему едва исполнилось 40 лет и он, при благоприятных обстоятельствах, мог бы сделать еще очень много в самых разных областях науки. Но через год с небольшим началась война.

6. Во время войны

Когда началась война, Глафира Николаевна Балашова как сотрудница Эрмитажа уехала из Ленинграда в эвакуацию вторым (и последним) эрмитажным эшелоном 20 июля 1941 г. (за месяц с небольшим до начала блокады) и прибыла в Свердловск (куда был эвакуирован Эрмитаж) 1 августа 1941 г. С нею были дети: десятилетний Юрий и трехлетняя Татьяна, однако муж остался в Ленинграде [Эрмитаж 2021: 41]. Эвакуация Эрмитажа готовилась заранее и благодаря энергии и предусмотрительности И. А. Орбели прошла организованно и эффективно (насколько это было вообще возможно в те годы).

А. А. Фрейман виделся с Климчицким в блокадном Ленинграде в октябре 1941 г. незадолго до своей эвакуации. В ноябре он встретился в Свердловске с Балашовой и передал ей вести от мужа [Розенфельд 1988: 149].

Согласно неопубликованным свидетельствам коллеги Климчицкого Ольги Ивановны Смирновой [1944: 4–5] (с которыми нам любезно позволил ознакомиться А. Ю. Балашов), его состояние в конце первой — самой тяжелой — блокадной зимы было критическим, но в феврале 1942 г. ему «удалось устроиться в стационар, где он не-

---

был подписан к печати лишь в 1945 г. и вышел в свет в 1946 г. Он оказался единственным: было решено не доводить старый словарь до конца, а составить по той же картотеке новый однотомный [Бертельс 1954]. См. [Дружинин (в печати)].

много окреп» (о пребывании совместно с Климчицким в стационаре вспоминает и А. Н. Болдырев, см. ниже)[48].

25 февраля 1942 г. Климчицкий был отчислен из штата Института востоковедения АН «в связи с эвакуацией» [РАН, л. 12], однако реально эвакуирован он был только 25 марта 1942 г. по льду Ладожского озера в составе большой партии сотрудников Академии наук. Местом назначения его был Пятигорск [Кудрявцева 2015].

В Пятигорск, по-видимому, Климчицкий не поехал. Так или иначе, по крайней мере начиная с мая 1942 г. он находился в Краснодарском крае вместе с несколькими коллегами по Институту востоковедения: О. И. Смирновой (также участвовала в таджикско-русском словаре; с нею была мать Ольга Николаевна 1887 г. р.), Е. А. Разумовской и Б. Л. Фридлянд, а также с сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР востоковедом А. М. Беленицким; жили они сначала, по-видимому, в Тульском районе [Марахонова 2008: 27] (ныне Тульское сельское поселение Республики Адыгея, около 300 км к западу от Пятигорска), а затем — в станице Ахметовка Упорненского района [Марахонова 2010: 249] (ныне станица Ахметовская Лабинского района Краснодарского края, около 250 км к западу от Пятигорска)[49].

15 июля 1942 г. они были еще там. В одном из документов за июль 1942 года, по-видимому, речь также о них: «...Задержались в пути на Северном Кавказе 5 человек» [Там же]. Самый поздний доступный нам документ, достоверно написанный рукой Климчицкого, — это его письмо из Ахметовки жене в Свердловск от 17 июля 1942 г. Там он пишет, что «завтра или послезавтра» [Климчицкий 17/VII-42: 1] выезжает в Сталинабад, и оценивает предстоящий путь в «дней 12 езды» [Там же: 2]. В Сталинабаде он планировал устроиться в Та-

[48] Летом Климчицкий [3/VII-42: 4] уже писал в письме жене: «Я совсем здоров и дальнейшее мое пребывание [на Кавказе] для поправки уже бесцельно».

[49] Судя по свидетельству О. И. Смирновой [1944: 5–7] и письму Климчицкого [3/VII-42: 2], вместе с Е. А. Разумовской и А. М. Беленицким в Ахметовке также были кто-то из членов их семей; там же указано, что одним из их перевалочных пунктов была станица Лабинская (ныне город Лабинск), а Смирнова провела часть своего пребывания на Кубани на хуторе Куньша (ныне село Горное Лабинского района); собственно в Ахметовке до оккупации жили Беленицкие и Климчицкий.

джикский филиал АН СССР, но затем сразу же выехать в Свердловск, чтобы забрать жену и детей: «Как можно скорее нам надо быть всем вместе» [Там же]. Из его писем (как и из более поздних свидетельств О. И. Смирновой) ясно, что он придавал большое значение возможности в скором времени воссоединиться с семьей в месте, отдаленном от фронта и относительно благополучном в бытовом отношении.

Уже 8 августа 1942 г. Б. Л. Фридлянд и Е. А. Разумовская добрались до Ташкента, где находился Среднеазиатский филиал АН СССР [Марахонова 2010: 252]. А. М. Беленицкий оказался в Ташкенте «осенью 1942» [Абдуллоев 2005: 11].

Нам известно, что С. И. Климчицкий и О. И. Смирнова (по-видимому, без матери) выдвинулись из Ахметовки через «3 дня после Беленицких» [Смирнова 1944: 8], однако к тому моменту (конец июля — начало августа 1942 г.) немецкие войска уже были на Северном Кавказе. Климчицкий со Смирновой отступали с Красной Армией, однако в результате некоторых перипетий, детали которых нам остаются неизвестны, они застряли в станице Курджипской (ныне в Майкопском районе Республики Адыгея), где их и застигли войска вермахта [Там же].

Смирнова, по-видимому, провела в этой станице бóльшую часть периода оккупации [Там же: 8–9]. Климчицкий же в какой-то момент уехал в Майкоп («он думал, что там легче затеряться и остаться незамеченным[,] чем в станице» [Там же: 2]). По словам Смирновой, она последний раз видела Климчицкого в Майкопе «в конце октября [19]42 г[ода]», а «дней через 15» его там уже не было — он уехал, не сообщив никаких подробностей [Там же: 1]. Это последние известия, которые Смирнова получила о Климчицком.

Майкоп находился под немецкой оккупацией с 9 августа 1942 г. по 31 января 1943 г.; некоторые другие части Адыгеи оставались под контролем вермахта до середины февраля 1943 г. [Кринко 2022а].

А. Н. Болдырев, остававшийся в блокадном Ленинграде, получил 27 октября 1942 г. письмо от Н. А. Кислякова (мужа А. З. Розенфельд), что Климчицкий и Смирнова «затерялись где-то на Кавказе» [Болдырев 1998: 188–189]. 5 февраля 1943 г. Болдырев получил письмо от своего коллеги М. М. Дьяконова, который «побывал и в Средней Азии, и на Кавказе, где узнал о предполагаемой гибели С. И. Климчицкого и О. И. Смирновой. В перетурбациях [sic]? Как жили мы с ним

тогда, в феврале, в стационаре ДУ [Дома ученых], пока не эвакуировался он. В последний день говорил опять о делах моих. Почти невозможно представить себе, что он из какого-то положения все же не вышел[50]. Рукописи его остались в комнатах на Железноводской[51]. Сперва их должен был извлечь Мордовченко, но уехал, потом я, но не собрался. Как тащить с Голодая? Их много» [Там же: 254].

В действительности О. И. Смирнова осталась жива (сведениями о судьбе ее матери мы не располагаем). В письме Д. И. Тихонова из Ташкента А. Н. Болдыреву от 22 июня 1943 г. сообщается: «Получили письмо от Ольги Ивановны. Она жива, здорова. Ждем в Ташкенте. Сергея Ивановича не нашли» [Марахонова 2010: 249]. Только в августе-сентябре 1943 г. Смирнова приехала в Ташкент (требовалось получить официальный вызов от АН СССР) [Там же].

Ясно, что исчезновение Климчицкого во время оккупации было интерпретировано частью его близких и коллег как гибель. К 18 июля 1943 г. в Ленинграде получили письмо Глафиры Николаевны о (предполагаемой) смерти мужа: «Мы были на Голодае, и этим воспользовался я, чтобы посетить квартиру С. И. Климчицкого. Жиличка сказала, что недавно приходили проверять имущество в связи с письмом от жены его, в котором она также сообщала о его гибели. Сергей Иванович был блестящим лингвистом, знатоком согдийского и памирских диалектов, может быть, единственным в Союзе, тем самым и в Европе. Ленц и Моргенстиерне [sic] не годились ему в подметки в части знания памирских диалектов» [Болдырев 1998: 295].

Согласно оценкам советских комиссий, в Майкопе оккупационная администрация казнила свыше трех тысяч человек, в Майкопском районе — еще более сотни [Кринко 2022а], но идентифицирована была лишь небольшая часть жертв [Кринко 2022б]. В доступных нам списках опознанных[52] Климчицкий не значится.

---

[50] Болдырев даже не подозревает, насколько он оказался прав в своей оценке, см. ниже.

[51] Климчицкий с женой жили на острове Декабристов (до 1926 г. — Голодай) в доме 17 по Железноводской улице, кв. 1 [РАН, л. 2об, 10об, 12об; ТБАН, л. 3].

[52] Мы ознакомились с электронными публикациями следующих документов в базе данных https://бд.безсрокадавности.рф: 1) ГАКК. Ф. Р-837. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 289–290; 2) ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 341–342; 3) НА РА. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 2–2 об.; 4) МАМР. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–14 об.

Несмотря на это, О. И. Смирнова в конце войны в письме Г. Н. Балашовой писала (сохраняем оформление оригинала): «Я твердо уверена что Серг.[ей] Ив.[анович] жив и вот почему: когда я его видела в последний раз в Майкопе в конце октября [19]42 г. он выглядел прекрасно, был совершенно здоров и никаких предпосылок каких либо неприятностей для него не было» [Смирнова 1944: 1]. Она предполагала, что Климчицкий был перемещен в Германию: «Самое худшее что с ним могло произойти, и что видимо и случилось — это насильственный увоз в Германию» [Там же: 2]. Однако Климчицкий не значится в сохранившихся списках остарбайтеров[53] и военнопленных. Международный центр документации преследований национал-социалистического режима в Арользене, который хранит самое обширное собрание архивных документов, касающихся репрессий Третьего рейха, включая учетные карточки интернированных и перемещенных лиц, на официальный запрос одного из авторов данной статьи ответил, что не располагает никакими свидетельствами, которые могли бы пролить свет на судьбу Климчицкого.

Примечательно, что в предисловии к таджикско-русскому словарю, подписанному к печати 4 мая 1945 г. и вышедшему в свет в 1946 г. (№ 17 в списке в приложении), траурной рамкой обведены имена, например, Азарио Эфраимовича Муллокандова (ум. в январе 1942 г.), Варвары Михайловны Гулидовой (ум. в мае 1942 г.) и Лутфуллы Бузургзоды (ум. 12 ноября 1943 г.), но не имя Климчицкого — как и не имя Хабиба Юсуфи (ум. в феврале 1945 г.). Остается только гадать, что (не) знали составители словаря о судьбе Климчицкого и о чем (не) хотели умолчать.

Как нам удалось выяснить, Климчицкий действительно оказался в Германии. Архивные документы, с которыми нам удалось ознакомиться, не дают оснований однозначно утверждать, что это перемещение было принудительным (хотя, безусловно, он мог действовать под давлением обстоятельств, нам не известных). Судя по всему, Климчицкий мог оказаться в столице нацистской Германии уже в мае 1943 г. [EMK]. Нацистская администрация признала его этническим немцем, и Центральное иммиграционное управление (Einwandererzentralstelle, EWZ), в ведении которого была регистрация

[53] https://ost-west.memo.ru/; https://collections.arolsen-archives.org/.

«фолькcдойче», выписало для него свидетельство о натурализации (Einbürgerungsurkunde) № 763485 от 1 октября 1943 г. (с 1940 г. EWZ располагалось в Лодзи, в период германской оккупации называвшейся Лицманштадт). Любопытно, что в Германии он не стал использовать фамилию Тишнер, которую носила его мать, чье немецкое происхождение несомненно, а принял фамилию «фон Кляйнфельд(т) — Климчицки»: Sergius von Kleinfeld(t) — Klin(t)schi(t)zki (также Klimtschitski и т. п.; в некоторых архивных документах он фигурирует просто как Кляйнфельд)[54]. Напомним, что Кляйнфельд — это герб, к которому принадлежал дворянский род отца Климчицкого.

Регистрационная карточка на фон Кляйнфельдта — Климчицкого, сохранившаяся в картотеке жителей Западного Берлина, ныне находящейся в земельном архиве Берлина [EMK], содержит несколько столичных адресов Климчицкого с датами, но не все они хорошо читаются. Самый ранний адрес, датированный 28 мая 1943 г., — дом 11 по улице Лагарда (Lagardestraße)[55], в районе Целендорф на юго-западе Берлина. Место это, возможно, неслучайно. По-видимому, уже тогда Климчицкий был определен на службу в институт, находившийся в соседнем районе Ванзее. Институт Ванзее (Wannsee-Institut) находился в ведении Главного управления имперской безопасности СС (Reichssicherheitshauptamt, RSHA) и занимался сбором сведений об СССР для разведывательных целей; обзор его деятельности см., например, в [Botsch 2017].

Во второй половине 1943 г. в связи с участившимися бомбардировками Берлина институт был эвакуирован в замок Планкенварт в австрийской Штирии. Как следует из изученных нами документов (ср., например, [Wannsee: Bl. 74, 97, 129]), там же оказался и Климчицкий. Среди других сотрудников Института Ванзее, перебравшихся

[54] См. BArch. R 9361-IV (Personenbezogene Unterlagen der Einwandererzentralstelle)/49236. Дата и место рождения Климчицкого в немецких документах указаны верно с точностью до дня и города. Кроме того, в формулярных документах, например [EMK], отмечается, что он женат, но живет один, а также указывается, что он является верующим, но не принадлежит никакой религиозной общине (gottgläubig). Впрочем, в военно-учетной книжке [ÖStA] Климчицкого утверждается, что он холост и бездетен.

[55] Эта улица, переименованная в 1937 г. в честь востоковеда и антисемитского общественного деятеля Пауля де Лагарда, с 1972 г. носит имя литератора Вернера Бергенгрюна (Bergengruenstraße).

в Планкенварт, был Н. Н. Поппе [Poppe 1983: 176–179], крупнейший советский лингвист-монголист (также оказавшийся на оккупированной территории Северного Кавказа в 1942 г.; он перешел на службу нацистской Германии добровольно). Уже примерно в феврале 1944 г. Поппе снова вернулся в Берлин и поселился на той самой улице Лагарда, где до этого жил Климчицкий (Поппе оставался там примерно до июля 1944 г.). Маловероятно, что в Германии Поппе ни разу не пересекался с Климчицким[56], но, тем не менее, его довольно подробные мемуары [Там же] не содержат никаких упоминаний Климчицкого/Кляйнфельдта.

В январе 1944 г. по распоряжению RSHA в рамках Германского восточного общества (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) была создана Рабочая группа по Туркестану (Arbeitsgemeinschaft Turkestan), целью которой должна была стать работа с выходцами из советской Центральной Азии и сбор разведывательных данных, см. [Brentjes 1985]. Один из руководителей этой группы, оберштурмфюрер Райнер Ольцша, ученик специалиста по Российской империи и СССР Георга Кляйнова [Botsch 2006: 180–181], захотел привлечь Климчицкого к своей работе.

В документе от 6 июня 1944 г., отправленном из Берлина в Планкенварт, речь идет о договоренности по поводу встречи Климчицкого с Ольцшей, не состоявшейся «по техническим причинам» [Turkestan: Bl. 213]. 16 июня 1944 г. Климчицкого официально просят приехать из Планкенварта в Берлин на неделе 2–8 июля [Wannsee: Bl. 89]. Судя по всему, Климчицкий явился в Берлин уже 2 или 3 июля, потому что 3 июля Юрген фон Хен (von Hehn), заместитель гауптштурмфюрера Вильфрида Краллерта, главы отдела VI G в RSHA, занимавшегося научно-разведывательными сведениями, рапортовал о нем [Wannsee: Bl. 101]:

> «Der oben Genannte ist Mitarbeiter des Wannsee-Instituts, wo er die Fragen Turkestans und des Irans bearbeitet. Seine reichen Kenntnisse auf diesem Gebiete machen ihn nicht nur für dieses Institut, sondern auch für die Arbeits-

[56] Поппе, преподававший в Институте живых восточных языков и работавший в Институте востоковедения АН СССР, несомненно был знаком с Климчицким до войны: статья последнего № 14 содержит фразу «Н. Н. Поппе сообщил мне о...» (с. 105). Однако, судя по документам из австрийских архивов [ÖStA], Климчицкий и Поппе, вероятно, жили в Планкенварте не одновременно.

> gemeinschaft Turkestan zu einer unentbehrlichen Fachkraft. Es ist daher unbedingt erforderlich, ihn der von den Forschungsinstituten von VI G geleisteten Arbeit zu erhalten»[57].

И далее рекомендовал как можно скорее заняться оформлением брони (Unabkömmlich-Stellung) Климчицкого от службы на фронте (30 августа 1944 г. его бронь была подтверждена [Wannsee: Bl. 124]). Однако уже 9 ноября 1944 г. другой документ гласит [Turkestan: Bl. 230]:

> «Durch den Gruppenleiter wurde nunmehr endgültig ⟨...⟩ folgende Regelung verfügt: ⟨...⟩ Prof. von Kleinfeld kann bei besonders dringenden Arbeiten von der Arbeitsgemeinschaft Turkestan angefordert werden, verbleibt jedoch im übrigen in verwaltungsmässiger Beziehung im Wannsee-Institut»[58].

По всей видимости, после этого Климчицкий вернулся в Планкенварт; во всяком случае, 20–23 марта 1945 г. он проходил медицинский осмотр в Австрии [ÖStA]. Согласно публикации Герда Фойгта, в одном из списков сотрудников управления VI G RSHA, работавших в Институте Ванзее в 1944 г., значится и «проф. Кляйнфельд-Климчицки» [Voigt 1994: 259] (судя по тому, что в указателе он дан без инициалов [Ibid: 467], Фойгт не смог идентифицировать личность Климчицкого).

По сведениям Гидеона Боча, был запланирован выход книги фон Кляйнфельда об Афганистане и Туркестане в серии «Kleine Auslandskunde». Эта серия издавалась Немецким институтом зару-

---

[57] «Вышеупомянутый является сотрудником Института Ванзее, где он занимается вопросами Туркестана и Ирана. Его обширные знания в этой области делают его незаменимым специалистом не только для данного института, но и для Рабочей группы по Туркестану. Поэтому безусловно необходимо сохранить его для работы, проводимой научно-исследовательскими институтами VI G» (здесь и далее перевод наш. — *Н. К.*, *В. П.*).

[58] «Руководитель группы окончательно утвердил следующее распоряжение: профессор фон Кляйнфельд может привлекаться к работе в Рабочей группе по Туркестану в случае особо срочных задач, однако в остальном он остается в административном подчинении Института Ванзее». Примечательно, что Климчицкий, который не окончил институт и в СССР не смог получить даже степени кандидата наук (а на полной ставке старшего научного сотрудника проработал менее двух лет), в немецких документах всегда последовательно именуется профессором.

бежных исследований (Deutsches Auslandswissenschaftliches Institut, DAWI), созданным национал-социалистами, и печаталась в издательстве «Юнкер и Дюнхаупт», тесно связанном с НСДАП; среди томов, которые успели выйти в свет, — «Турция» Готхарда Ешке (1941, т. 8), «Ирак» нацистского дипломата Фрица Гроббы (1941, 1943, т. 10), «Индия и Цейлон» Людвига Альсдорфа (1943, т. 29/30). В числе других запланированных, но не вышедших томов упоминаются «Монголия» Поппе, «Аравийский полуостров» Ханса Вера и мн. др. [Botsch 2006: 311]. Нам не удалось обнаружить следов работы Климчицкого над запланированным изданием. О точках соприкосновения DAWI с Институтом Ванзее и с отделом VI G в RSHA, в том числе по вопросам изучения советской Центральной Азии, см. [Ibid.: 189, 282–289].

Адреса Климчицкого в западноберлинской регистрационной карточке [EMK] доведены до сентября 1947 г. Самая поздняя отметка, которая имеется в этом документе, — это печать, датированная 27 августа 1957 г., которая, вероятно, означает погашение карточки вследствие переезда Климчицкого из Берлина (или его возможной смерти)[59]. Обстоятельства дальнейшей его жизни, если он пережил 1957 г., остаются неизвестны (никаких попыток дать знать о себе, в том числе и родственникам, он не предпринимал — возможно, не без оснований опасаясь поставить их под удар).

Жизнь С. И. Климчицкого трагическим образом разделилась на две части: завесу над второй частью нам удалось немного приподнять только сегодня. Многое здесь остается (и, может быть, навсегда останется) неясным: в отличие, например, от Н. Н. Поппе или Ю. В. Шевелёва, которые, попав в том же 1943 г. в Германию, впоследствии многие годы продолжали продуктивно работать (в конечном счете переехав в США), о профессиональной деятельности С. И. Климчицкого после 1944 г. достоверно ничего не известно.

[59] Отметим, что Климчицкий/Кляйнфельдт не значится в телефонных книгах 1945–1953 гг., покрывающих все секторы Берлина, как и в западноберлинских телефонных книгах 1954–1957 гг. и в адресных книгах 1943 и 1957 гг. (между этими двумя датами адресные книги не содержали имен жителей). Как штатный сотрудник RSHA он должен был бы пройти через процесс денацификации; тем не менее в картотеке по денацификации в земельном архиве Берлина Кляйнфельдт/Климчицкий также не значится. Если разбирательство о его деятельности в нацистских организациях и имело место, то не в Берлине.

Сколько бы лет ему ни случилось прожить, в этой второй половине жизни он выбрал для себя забвение и, насколько можно судить, никак не пытался реализовать себя в своей профессиональной области. Поэтому мы вправе в каком-то смысле говорить, что жизнь Климчицкого-ираниста, автора первых исследований по ваханскому, ягнобскому и другим языкам — эта жизнь завершилась в 1942 г. Но как бы то ни было, это не отменяет большой ценности всего им сделанного, как и необходимости помнить о его вкладе в изучение и развитие языков Памира. В своих работах, созданных им всего за 10 лет, с 1930 по 1940 гг., он предстает яркой личностью, талантливым и оригинальным исследователем, обладавшим острым, проницательным умом и разносторонними интересами. Сегодня мы понимаем, что он успел реализовать себя далеко не в полной мере. Но среди первых исследователей Памира ему по праву принадлежит одно из важных мест.

Приложение

Сочинения Климчицкого

К сожалению, не со всеми трудами Климчицкого нам удалось ознакомиться de visu. Укажем источники, просмотренные нами для составления нижеследующего списка работ Климчицкого:

- В. А. Денисова (сост.), З. М. Шевченко (отв. ред.). Библиография изданий Таджикской базы и Таджикского филиала Академии наук СССР: книги и статьи: 1933–1951. Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1952.
- Н. П. Дебец, В. Ф. Дубровина, М. Г. Ижевская (сост.). Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 г. Вып. 1: Книги и сборники на русском языке, изданные в СССР, 1918–1955. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
- А. А. Фрейман (ред.). Введение в иранскую филологию. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Р. О. Тальман, Т. И. Поддымникова, Г. Я. Якубов, Э. Н. Яковлева, М. Ахмедова, К. Джамалов (сост.). Каталог книг Таджикской ССР (1926–1956 гг.). Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960.
- О. Э. Ливотова. Библиография изданий Азиатского музея и Института востоковедения АН СССР (1917–1958) // В. И. Авдиев, Н. П. Шастина

(отв. ред.). Очерки по истории русского востоковедения. Сборник III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 196–311.
- З. М. Шевченко, Д. С. Лейви. Библиография библиографий Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1966.
- М. Негматов (сост.). Библиография таджикской фольклористики (1872–1968). В 2 кн. Душанбе: Дониш, 1979.
- Л. Г. Козырева. Книжное дело Таджикистана: История книги. Печать. Библ. дело. Библиографоведение, 1924–1974 гг. Душанбе: [Б. и.], 1980.
- Д. С. Лейви, М. А. Бубнова (сост.). История Таджикистана: указатель советской литературы 1917–1983. В 4 т. Душанбе: Дониш, 1986.
- Sh. Shimada. Iranian languages of Central Asia: A selected bibliography of linguistic studies in Russia (электронный ресурс). 2000. URL: https://tufs.repo.nii.ac.jp/records/4904 (дата обращения: 26.05.2026).

Кроме того, был произведен поиск на портале «Электронная коллекция Летописей Российской книжной палаты за 100 лет» (URL: https://letopisi.dlibrary.org/, дата обращения: 01.10.2025), который содержит неполную оцифрованную подборку главных советских изданий текущей библиографии — «Летописи журнальных статей» с 1926 г. и «Летописи газетных статей» с 1936 г.

Обучение грамоте, педагогические и публицистические материалы

1. С. Климчицкий. Спорные вопросы таджикского латинизированного алфавита // К вопросу об едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите. (Материалы работ комиссии по подготовке Научно-лингвистического съезда в г. Сталинабаде.) Сталинабад: Научно-методический сектор Наркомпроса Таджикской ССР, 1930. С. 41–44. 500 экз.
2. С. Климчицкий. На рельсах культурной революции // Коммунист Таджикистана. 20 ноября 1931 г. [О деятельности Наркомпроса ТаджССР, о подготовке к изданию словарей.]
3. S. Klimcitskij. Savodi toçikī. Kitobi avval. Kitobi ta'limi zaboni toçiki [sic] dar maktabhoji rūsiji daraçaji I. Stalinobod; Samarqand: Naşrijoti davlatiji Toçikiston, 1931. [С. Климчицкий. Таджикская грамота. Книга первая. Книга по изучению таджикского языка для русских школ первой ступени. Сталинабад; Самарканд: Таджикское государственное издательство, 1931.] 128 с. 3090 экз.
    - То же. 2-е изд. 1932. 127 с. 3000 экз.
    - То же. 3-е изд. 1933. 128 с. 5000 экз.

- То же. 4-е изд. 1934. 131 с. 4100 экз.

4. С. Климчицкий. Русский язык для таджиков. Сталинабад; Самарканд: Таджикское государственное издательство, 1932. 175 с. 10 000 экз.
5. M. Toşpūlotuf, B. Gitelmaxer, S. Klimcitskij. Zaboni toçikī baroji avropijon = Таджикский язык для европейцев: (Пособие для изучения таджикского языка работниками госаппарата и общественных организаций Таджикской ССР). [Сталинабад: Таджикгосиздат]; Л.: Типография «Коминтерн», 1932. 192 с.
   - Второе издание: Zaboni toçikī baroji avropijon = Таджикский язык для европейцев. Copi duvvum. Stalinobod: Naşri toçik, 1933. 191 с. 15 000 экз.
6. S. Klimcitskij. [Предисловие к сборнику поэзии на шугнанском] // Ҷамшед [Шанбезода]. Гулғунча [= Бутон]. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1937. С. 3–5. 3000 экз.
   - Перепечатано: С. Климчитский. Сарсухани нашри аввал [= Предисловие к первому изданию] // Ҷамшед Шамбэзода’. Гулғунча’ / Чопэ тайора’ чууҷ А. Бахтовьаршоев. Кӣйев: [Б. и.], 2012. С. 8–10.
7. Учебник шугнанского: «Климчицким написан первый учебник шугнанского языка, рукопись которого ныне хранится в фонде отдела памироведения [Института языка и литературы имени А. Рудаки АН ТаджССР]» [Масов 1985: 344].
8. Известно про шугнанский букварь: Inqilobi madani Pөndand [= На пути культурной революции]. Maktabeni çat. Stalinobod: [S. n.], 1932 или 1933; авторы — Шарифов, Мубаракшоев, Зинатшоев («коллектив шугнанцев» [ТБАН, л. 4]) и Климчицкий (упомянут в [РАН, л. 6об; ТБАН, л. 4; Оранский 1972: 336]). Отметим, что этот букварь не указан в предварительном списке книг на шугнанском, изданных в 1930-е гг. в период латинизации, в [Додихудоева 2005: 33–34].

Научные работы

9. С. И. Климчицкий. Ваханские тексты // Труды Таджикистанской базы АН СССР. Т. III: Лингвистика. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. С. 75–124.
10. С. И. Климчицкий. Название Согдианы в топонимике Таджикистана // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 9–14.
11. С. И. Климчицкий. Ягнобско-согдийские соответствия // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. VI. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 15–26. [Датировано 30 апреля 1934 г.].
12. С. И. Климчицкий. Дарвазские фахлавийот // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 65–93.

13. С. И. Климчицкий. Ягнобская сказка // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 94–103.
14. С. И. Климчицкий. Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. С. 104–117.
15. С. И. Климчицкий. Ягнобцы и их язык // Труды Таджикистанской базы АН СССР. 1940. Т. IX. 137–139. [Сборник, в котором опубликованы № 12–15, сдан в набор 27 мая 1938 г.]
16. С. И. Климчицкий. [Хроника. Доклады, прочитанные] в Среднеазиатском кабинете [Института востоковедения в 1940 году] // Советское востоковедение. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 321–322. [Подписано в печать 28 мая 1941 г.]
17. Е. Н. Павловский, Е. Э. Бертельс, Д. Икроми, Р. Джалил (ред.). Таджикско-русский словарь. Т. I: А–Н. Сталинабад; Ташкент: Государственное издательство Таджикской ССР, 1946. 5000 экз. С. И. Климчицким «подготовлены словарные статьи в окончательном виде» на буквы от А до И (см. предисловие к данному изданию и [РАН, л. 19, 21]).

Неопубликованные сочинения

- В развитие доклада, прочитанного в августе 1930 г. в Сталинабаде, С. И. Климчицкий составил работу «Спорные вопросы таджикской орфографии», рукопись которой хранится в АРАН: Ф. 676. Оп. 1. Д. 1064. Л. 1–57 [Дружинин (в печати)] (см. под № 1 выше опубликованные тезисы этого доклада).
- Климчицким «были подготовлены не увидевшие света публикации фольклорных материалов на памирских языках, работы по классификации шугнанских диалектов, по язгулемскому и сарыкольскому (тексты со словарем и комментарием) языкам» [Оранский 1972: 336].
- В частности, в списке своих трудов, составленном Климчицким около 1937 г. [ТБАН, л. 4–5], упоминаются:
  - Работа «Долина р. Язгулем и ее население» (доклад, прочитанный в марте 1936 г. на XVI пленуме ГАИМК в Ленинграде) указана как сданная в печать. Никаких следов этой публикации нам не удалось обнаружить; скорее всего, она не была опубликована из-за репрессий, коснувшихся руководства ГАИМК, и последующей реорганизации этой институции.
  - Лингвистическо-этнографическая карта Таджикистана в составе географического атласа ТаджССР, издаваемого

Таджикско-Памирской экспедицией. Карта упомянута как уже завершенная в [Отчет 1935: 553] и как принятая к печати в документе, составленном в конце 1936 или в 1937 г. [ТБАН, л. 4]. Атлас должен был выйти в 1937 г. [Памир 1936: 119–120], однако, по-видимому, так и не был опубликован: во всяком случае, он не значится в каталогах крупнейших библиотек и в доступных нам библиографических справочниках, включая такие авторитетные, как «Картографическая летопись».

- В качестве рукописей упомянуты: «Диалектология ягнобского языка» (про эту работу Е. Э. Бертельс в ноябре 1936 г. писал, что она «будет сдана в печать» «уже в текущем году» [ТБАН, л. 7]), «Языки Таджикистана», «Орфография на основе нового шугнанского алфавита», «Грамматика шугнанского языка».

- В более позднем списке трудов, датированном 10 июня 1941 г. [РАН, л. 17–22], также отмечены:
  - «Согдийские заметки» — «сдается в печать в 1941 году», «Степень изученности Памира в области истории, этнографии и языков» — «сдано» [Там же, л. 21].
  - «Попытка применения арабского алфавита в шугнанской письменности» (по материалам доклада 1940 г.), «Верхне-шохдаринский [sic] диалект (к классификации диалектов шугнанского языка)», «Превращение указательного местоимения в связку в иранских языках» — без указания дат.
- Борис Пильняк [1931: 106] опубликовал в одной из своих книг несколько коротких фрагментов из стихотворения таджикского поэта Пейрава Сулеймани «Индостан» (в сумме 24 строки) с пометкой, что перевод на русский сделан некоей «С. Климчицкой». Учитывая, что такое сочетание фамилии и инициала отнюдь нельзя назвать высокочастотным, а с Пейравом Сулеймани Климчицкий скорее всего был знаком, поскольку тот участвовал в работе над таджикско-русским словарем, мы предполагаем, что речь на самом деле может идти о выписках из перевода, выполненного Сергеем Ивановичем Климчицким, а в книге допущена ошибка в грамматическом роде. Тем не менее, нам не удалось обнаружить других следов этого перевода в печати или в архивах.

Список условных сокращений

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва); ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар); ИВР РАН — архив Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург); МАМР — Муниципальный архив Администрации муниципального образования «Майкопский район» Республики Адыгея (Майкоп); НА РА — Национальный архив Республики Адыгея (Майкоп); СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук; ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга; ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы; ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга; ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга; BArch — Федеральный архив Германии в Лихтерфельде (Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde, Берлин); KRVA — Каунасский региональный государственный архив (Kauno regioninis valstybės archyvas); LVIA — Литовский государственный исторический архив (Lietuvos valstybės istorijos archyvas, Вильнюс).

Источники

Основные архивные источники

ВУПД — Вилькомирский уездный предводитель дворянства. Списки дворян Вилкомирского [sic] уезда Ковенской губ[ернии], 1852. LVIA. Ф. 708. Оп. 2. Д. 649.

Климчицкий 3/VII-42 — [Письмо Сергея Ивановича Климчицкого Глафире Николаевне Балашовой от 3 июля 1942 г.]. Рукопись. 4 страницы. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

Климчицкий 17/VII-42 — [Письмо Сергея Ивановича Климчицкого Глафире Николаевне Балашовой от 17 июля 1942 г.]. Рукопись. 2 страницы. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

ЛИЖВЯ — Личное дело студента Ленинградского института живых восточных языков Сергея Ивановича Климчицкого. 1922–1925. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 30. Д. 1209.

Протокол 1934 — Протокол заседания комиссии при Совете народных комиссаров Таджикской ССР от 21 мая 1934 г., г. Сталинабад. Цитируется по копии из личного архива В. А. Лившица, предоставленной П. Б. Лурье.

РАН — Личное дело сотрудника Института востоковедения АН СССР Сергея Ивановича Климчицкого. СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 425. Передано на хранение в ИВР РАН с шифром: Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 301.

Смирнова 1944 — [Письмо от Ольги Ивановны Смирновой из Ташкента к Глафире Николаевне Балашовой от 22 октября 1944 г.]. Рукопись. 10 страниц. Семейный архив Андрея Юрьевича Балашова.

ТБАН — Личное дело сотрудника Таджикистанской базы АН СССР Сергея Ивановича Климчицкого. АРАН. Ф. 188. Оп. 2 (1934–1938). Д. 296.

EMK — Sergius von Kleinfeldt — Klintschizki. Земельный архив Берлина (Landesarchiv Berlin). B Rep. 021-01 Einwohnermeldekartei Berlin.

ÖStA — Kleinfeld, Sergius, 12.02.1900. Австрийский государственный архив (Österreichisches Staatsarchiv, Вена). AT-OeStA/AdR MilEv WStB Kleinfeld Sergius.

Turkestan — Ostasien-Institut. BArch. R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/305.

Wannsee — Organisation und Aufgaben. Bd. 2. BArch. R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/131.

Печатные и электронные первоисточники

Бертельс 1954 — Е. Э. Бертельс (гл. ред.), М. В. Рахими, Л. В. Успенская (ред.). Таджикско-русский словарь: 40 000 слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954.

Болдырев 1998 — А. Н. Болдырев. Осадная запись (Блокадный дневник). В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский (подг. к печ.). СПб.: Европейский Дом, 1998.

Весь Петербург — Весь Петербург на 1894–1917 гг.: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.:] Издание А. С. Суворина (в 1915–1917 гг. — «Весь Петроград»). URL: https://nlr.ru/cont/v_p/index.php (дата обращения: 26.05.2026).

Добужинский 1987 — М. В. Добужинский. Воспоминания. Г. И. Чугунов (ред.). М.: Наука, 1987.

Добужинский 2001 — М. В. Добужинский. Письма. Г. И. Чугунов (подг. к изд.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Калесник 1936 — С. В. Калесник (ред.). Труды ледниковых экспедиций. Вып. 1: Памир. Северный Памир и ледник Федченко. Л.: Таджикско-Памирская экспедиция, 1936.

Калесник, Щербаков 1935 — С. В. Калесник, Д. И. Щербаков (ред.). Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

Классон 2017 — М. И. Классон. Глава 15. «Классонята». Родственники Гарденины // Роберт Классон и Мотовиловы. Биографические очерки. Версия декабря 2017 года (электронный ресурс). URL: http://www.famhist.ru/famhist/klasson/glava15.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

Коллонтай 1974 — А. М. Коллонтай. Из моей жизни и работы (Воспоминания и дневники). М.: Советская Россия, 1974.

Коллонтай 2001 — А. М. Коллонтай. Дипломатические дневники 1922–1940. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2001.

Колокол 1861 — [Материалы для истории гонения студентов при Александре II.] IV. Официальный список студентам и другого звания лицам арестованным и доставленным в с. петербургскую крепость, 12/24 Октября 1861 года // Колокол. Лист № 114. 1 декабря 1861 г. Лондон: Вольная русская типография, 1861. С. 955–956.

Кудрявцева 2015 — Блокада Ленинграда. Эвакуация. Руководитель проекта Т. А. Кудрявцева. URL: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=3771556 (дата обращения: 26.05.2026).

Лихачёв 1995 — Д. С. Лихачёв. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995.

Мартиролог — Списки репрессированных в Красноярском крае (электронный ресурс). URL: https://web.archive.org/web/20251206094751/https://memorial.krsk.ru/martirol/Kl.htm (дата обращения: 06.12.2025).

ОЛЯ 1940 — В институтах отделения: (Научная деятельность за вторую половину 1939 г. и первую половину 1940 г.) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. Т. I. № 1. С. 119–127.

Отчет 1935 — Отчет о деятельности Академии наук Союза советских социалистических республик в 1934 году. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

Памир 1936 — Памир, Таджикистан, Средняя Азия: обзор трудов и материалов экспедиций 1932–35 гг. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

Пильняк 1931 — Б. Пильняк. Таджикистан — седьмая советская. Очерки. Материалы к роману. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

ПК 1902 — Д. Г. Тюменев (ред.). Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. Воронеж: Воронежский губернский статистический комитет, 1902.

ПН II — Петербургский некрополь. Том второй (Д—Л). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1912.

Пӯлодӣ 1962 — А. Пӯлодӣ. Таърихи бозеёфтҳои қалаи Мӯғ [История находок крепости Муг] // Шарқи сурх. 1962. № 4. С. 153–157.

Розенфельд 1988 — А. З. Розенфельд. Письма из далекого тыла в далекий тыл // Г. Я. Смолин (ред.). Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XI. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С. 145–154.

СВ 1941 — Доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях кабинетов Института востоковедения в 1940 г. // Советское востоковедение. II. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 319–322.

Сведения 1860 — Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Ковенская губерния // Приложения к трудам Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI: Извлечения из описаний имений по губерниям: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской. СПб.: Комиссии для составления положений о крестьянах, 1860.

СЗРИ 1–16 — И. Д. Мордухай-Болтовский (ред.); Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг (сост.). Свод законов Российской империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. СПб.: Деятель, 1912–1913.

Список 1889 — Алфавитный список землевладельцев Ковенской губернии. 2-е изд. Ковна: Типография Губернского Правления, 1889.

Список 1910 — Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I за сто лет: 1810–1910. СПб.: [Б. и.], 1910.

Стасова 1969 — Е. Д. Стасова. Воспоминания. В. Н. Степанов (ред.). М.: Мысль, 1969.

Эрмитаж 2021 — Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках. Екатеринбург: ПК АСТЕР-ЕК, 2021.

ЯИМ 1935 — Язык и мышление. Вып. III–IV. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

ЯИМ 1936 — Язык и мышление. Вып. VI–VII. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936.

Album 1889 — A. Hasselblat, Dr. G. Otto (Bearb.). Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat: Verlag von C. Mattiesen, 1889.

Album 1910 — G. Adelheim (Hrsg.). Album Estonorum. Zusammengestellt von Axel von Gernet. 3. Aufl. Reval: Aug. Mickwitz, 1910.

Ciechanowicz 2001 — J. Ciechanowicz. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego [Дворянские роды Великого княжества Литовского]. T. 3. E–K. Rzeszów: Fosze, 2001.

Kaşfiyoti 1933 — Kaşfiyoti ta'rixī dar rajoni Zahmatobod [Исторические находки в Захматабадском районе] // Baroji maorifi kommunistī. 18.X.1933.

Poppe 1983 — N. Poppe. Reminiscences. H. G. Schwarz (ed.). Bellingham: Western Washington University, 1983.

Railaitė-Bardė 2018 — Agnė Railaitė-Bardė. Mstislavo Dobužinskio heraldinis ir veksilologinis palikimas [Геральдическое и вексиллологическое наследие Мстислава Добужинского] // Mstislavo Dobužinskio heraldika: ne tik mokslas, bet ir menas [Геральдика Мстислава Добужинского:

не только наука, но и искусство]. Vilnius: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka, 2018. P. 15–34.

Surwiło 1995 — J. Surwiło. 5. Odkrycia w Traszkunach i Dobużach Wielkich [Открытия в Трашкунах и Больших Добужах] // Kurier Wileński. 1995. Nr. 74 (12730). Piątek 13 października. S. 5.

Uruski 1909 — S. Uruski. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. T. 6 [Гербовник шляхты польской]. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1909.

Литература

Абдуллоев 2005 — Д. Абдуллоев. Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // В. П. Никоноров (отв. ред.). Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2005. С. 11–12.

Абдулназаров 2015 — А. А. Абдулназаров. Жизнь и творчество Нодира Шанбезода. Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2015.

БРЭ 2008 — Калесник Станислав Викентьевич // Большая российская энциклопедия (электронный ресурс). 2008. URL: https://old.bigenc.ru/geography/text/2035205 (дата обращения: 01.06.2026).

Волков 2016 — С. В. Волков. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Волков 2025 — С. В. Волков. База данных «Участники Белого движения в России» на январь 2025. Буква К. URL: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

Грюнберг, Стеблин-Каменский 1989 — А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Несколько замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко // Советская этнография. 1989. № 5. С. 35–38.

Додихудоева 2005 — Р. Додихудоева. Из истории письменности шугнанского языка. Вводные замечания // И. М. Стеблин-Каменский, Д. Карамшоев, С. Ниёзов (ред.). Языки и этнография «Крыши мира». СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 30–37.

Додыхудоева 2005 — Л. Р. Додыхудоева. Этнолингвистическая характеристика памирских языков // М. Е. Алексеев, Д. И. Эдельман, В. Ю. Гусев (ред.). Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М.: Институт языкознания РАН, 2005. С. 46–64.

Додыхудоева 2020 — Л. Р. Додыхудоева. История формирования письменности на памирских языках: разработка алфавитов // Л. Р. Додыхудоева, М. Б. Лашкарбекова (ред.). Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б. Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения» (Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 октября 2018). М.: Языки народов мира; НВИ, 2020. С. 259–283.

Дружинин (в печати) — П. А. Дружинин. Словарь советской эпохи: Неизвестные страницы филологической науки первой половины XX века. М.: Новое литературное обозрение. В печати.

Иерусалимская, Иванов 1990 — А. А. Иерусалимская, А. А. Иванов. Отдел Востока Государственного Эрмитажа // В. А. Суслов (общ. ред.). Эрмитаж. История и современность. М.: Искусство, 1990. С. 215–234.

Каландаров 2020 — Т. С. Каландаров. Из истории памирских языков: будущее начинается вчера // Вестник антропологии. 2020. Т. 50. № 2. С. 69–94.

Каландаров 2021 — Т. С. Каландаров. Первая азбука на шугнанском языке для взрослых и первые стихи молодого поэта Нодира Шамбезода // Родной язык. 2021. № 1. С. 17–29.

Каталог 2022 — Введение // А. Файзулаев (отв. ред.). Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований, 2022. С. 4–9.

Кононов, Иориш 1977 — А. Н. Кононов, И. И. Иориш. Ленинградский восточный институт: страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977.

Кринко 2022а — Е. Ф. Кринко. Город Майкоп // Электронная энциклопедия геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны (электронный ресурс). URL: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60589964 (дата обращения: 26.05.2026).

Кринко 2022б — Е. Ф. Кринко. Адыгейская автономная область // Электронная энциклопедия геноцида советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны (электронный ресурс). URL: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60586332 (дата обращения: 26.05.2026).

Лившиц 2009 — В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг. 2009. Рукопись.

ЛЭС 1990 — В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Марахонова 2008 — С. И. Марахонова. Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (по архивным данным) // Письменные памятники Востока. Т. 8. № 1. 2008. С. 21–36.

Марахонова 2010 — С. И. Марахонова. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.). По архивным материалам // Письменные памятники Востока. № 2. 2010. С. 247–263.

Масов 1985 — Р. М. Масов (отв. ред.). Очерки по истории Советского Бадахшана. 2-е изд. Душанбе: Дониш, 1985.

Медведев и др. 2013 — С. Г. Медведев, Н. А. Филиппова, С. А. Леонович. Памяти Юрия Сергеевича Балашова (25.XII.1931—28.IX.2012) // Паразитология. 2013. Т. 47. № 3. С. 185–196.

Оранский 1972 — И. М. Оранский. Древнеиранская филология и иранское языкознание // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 305–339.

Пилкин 2005 — В. К. Пилкин. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. И. В. Домнин (ред.). М.: Русский путь, 2005.

Постников 2005 — А. В. Постников. Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. 2-е изд. М.: Рипол-классик, 2005.

Розенфельд 1971 — А. З. Розенфельд. Дарвазский фольклор // Д. А. Ольдерогге (ред.). Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М.: Наука, 1971. С. 208–217.

РПЛБ 1964 — Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М.: Наука, 1964.

Рубакин 1979 — А. Рубакин. Рубакин (Лоцман книжного моря). 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1979.

РЭ — Тишнер Борис Августович // Русская Эстония (электронный ресурс). 2015–2018. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Тишнер_Борис_Августович (дата обращения: 26.05.2026).

Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.

Соколова 1973 — В. С. Соколова. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л.: Наука, 1973.

Соколова, Грюнберг 1962 — В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков // В. С. Расторгуева (ред.). Очерки по истории изучения иранских языков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 118–128.

Стеблин-Каменский 1998 — И. М. Стеблин-Каменский. Александр Леонович Грюнберг-Цветинович (1 марта 1930 — 3 марта 1995) // М. Н. Боголюбов (ред.). Страны и народы Востока. Вып. XXX: Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 5–22.

Шилов, Карнаухова 1928 — Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь [в 5 томах]. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 2: Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М.: Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928.

Эдельман 1964 — Д. И. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков // Вопросы языкознания. 1964. № 1. С. 128–133.

Янонис 2020 — О. Янонис. Сурдегский в честь Сошествия Святого Духа на апостолов мужской монастырь: историко-краеведческий справочник паломника. 2-е изд. Каунас: Технология, 2020.

ABŽ 2022 — Marija STRACHOVA // Pasaulio anykštėnų bendrija. Anykštėnų biografijų žinynas (электронный ресурс). 18.01.2022. URL: https://www.anykstenai.lt/asmenys/asm.php?id=2591 (дата обращения: 26.05.2026).

Botsch 2006 — G. Botsch. "Politische Wissenschaft" im Zweiten Weltkrieg: die "Deutschen Auslandswissenschaften" im Einsatz 1940–1945. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2006.

Botsch 2017 — G. Botsch. Wannsee-Institut // M. Fahlbusch, I. Haar, A. Pinwinkler (Hrsg.). Handbuch der völkischen Wissenschaften: Akteure, Netzwerke, Forschungsprogramme. 2. Auflage. Oldenburg: De Gruyter, 2017. S. 1688–1692.

Brentjes 1985 — B. Brentjes. Die Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG // B. Brentjes (Hrsg.). 60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften. Halle (Saale): Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1985. S. 151–72.

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. The Pamir languages // G. Windfuhr (ed.). Iranian languages. London; New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Geiger 1901 — W. Geiger. Die Pāmir-Dialekte // W. Geiger, E. Kuhn (Hrsg.). Grundriss der iranischen Philologie. Bd. I. Abt. II. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901. S. 288–334.

Kontrimavičius 2011 — T. Kontrimavičius. Prigimties skambesio ilgesys [Тоска по звукам природы] // Pasaulio anykštėnas. 2011. T. 38. Nr. 2. P. 16–19.

Korn 2019 — A. Korn. Isoglosses and subdivisions of Iranian // Journal of Historical Linguistics. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281. DOI: 10.1075/jhl.17010.kor.

Minorsky 1937 — V. Minorsky. [Review of:] Trudi Tajikistanskoy Bazi. T. iii: Linguistica. Ed. by the Academy of Sciences of the U.S.S.R // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1937. Vol. 9. No. 1. P. 257–258.

Payne 1989 — J. Payne. Pāmir languages // R. Schmitt (Hrsg.). Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. S. 417–444.

Tafażżolī 1999 — A. Tafażżolī. Fahlavīyāt // Encyclopædia Iranica (электронный ресурс). URL: https://www.iranicaonline.org/articles/fahlaviyat/ (дата обращения: 26.05.2026).

Voigt 1994 — G. Voigt. Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung: 1843–1945. Berlin: Akademie Verlag, 1994.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian // Orientalia Suecana. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

References

Abdulloyev 2005 — D. Abdulloyev. Osnovnyye vekhi zhiznennogo puti A. M. Belenitskogo [Major milestones in the life of A. M. Belenitskiy]. V. P. Nikonorov (ed.). *Tsentralnaya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kultura. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo (Sankt-Peterburg, 2–5 noyabrya 2004 goda)* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, history, ethnology, culture. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the Centenary of Aleksandr Markovich Belenitsky (St. Petersburg, November 2–5, 2004)]. St. Petersburg: Institut for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 11–12.

Abdulnazarov 2015 — A. A. Abdulnazarov. *Zhizn i tvorchestvo Nodira Shanbezoda* [The life and works of Nodir Shanbezoda]. Candidate dissertation. Dushanbe: Tajik National University, 2015.

ABŽ 2022 — Marija STRACHOVA. *Pasaulio anykštėnų bendrija. Anykštėnų biografijų žinynas.* 18.01.2022. Available at: https://www.anykstenai.lt/asmenys/asm.php?id=2591 (accessed on 26.05.2026).

Botsch 2017 — G. Botsch. Wannsee-Institut. M. Fahlbusch, I. Haar, A. Pinwinkler (Hrsg.). *Handbuch der völkischen Wissenschaften: Akteure, Netzwerke, Forschungsprogramme*. 2. Auflage. Oldenbourg: De Gruyter, 2017. S. 1688–1692.

BRE 2008 — Kalesnik Stanislav Vikentyevich. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia]. 2008. Available at: https://old.bigenc.ru/geography/text/2035205 (accessed on 01.06.2026).

Brentjes 1985 — B. Brentjes. Die Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG. B. Brentjes (Hrsg.). *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften*. Halle (Saale): Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, 1985. S. 151–72.

Dodikhudoyeva 2005 — R. Dodikhudoyeva. Iz istorii pismennosti shugnanskogo yazyka: Vvodnyye zamechaniya [From the history of the Shughni written language: Introductory remarks]. I. M. Steblin-Kamenskiy, D. Karamshoyev, S. Niyezov (eds.). *Yazyki i etnografiya «Kryshi mira»* [Languages and ethnography of the "Roof of the World"]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2005. P. 30–37.

Dodykhudoyeva 2005 — L. R. Dodykhudoyeva. Etnolingvisticheskaya kharakteristika pamirskikh yazykov [An ethnolinguistic description of the Pamir languages]. M. E. Alekseyev, D. I. Edelman, V. Yu. Gusev (eds.). *Yazykovyye soyuzy Yevrazii i etnokulturnoye vzaimodeystviye (istoriya i sovremennost)* [Linguistic areas of Eurasia and ethnocultural interaction (history and modern

times)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2005. P. 46–64.

Dodykhudoyeva 2020 — L. R. Dodykhudoyeva. Istoriya formirovaniya pismennosti na pamirskikh yazykakh: razrabotka alfavitov [The history of the Pamir writing systems: The development of alphabets]. L. R. Dodykhudoyeva, M. B. Lashkarbekova (eds.). *Iranskoye yazykoznaniye 2020. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Chteniya pamyati B. B. Lashkarbekova k 70-letiyu so dnya rozhdeniya» (Institut yazykoznaniya RAN, Moskva, 18–20 oktyabrya 2018)* [Iranian Linguistics 2020. Proceedings of the international scientific conference "Readings in memory of B. B. Lashkarbekov on the 70th anniversary of his birth" (Institute of Linguistics RAS, Moscow, October 18–20, 2018)]. M.: Yazyki narodov mira; NVI, 2020. P. 259–283.

Druzhinin (in press) — P. A. Druzhinin. *Slovar sovetskoy epokhi: Neizvestnyye stranitsy filologicheskoy nauki pervoy poloviny XX veka* [A dictionary of the Soviet period: Unknown pages of philological science in the first half of the 20th century]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. In press.

Edelman 1964 — D. I. Edelman. Sovremennoye sostoyaniye izucheniya pamirskikh yazykov [The present state of research on the Pamir languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1964. No. 1. P. 128–133.

Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. The Pamir languages. G. Windfuhr (ed.). *Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 773–786.

Geiger 1901 — W. Geiger. Die Pāmir-Dialekte. W. Geiger, E. Kuhn (Hrsg.). *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. I. Abt. II. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901. S. 288–334.

Gryunberg, Steblin-Kamenskiy 1989 — A. L. Gryunberg, I. M. Steblin-Kamenskiy. Neskolko zamechaniy po povodu otklika A. S. Davydova na statyu S. V. Cheshko [Some remarks on A. S. Davydov's response to the article by S. V. Cheshko]. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. No. 5. P. 35–38.

Iyerusalimskaya, Ivanov 1990 — A. A. Iyerusalimskaya, A. A. Ivanov. Otdel Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha [The Oriental Department of the State Hermitage Museum]. V. A. Suslov (ed.). *Ermitazh. Istoriya i sovremennost* [The Hermitage Museum. History and modern times]. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 215–234.

Kalandarov 2020 — T. S. Kalandarov. Iz istorii pamirskikh yazykov: budushcheye nachinayetsya vchera [From the history of the Pamir languages: The future begins yesterday]. *Vestnik antropologii*. 2020. Vol. 50. No. 2. P. 69–94.

Kalandarov 2021 — T. S. Kalandarov. Pervaya azbuka na shugnanskom yazyke dlya vzroslykh i pervyye stikhi molodogo poeta Nodira Shambezoda [The first Shughni primer for adults and the first poems of Nodir Shambezoda]. *Rodnoy yazyk*. 2021. No. 1. P. 17–29.

Katalog 2022 — Vvedeniye [Introduction]. A. Fayzulayev (ed.). *Katalog pamyatnikov sogdiyskoy pismennosti v Tsentralnoy Azii* [Catalogue of Sogdian writings in Central Asia]. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2022. P. 4–9.

Kontrimavičius 2011 — T. Kontrimavičius. Prigimties skambesio ilgesys [Longing for the sounds of nature]. *Pasaulio anykštėnas*. 2011. T. 38. Nr. 2. P. 16–19.

Krinko 2022a — E. F. Krinko. Gorod Maykop [The city of Maykop]. *Elektronnaya entsiklopediya genotsida sovetskogo naroda natsistami i ikh posobnikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [An electronic encyclopedia of the genocide of the Soviet citizens by the Nazis and their collaborators during the Great Patriotic War]. Available at: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60589964 (accessed on 26.05.2026).

Krinko 2022b — E. F. Krinko. Adygeyskaya avtonomnaya oblast [Adyghe Autonomous Oblast]. *Elektronnaya entsiklopediya genotsida sovetskogo naroda natsistami i ikh posobnikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [An electronic encyclopedia of the genocide of the Soviet citizens by the Nazis and their collaborators during the Great Patriotic War]. Available at: https://эг.безсрокадавности.рф/article/60586332 (accessed on 26.05.2026).

Kononov, Iorish 1977 — A. N. Kononov, I. I. Iorish. *Leningradskiy vostochnyy institut: stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya* [The Leningrad Oriental Institute: A page in the history of Soviet Oriental studies]. Moscow: Nauka, 1977.

Korn 2019 — A. Korn. Isoglosses and subdivisions of Iranian. *Journal of Historical Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281. DOI: 10.1075/jhl.17010.kor.

Kudryavtseva 2015 — *Blokada Leningrada. Evakuatsiya* [Siege of Leningrad. Evacuation] Project leader: T. A. Kudryavtseva. Available at: https://evacuation.spbarchives.ru/card?cardRecordId=3771556 (accessed on 26.05.2026).

LES 1990 — V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

Livshits 2009 — V. A. Livshits. *Sogdiyskiye dokumenty s gory Mug* [The documents from Mount Mugh]. 2009. Manuscript.

Marakhonova 2008 — S. I. Marakhonova. Institut vostokovedeniya AN SSSR v Leningrade v gody voyny i blokady (po arkhivnym dannym) [The Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR in Leningrad during the war and blockade]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka*. T. 8. No. 1. 2008. P. 21–36.

Marakhonova 2010 — S. I. Marakhonova. Deyatelnost Instituta vostokovedeniya AN SSSR v evakuatsii (Tashkent, 1942–1945 gg.). Po arkhivnym materialam [The activities of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR during evacuation (Tashkent, 1942–1945)]. *Pismennyye pamyatniki Vostoka*. No. 2. 2010. P. 247–263.

Masov 1985 — R. M. Masov (ed.). *Ocherki po istorii Sovetskogo Badakhshana* [Essays on the history of Soviet Badakhshan]. 2nd edn. Dushanbe: Donish, 1985.

Medvedev et al. 2013 — S. G. Medvedev, N. A. Filippova, S. A. Leonovich. Pamyati Yuriya Sergeyevicha Balashova (25.XII.1931—28.IX.2012) [In memory of Yuriy Sergeyevich Balashov (December 25, 1931—September 28, 2012)]. *Parazitologiya*. 2013. Vol. 47. No. 3. P. 185–196.

Minorsky 1937 — V. Minorsky. [Review of:] Trudȟ Tajikistanskoy Bazȟ. T. iii: Linguistica. Ed. by the Academy of Sciences of the U.S.S.R. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*. 1937. Vol. 9. No. 1. P. 257–258.

Oranskiy 1972 — I. M. Oranskiy. Drevneiranskaya filologiya i iranskoye yazykoznaniye. *Aziatskiy muzey — Leningradskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [The Asiatic Museum — The Leningrad Branch of the Institute for Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka, 1972. P. 305–339.

Payne 1989 — J. Payne. Pāmir languages. R. Schmitt (Hrsg.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. S. 417–444.

Pilkin 2005 — V. K. Pilkin. *V Beloy borbe na Severo-Zapade: Dnevnik 1918–1920* [In the White movement in the Northwest: Diary 1918–1920]. I. V. Domnin (ed.). M.: Russkiy put, 2005.

Postnikov 2005 — A. V. Postnikov. *Skhvatka na «Kryshe mira»: Politiki, razvedchiki, geografy v borbe za Pamir v XIX veke* [Battle on the "Roof of the World". Politicians, intelligence officers, geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century]. 2nd edn. Moscow: Ripol-klassik, 2005.

RE — Tishner Boris Avgustovich. *Russkaya Estoniya* [Russian Estonia]. 2015–2018. Available at: http://russianestonia.eu/index.php?title=Тишнер_Борис_Августович (accessed on 26.05.2026).

Rozenfeld 1971 — A. Z. Rozenfeld. Darvazskiy folklor [Darvaz folklore]. D. A. Olderogge (ed.). *Strany i narody Vostoka. Vyp. X: Srednyaya i Tsentralnaya Aziya. Geografiya, etnografiya, istoriya* [Countries and peoples of the East. Iss. 10: Middle and Central Asia. Geography, ethnography, history]. Moscow: Nauka, 1971. P. 208–217.

Shilov, Karnaukhova 1928 — *Figures of the Revolutionary Movement in Russia: A Bio-bibliographical Dictionary [in 5 volumes]*. From the Decembrists' predecessors to the fall of the tsarist regime. Vol. 1: From the Decembrists' predecessors to the end of 'Narodnaya Volya'. Part 2: The 1860s / compiled by A. A. Shilov and M. G. Karnaukhova. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Convicts and Exiles, 1928.

Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shugnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations between Yazghulami and the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.

Sokolova 1973 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya mundzhanskogo yazyka i shugnano-yazgulyamskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations between Munji and the Shughni-Yazghulami language group]. Leningrad: Nauka, 1973.Sokolova, Gryunberg 1962 — V. S. Sokolova, A. L. Gryunberg.

Istoriya izucheniya bespismennykh iranskikh yazykov [The history of research on unwritten Iranian languages]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Ocherki po istorii izucheniya iranskikh yazykov* [Essays on the history of research on Iranian languages]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. P. 118–128.

Steblin-Kamenskiy 1998 — I. M. Steblin-Kamenskiy. Aleksandr Leonovich Gryunberg-Tsvetinovich (1 marta 1930 — 3 marta 1995) [Aleksandr Leonovich Grünberg-Tsvetinovich (March 1, 1930 — March 3, 1995)]. M. N. Bogolyubov (ed.). *Strany i narody Vostoka. Vyp. XXX: Tsentralnaya Aziya. Vostochnyy Gindukush* [Countries and peoples of the East. Iss. 30: Central Asia. Eastern Hindu Kush]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1998. P. 5–22.

Tafażżolī 1999 — A. Tafażżolī. Fahlavīyāt. *Encyclopædia Iranica*. Available at: https://www.iranicaonline.org/articles/fahlaviyat/ (accessed on 26.05.2026).

Voigt 1994 — G. Voigt. *Rußland in der deutschen Geschichtsschreibung: 1843–1945*. Berlin: Akademie Verlag, 1994.

Volkov 2016 — S. V. Volkov. *Vyssheye chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar* [The highest officials of the Russian Empire. Concise dictionary]. Moscow: Russian Foundation for Support of Education and Science, 2016.

Volkov 2025 — S. V. Volkov. *'Participants in the White Movement in Russia' database as at January 2025. Letter K*. Available at: https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf (accessed on 26.05.2026).

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The position of the Pamir languages within East Iranian. *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Yanonis 2020 — O. Yanonis. *Surdegskiy v chest Soshestviya Svyatogo Dukha na apostolov muzhskoy monastyr: istoriko-krayevedcheskiy spravochnik palomnika* [Surdegis Monastery of the Holy Spirit: local history handbook for pilgrims]. 2-e izd. Kaunas: Tekhnologiya, 2020.

Получено/received 25.03.2026 *Принято/accepted 01.07.2026*

[Рецензия на:] **Axel I. Palmér.** ***Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian.*** xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025. ISBN: 9789004730533.

А. А. Трофимов

Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
artemii.trofimov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8926-2925

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0008, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Для цитирования: Трофимов А. А. [Рецензия на:] A. Palmér. Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian. Leiden: Brill, 2025 // Индоиранские языки. 2026. 2 (2). С. 198–219.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.7

[Review of:] **Axel I. Palmér.** ***Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian.*** xv+334 pp. Leiden: Brill, 2025. ISBN: 9789004730533.

Artem A. Trofimov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
artemii.trofimov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8926-2925

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the FMNE-2025-0008 project, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Trofimov A. A. [Review of:] A. Palmér. Indo-Slavic Lexical Isoglosses and the Prehistoric Dispersal of Indo-Iranian. Leiden: Brill, 2025. *Indo-Iranian Languages*. 2026. 2 (2). P. 198–219.

DOI: 10.30842/30346800.2026.2.2.7

© А. А. Трофимов, 2026

Монография шведского исследователя Акселя Палмера посвящена изучению места индоиранских языков среди языков индоевропейской семьи, или — поскольку автор принимает индо-хеттскую гипотезу и считает, что второй отделившейся ветвью является тохарская — точнее было бы говорить об определении места индоиранских среди узкоиндоевропейских языков (англ. Core Indo-European) — общности, которая сформировалась после отделения тохарской ветви. Стоит отметить, что на протяжении последних двух столетий предлагались различные варианты внутреннего членения узкоиндоевропейской общности, но относительно ни одной из гипотез нет консенсуса. Общее мнение признает только выделение индоиранских языков. Кроме того, бóльшая часть исследователей предполагает существование балто-славянской общности (однако начиная со времен Бодуэна де Куртенэ и Антуана Мейе высказывались и сомнения). Относительно существования итало-кельтской или греко-армянской общности намного чаще раздаются голоса скептиков. Тем самым гипотезы о наличии более крупных подгрупп, объединяющих отдельные группы индоевропейских языков (например, германскую, кельтскую, италийскую, греческую и т. д.), не стали общепринятыми в научном сообществе (исключение в этом отношении составляют индоиранские языки). Данное обстоятельство делает актуальным обращение автора к проблеме.

Далее будут кратко обрисованы структура рецензируемой работы и выводы автора, а затем будут высказаны критические замечания как об общей концепции работы, так и о частных проблемах.

В первой главе после небольшого рассуждения о значении сравнительно-исторического языкознания формулируется цель монографии — составить корпус индо-ирано-балто-славянских изоглосс и оценить их как свидетельство в пользу существования индо-славянской подгруппы (с. 3). Затем автор переходит к рассмотрению состояния вопроса и выделяет три конкурирующие гипотезы о положении индоиранских языков среди индоевропейских: греко-арийская гипотеза (индоиранские, греческий и армянский составляют подгруппу внутри узкоиндоевропейских языков), гипотеза первоначального отделения (индоиранский язык первым отделился от узкоиндоевропейских языков, англ. «Primary Split») и индо-славянская гипотеза (индоиранские и балто-славянские языки составляют под-

группу) (с. 11). Любопытно отметить, что на диаграмме, отображающей историографию вопроса, работы, рассматривающие ту или иную гипотезу, распределены неравномерно: наибольшее количество опубликовано в 1850–1860-е гг., а возобновление дискуссии происходит уже в последнее время (с. 11). При этом единственной публикацией XX в., посвященной доказательству индо-славянской гипотезы, является монография ученика Г. Хирта — Г. Арнтца [Arntz 1933].

А. Палмер кратко рассматривает сатемизацию и «правило руки» как возможные аргументы при установлении крупных подгрупп в составе индоевропейской семьи и приходит к выводу о том, что данные параметры не могут служить убедительными доводами в пользу определенного членения индоевропейских языков и в том числе не могут рассматриваться как свидетельство в пользу существования индо-славянской подгруппы (с. 11–15). В заключение автор обосновывает необходимость полного рассмотрения всех индо-ирано-балто-славянских лексических изоглосс и формулирует основной вопрос исследования следующим образом: «Доказывают ли лексические изоглоссы, общие для индоиранских и балто-славянских языков, существование индо-славянской подгруппы внутри узкоиндоевропейских языков?» (с. 16)[1].

Отметим, что А. Палмер не описывает уже известную классификацию языков в составе индоиранской и балто-славянской общностей (а также отдельно арийских, иранских, балтийских и славянских языков) и не дает своей хронологической оценки праиндоиранского, прабалтославянского языков и групп в их составе. Кроме того, во всей монографии, насколько можно судить, ни разу не упоминаются дардские и нуристанские языки в связи с проблемой их отношения к иранским, арийским и к реконструируемому с XIX в. праиндоиранскому языку.

К более существенному упущению можно отнести отсутствие упоминания балто-славянской проблемы. В этом отношении автор не отличается от исследователей XIX в., которые оперировали термином «балто-славянский», считая его само собой разумеющимся. Тем не менее в начале XX в. были высказаны сомнения в существовании балто-славянской общности [Meillet 1908; Эндзелин 1911; Бернштейн 1961; Klimas 1967; 1973].

[1] «Do the lexical isoglosses shared by Indo-Iranian and Balto-Slavic support an Indo-Slavic subgroup within Core Indo-European?» (с. 16).

Указание на балто-славянскую проблему в контексте исследования А. Палмера имеет не только историографическую важность. Как можно заметить из дальнейшего изложения, в трех из пяти самых надежных приводимых в разделе 3.2 изоглосс в строке «Slavic» стоит прочерк. Кроме того, наблюдается больше изоглосс, засвидетельствованных одновременно в индоарийских и иранских языках и только в одной из ветвей, составляющей балто-славянскую общность, балтийской или славянской, но не наоборот; автор объясняет данное обстоятельство более поздней фиксацией балтийских и славянских языков и лексическими заменами в них (с. 214–215). Оппоненты существования балто-славянской общности могли бы объяснять этот факт другим образом, а именно отсутствием более тесного родства балтийских и славянских языков, и автору стоило бы рассмотреть и такой сценарий.

Во второй главе А. Палмер рассматривает теорию и методологию. В разделе 2.2 он упоминает А. Шлейхера как первого исследователя, составившего древо индоевропейских языков с такими крупными узлами, как славяно-германский (славянские, балтийские и германские языки) и арио-греко-итало-кельтский с дальнейшим членением на арийский (индоиранский) и греко-итало-кельтский, а также И. Шмидта как автора теории волн. В подразделе 2.2.1 описывается основной для подобных исследований принцип общих инноваций, а также анализируются проблемы, связанные с его применением при невозможности надежно определить предковое (или исходное) состояние «признака»[2] (англ. «the ancestral state of a character») при изучении языковых изменений. В кратком подразделе 2.2.2 обсуждается проблема веса разного рода инноваций (морфологических, фонетических и синтаксических), отмечаются их сильные и уязвимые стороны, а в более обстоятельном подразделе 2.2.3 рассматривается использование лексических инноваций в качестве аргументов при установлении генетической классификации. Автор разделяет лексические «признаки» на два типа — этимоны, т. е. (пра)формы, и семантические концепты — и указывает

[2] Термин заимствован из биологической кладистики; при переводе англ. «character», употребляемого автором в таком значении, он приводится в кавычках.

на проблемы, связанные с оперированием данными единицами при исследовательской работе.

При рассмотрении этимонов проблему составляет сложность идентифицируемости (англ. identifiability), т. е. невозможность в ряде случаев узнать параметры предкового состояния. Так, при отсутствии того или иного этимона в языке бывает невозможно однозначно установить, был ли он утрачен в нем или никогда не существовал. Использование семантических концептов, по мнению автора, возможно только при изучении базисной лексики и также может сталкиваться с проблемой идентифицируемости, так как не всегда удается установить, существовал ли концепт (или выражающее его лексическое средство) в праязыке. В работах, авторы которых оперируют списком Сводеша или подобными списками базовой лексики, такой подход допустим, но при рассмотрении всех наличествующих между языками параллелей он затруднителен. По этой причине А. Палмер прибегает к изучению этимонов, которые он делит на четыре подтипа в зависимости от соотношения с предковым состоянием:

1) корневые изоглоссы (в формах сравниваемых языков общим является только корень, не представленный в предковом состоянии);
2) именные и глагольные дериваты (формы образованы от известного предкового корня одним способом в сравниваемых языках);
3) семантические изоглоссы (лексемы в сравниваемых языках имеют одинаковое значение при отличном значении в других родственных языках и праязыке);
4) заимствования (предполагаются на основании нерегулярных соответствий между сравниваемыми формами или нарушения праиндоевропейской фонотактики).

Далее автор указывает некоторые преимущества лексических схождений при изучении лингвистической филогении: они могут быть заметнее по причине большого количества дискретных единиц — лексем. Лексика «косвенно охватывает деривационную морфологию и может выявлять инновационные словообразовательные модели» (с. 25)[3]. Наконец, она отражает условия жизни носителей, что помо-

[3] «…Indirectly encompasses derivational morphology and might reveal innovative patterns of derivation» (с. 25).

гает устанавливать, где и в какой период был распространен язык при сопоставлении с данными археологии и генетики (с. 25).

Подраздел 2.2.4 посвящен проблеме необходимого для обоснования существования подгруппы количества лексических изоглосс. Автор заключает, что точное их количество установить невозможно. В подразделе 2.2.5 он справедливо отмечает, что по традиции многие исследователи считают праиндоевропейским любой этимон, потомки которого засвидетельствованы в индоиранских языках одновременно с какой-либо другой группой (например, италийской, германской или славянской). Это обстоятельство действительно затрудняет определение положения индоиранских среди индоевропейских языков. Разделы 2.3–2.5 содержат обсуждение предложенных различными исследователями моделей диалектного членения индоевропейских языков и метода лингвистической палеонтологии.

Третья глава является в монографии центральной. В ней автор анализирует корпус индо-славянских изоглосс, сопровождая их комментариями. Для каждой изоглоссы учитываются четыре параметра (с. 46): индо-славянская исключительность (со значениями «да», «нет», «неясно»), надежность этимологии (надежная, сомнительная, отвергаемая этимология), степень надежности общей инновации (правдоподобная, возможная, отвергаемая инновация) и тип рассматриваемых лексических единиц (заимствование, именная или глагольная деривация, корневая или семантическая изоглосса).

За небольшим предисловием (раздел 3.1) следуют подразделы 3.2–3.5, в которых последовательно рассматриваются 5 правдоподобных (plausible) изоглосс, 50 возможных (possible) общих инноваций, 42 сомнительных (uncertain) изоглоссы и 83 отвергнутых (rejected) сопоставления. Пять правдоподобных изоглосс, которые выделяет А. Палмер, включают: **ǵʰos-to-* ‘рука’, **h₂eǵ-* ‘коза’, **h₂eǵ-ino-* ‘кожа (козы)’, **neih₁-* ‘сбивать (масло)’, **som* ‘вместе, с’.

В четвертой главе проведен анализ представленного корпуса. На диаграмме (с. 215) представлена стратификация изоглосс в зависимости от того, в каких группах они встречаются.

Подраздел 4.3.1 посвящен рассмотрению общих заимствований. Согласно автору, только одно заимствование относится к правдоподобным изоглоссам — **h₂eǵ-* ‘коза’. Лексемы **dʰoH-neh₂-* ‘зерна’, **uolo-* ‘конский хвост’ лишь предположительно могут быть заимствованиями.

В разделе 4.4 автор распределяет рассмотренные изоглоссы по семантическим полям, выделяя следующие: земледелие, производство молочных продуктов, скотоводство, части тела, цвета́, магия и религия.

Далее в разделе 4.5 рассматриваются неуникальные индо-славянские изоглоссы, связывающие индоиранские, балтийские и славянские языки также с албанским, армянским, кельтскими, германскими, греческим, италийскими и тохарскими языками (подразделы 4.5.1–4.5.7). В разделе 4.6 А. Палмер оценивает количество и качество выделенных индо-славянских изоглосс. В разделе 4.7 обсуждаются альтернативные гипотезы о положении индоарийских языков среди узкоиндоевропейских. В заключение А. Палмер, хотя и с оговорками, утвердительно отвечает на основной вопрос исследования — он полагает, что индо-славянская подгруппа существовала, а как греко-арийская гипотеза, так и гипотеза о первоначальном отделении индоиранских языков среди узкоиндоевропейских должны быть отвергнуты.

Пятая глава посвящена сопоставлению полученных результатов с данными археологии и генетики.

Как представляется, даже оценка А. Палмером количества правдоподобных общих инноваций сомнительна. Рассмотрим подробно пять этимологий, признанных автором наиболее показательными.

- ****ǵʰos-to-*** ‘рука’ (подраздел 3.2.1)

Первое, что следует отметить — рефлексы данной формы являются основными обозначениями ‘руки’ (англ. «hand») в индоарийских и иранских языках, а в литовском слово *žãstas* в основном обозначает ‘brachium’ (англ. «arm»), на такую семантику указывает и производное лит. *pažastìs* ‘подмышка’. Данное обстоятельство указывает на то, что основа **ǵʰos-to-* в предке литовского языка могла использоваться для указания на верхнюю часть руки (при этом существовало и обозначение руки в значении англ. «hand»), а затем уже в балтийских и славянских языках утратилось противопоставление manus ~ brachium и стало использоваться единое слово для обозначения руки. Это свидетельствует о том, что в индоиранских и балтийских языках потомки **ǵʰos-to-* могли соответствовать различным семантическим концептам, что ослабляет приводимую изоглоссу.

С другой стороны, опираясь на редкое значение лит. *žãstas* ‘кисть’, можно представить и противоположный сценарий: в балтийских язы-

ках рефлекс **ǵʰos-to-* имел значение ‘рука’ (англ. «hand»), а затем в результате лексического сдвига стал обозначать верхнюю часть руки.

Существует и еще одна трактовка. Возможно, что основа **ǵʰos-to-* значила ‘кисть’, ‘ладонь’ или ‘горсть’ в праязыке (как минимум узкоиндоевропейском). При перестройке системы обозначений руки эта основа закрепилась в качестве основного обозначения руки (англ. «hand») в индоиранских языках (обозначением верхней части руки при этом стали др.-инд. *bāhú-*, авест. *bāzu-* ‘верхняя часть руки, brachium’), а в славянских и балтийских языках осталась на периферии.

Однако самое главное препятствие для признания индо-славянской изоглоссы **ǵʰos-to-* ‘рука’ состоит в том, что ее когнатом может быть др.-греч. ἀγοστός ‘ладонь; верхняя часть руки’. Безусловно, в древнегреческой форме ἀγοστός наблюдается незакономерный гуттуральный (ср. др.-греч. χείρ f. ‘рука’ < **ǵʰes-r*) и неясен начальный элемент ἀ-, но близость семантики с лит. *žãstas* ‘верхняя часть руки, brachium; *диал.* кисть; *техн.* плечо’ позволяет предположить, что **ǵʰos-to-* со сходным значением существовало в прагреческом языке, но затем подверглось нерегулярным фонетическим изменениям, возможно, под влиянием глагола ἀγείρω ‘собирать’ [Hamp 1981].

Предложенные выше рассуждения показывают, что сравнение слов со значением ‘рука’ в индоиранских и ‘brachium’/‘кисть’ в литовском не позволяют легко установить изоглоссу **ǵʰos-to-* ‘hand’, предлагаемую А. Палмером. Требуется более подробная формальная и семантическая реконструкция всех концептов, обозначающих руку и ее части, в праиндоевропейском и исследуемых языках. В славянских языках, вопреки мнению А. Палмера, который считает праслав. **gôstь* m. ‘гость’[4] германским заимствованием, поскольку праслав. **g-* не может отражать и.-е. **ǵʰ-* (с. 47), **ǵʰos-t-* дало бы именно **gost-*, а не **źost-*, по правилу А. Мейе [1951: 24–25], ср. рус. *гусь* ~ лит. *žąsìs*.

- ****h₂eǵ-*** ‘коза’ (подраздел 3.2.2)

Исходя из существования авестийского прилагательного *izaēna-* ‘кожаный’ и других родственных слов в иранских языках, вариант корня **h₂eǵ-* действительно заменил в них первоначальный **h₂eiǵ-*.

[4] Обсуждение данной основы возникает в связи с интересной, но достаточно спекулятивной этимологией С. Нери [Neri 2013], согласно которой лат. *hostis* m. ‘враг; чужеземец’ восходит к **ǵʰos-ti-* ‘тот, кто находится в руке (т. е. под защитой)’.

Тем не менее в том случае, если речь идет, как предполагает А. Палмер, о повторном заимствовании, не могло ли это слово заимствоваться независимо в отдельные группы, с учетом простой фонетической структуры основы? Данное подозрение подкрепляется тем, что это единственное слово из списка в несколько десятков, являющееся предполагаемым заимствованием из неизвестного источника.

Если даже **$h_2eǵ$-* ‘коза’ не является заимствованием, не могло ли оно появиться в результате ассоциации с корнем **$h_2eǵ$-* ‘гнать’, а не быть образованным непосредственно от него, как иногда считалось? [EWA, I: 51].

Тем не менее формально изоглосса должна быть признана.

- ****$h_2eǵ$-ino-*** ‘кожа (козы)’ (подраздел 3.2.3)

Производное **$h_2eǵ$-ino-* формально также является приемлемой изоглоссой. Стоит только указать на тот факт, что суффикс вида **ьn* отмечен в праслав. **govьno* ‘экскременты’, что свидетельствует о его распространении в славянских дериватах от обозначений животных.

- ****neih$_1$-*** ‘взбивать (масло)’ (подраздел 3.2.4)

Четвертый пример представляется наименее убедительным. Из широкого списка балто-славянских языков представлены только латышские соответствия, причем речь идет о достаточно редком глаголе не в основном значении и производных данного глагола. Форма *panīnas* ‘пахта’ взята, по всей видимости, из словаря К. Мюленбаха и Я. Эндзелина [ME, III: 77]. В современном литературном латышском обычно употребляется форма *panīņas*.

Создается впечатление, что латышский глагол в таком значении и его производные — собственно латышская инновация относительно недавнего времени. На это в особенности указывает тот факт, что перевод ‘взбивать (масло)’, в частности, в уже процитированном словаре приводится не для глагола *nīt*, который сам по себе переводится ‘производить круговые движения’ (‘eine kreisende Bewegung machen’), а для словосочетания *sviestu nīt* ‘взбивать масло’, буквально ‘крутить масло’ [ME, II: 748].

Более того, Г. Кронен в недавно опубликованной статье предложил реконструировать прагерманскую основу **nīþla/ō(n)-* на основании сравнения эльзасск. нем. *Nidle* m.(/f.), швейц. нем. *Nidel* m.(/f.) ‘(взби-

тые) сливки, слой сливок на сыром молоке’, зенслердойч *Nydla* f. ‘то же’, валлисск. *Niidla* f. ‘сливки’ [Kroonen 2026: 399–400]. Исследователь также приводит ладинские формы, которые могут восходить к прероманскому кельтскому **nīta-* с тем же значением [Ibid.: 399].

Поскольку этимология швейцарских и ладинских форм кажется достаточно убедительной, есть все основания считать данный пример нерелевантным — производные со значением ‘масло’, ‘сливки’ и под. от корня **neih₁-* встречаются в отдельных индоарийских, иранских, латышском и в некоторых германских; с большой долей вероятности они встречались в кельтских языках. Это исключает предположение об индо-славянской изоглоссе.

Ввиду всех высказанных соображений данная общая инновация должна быть отклонена.

- ****som*** ‘вместе, с’ (подраздел 3.2.5)

В индоиранских и балто-славянских языках действительно употребляются родственные друг другу приставки со значением ‘вместе, с’, но вопрос вызывает вес этой параллели.

Во-первых, и это признает сам А. Палмер, индийские и иранские формы могут вообще теоретически восходить к **sem-*. Реконструкцию **som-* в индоиранских автор обосновывает только семантическим и функциональным сходством с формами в балтийских и славянских языках.

Тем не менее любопытно было бы указать не только на эту параллель, но и на некоторые конкретные приставочные реализации, устроенные сходным образом в индоиранских, балтийских и славянских языках. А. Палмер отмечает только параллель др.-инд. *samdhā́-* ‘соглашение, обещание’ ~ лит. *samdà* f., *sam̃das* m. ‘аренда, наем, наемные работники, слуги, семья’ ~ праслав. **sǫdъ* ‘суд, судебное разбирательство, судебный приговор’ в дальнейшем изложении (с. 104–105). Можно отметить, помимо этого, такие структурно близкие параллели, как рус. *супротив* ~ др.-инд. *saṃpratí-* ‘находящийся прямо напротив; прямой, точный и т. д.’, рус. *сосед*/*сусед*, праслав. **sъsědъ*/**sǫsědъ* ~ др.-инд. *saṃsád-*(*-d-*) f. ‘собрание, общество, двор князя, судилище’, *saṃsāda-* m. ‘общество, компания’ [ЭСРЯ, III: 726].

Также можно отметить, что соответствия приставок наблюдаются и между другими парами или группами индоевропейских языков.

Например, лат. **kom-* этимологически соответствует прагерм. **ga-* в качестве приставки, ср. лат. *commūnis*, *-e* ‘общий’ ~ готск. *gamains* ‘общий’. Др.-инд. *su-* соответствует др.-греч. εὐ, ср. др.-инд. *su-mánas-* ‘благосклонный’ ~ др.-греч. εὐ-μενής ‘благосклонный, милостивый, доброжелательный’.

Представляется, что сходное устройство образований такого рода указывает скорее на их ареальный характер. Высказанные соображения заставляют усомниться и в пятой изоглоссе.

Подведем итоги: две изоглоссы, отнесенные к правдоподобным, стоит отвести, одна сомнительна, а две оставшиеся, которые могут считаться общими инновациями, образованы от одного корня. Представляется маловероятным, что такое количество надежных изоглосс может указывать на существование индо-славянской общности.

Корпус менее надежных соответствий между индоиранскими и балто-славянскими языками достаточно внушителен (50 соответствий). Тем не менее, как справедливо указывает сам А. Палмер, невозможность в каждом случае установить инновационный характер сближений обесценивает количество анализируемых соответствий (они могут быть по большей части архаизмами или случаями параллельного развития и в таком случае ничего не доказывают). Соответственно, нет достаточных оснований на том материале, который приводит автор, говорить об индо-славянской подгруппе.

Чем же обусловлен тот факт, что автор, книга которого в целом является серьезным качественным исследованием, отвечает на поставленный в начале основной вопрос так неубедительно?

Представляется, что проблема заключается в общем методологическом кризисе. Тот факт, что для прояснения членения языковой семьи нужно исследовать общие инновации, стал ясен в XIX в. Однако с тех пор не было выработано единого алгоритма оценки имеющихся изоглосс и не было установлено, какое их количество и какие качественные параметры необходимы, чтобы со всей уверенностью утверждать, что языки, между которыми наблюдаются схождения, были признаны восходящими к той или иной подгруппе. Не пытается разработать новую процедуру или значительно обновить старую и А. Палмер. Кроме того, еще сильнее трактовка полученных им результатов страдает от того, что он не тестирует всерьез альтернативные гипотезы (скажем, было бы интересно понять, сколько

германо-балто-славянских изоглосс он отнес бы при детальном рассмотрении к правдоподобным). Вместо этого в разделе 4.7 он рассуждает о греко-арийской и других альтернативных гипотезах в следующем духе: индо-славянские основы *$ǵ^{h}os$-*to*- ‘рука’ и *$h_2eǵ$- ‘коза’ не имеют параллелей в греческом и армянском (в последних наблюдаются соответствующие архаизмы *$ǵ^{h}es$-*r*- ‘рука’ и *$h_2eiǵ$- ‘коза’), поэтому греко-арийская гипотеза в ее сильном виде несостоятельна (с. 234). Как кажется, в данном случае речь идет о циркулярной логике: если обращать внимание только на выделенные изоглоссы, их нельзя будет обнаружить в других группах (именно по этой причине они были признаны изоглоссами в том числе А. Палмером). Независимым тестом было бы сравнение предполагаемых изоглосс с другими установленными греко-арийскими или германо-балто-славянскими изоглоссами на предмет их количества и весомости. В этом смысле раздел 4.7 наименее убедителен в рецензируемой монографии.

Последовательно использовать лексические изоглоссы для определения степени родства языков исследователи начали несколько позже изоглосс фонетических и морфологических. При этом появились такие работы в этой области, как [Porzig 1954; Порциг 1964], в которой были перечислены по существу основные лексические параллели, в том числе инновационного характера, между многими группами индоевропейских языков. В отношении установления самих изоглосс эта работа по большей части не устарела и является образцом подобных исследований (безусловно, В. Порциг называет в каждом случае только наиболее характерные лексические изоглоссы). При этом автор не приходит к каким-либо однозначным позитивным результатам в отношении деления праиндоевропейского на подгруппы. Он рассуждает только о диалектных группах, которые могут быть установлены при использовании таких методов исследования. К отрицательному результату относительно существования греко-армянской языковой общности приходит и Дж. Клэксон, который в своем образцовом исследовании проанализировал греко-армянские изоглоссы [Clackson 1994: 199–202]. Действительно, при ближайшем рассмотрении те изоглоссы, которые установлены исследователями, чаще всего не являются настолько многочисленными и яркими, чтобы на их основании можно было вести речь о выделении подгрупп на интуитивном уровне. Исключением являются балто-славянские языки, которые без

дополнительных аргументов считались исследователями подгруппой на протяжении всего XIX в.

С. А. Старостин [2007] обоснованно утверждал, что невозможно доказать отсутствие родства языков между собой. Он, безусловно, прав в своих теоретических рассуждениях, поскольку два языка могут разойтись в ходе своего исторического развития настолько, что исследователю не удастся найти и однозначно проинтерпретировать родственные элементы. В связи с этим встает вопрос: можно ли верифицировать предположения о членении уже установленных языковых семей на крупные подгруппы и доказать отсутствие более тесного родства между ними в составе предполагаемой подгруппы?

Поскольку вопрос о наличии той или иной более крупной подгруппы есть одновременно вопрос о еще одном узле на древе индоевропейских (или других) языков, полным ответом на него может быть попытка реконструкции этого узла, проведенная по правилам сравнительно-исторического языкознания. Если на пути того, кто попробует провести эту реконструкцию последовательно, возникают неустранимые препятствия или достоверная часть реконструкции полностью совпадет с праиндоевропейской (или другой), необходимо признать нецелесообразность выделения подгруппы. В отличие от двух произвольно взятых языков для языков некоторых групп известны в той или иной степени два состояния, например для группы славянских языков известны праиндоевропейское и праславянское состояния. Тем самым при реконструкции промежуточного состояния есть возможность оценить, отвечает ли реконструкция подобного узла непротиворечиво более древнему и более новому этапу развития, которые уже были реконструированы.

Здесь можно отметить, что все праформы, которые приводятся А. Палмером, не отличаются от (поздне-)праиндоевропейских, что не является свидетельством в пользу праиндославянского. Кроме того, при последовательной реконструкции праиндославянского необходимо будет получить непротиворечивую праформу в таких случаях, как, например, др.-инд. *hŕ̥d-* ~ авест. *zərəd-* ~ лит. *širdìs* ~ праслав. **sьrdьce* ‘сердце’ (звонкие придыхательные гуттуральные в языке-предке индоиранских против глухих в балтийских и славянских).

Представляется, что в действительности узкоиндоевропейские языки могли сразу разделиться на известные подгруппы, а затем в за-

висимости от миграций взаимодействовали сначала с одними, а потом с другими родственными языками. Например, носители славянских и балтийских языков сначала могли переселяться вместе с носителями индоиранских, поэтому появился пласт индо-славянских изоглосс, а затем балты и славяне сменили направление и переместились западнее, в связи с чем можно установить ряд изоглосс с «западными» языками (германскими, италийскими, кельтскими). Индоиранские же языки могли в тот или иной период своей истории вступить в контакт с греческим и армянским, что объясняет наличие греко-армяно-арийских изоглосс. Если распад индоевропейцев сразу на десяток групп может показаться неправдоподобным, стоит указать на возможность одной значительной миграции сразу большого числа племен на значительной территории с последующим разделением на группы (можно рассуждать, как этот процесс соотносится с одомашниванием лошади и изобретением колеса, в любом случае такие изобретения значительно ускорили бы процесс расселения).

Что касается археологических и генетических соображений, проблема привлечения таких данных заключается в том, что соответствие наших сопоставлений реальной картине оказывается приблизительным. Например, носители фатьяновской культуры действительно были с большой вероятностью индоевропейцами, но невозможно установить точно, на какой конкретно стадии языкового развития. В конце концов, огромный размер ареала этой археологической культуры позволяет расположить на ее территории предположительно десятки языков нескольких языковых групп. Кроме того, соотнесение хронологии археологических культур с хронологией языковых групп было бы более убедительным, если бы существовала процедура точного абсолютного датирования праязыков. Рассуждения же в духе «древнейшие тексты на индоиранских языках можно датировать 1500 г. до н. э.» и «так как они так лингвистически сходны, распад индоиранской общности не мог произойти задолго до этого времени» (с. 245)[5] представляют собой не научную датировку, а лишь предположительную оценку. Может быть, распад произошел за 500 лет (как

[5] «The dating of the earliest Old Indo-Iranian texts implies a *terminus ante quem* for Proto-Indo-Iranian around 1500bce at the latest. Since the Rigvedic and Gāthic Avestan texts are so similar linguistically, the split cannot have been too long before this date» (c. 245).

предполагает А. Палмер), но что мешало ему произойти за 800 или 1000 лет до появления текста Ригведы и митаннийского арийского? В связи с этим данные, содержащиеся в пятой главе, интересны, и автор делает ряд свежих наблюдений. Однако соотнесение археологических культур с индо-славянской общностью можно обсуждать только после строгого доказательства ее существования.

В заключение приведем краткие комментарии к отдельным этимологиям из разделов 3.2 и 3.3.

- ****bʰrodʰ-no-*** ‘(бледная) масть лошади’ (подраздел 3.3.2)

Сопоставление праслав. **bronъ* ‘светлый, белый и т. д.’ с др.-инд. *bradhná-* ‘красноватый, желтый’ было предложено еще в XIX в. Тем не менее даже при принятии данной этимологии представляется маловероятным, что указание на масть присутствовало уже на праязыковом уровне. Согласно мнению А. Е. Аникина, «ввиду *броне́ть*° II—III, *брене́ть*° II—III, *брыне́ть*° II и др. можно предположить различные варианты и.-е. цветообозначения **bher-*, а именно, **bhro-no-* (праслав. **bronъ*) наряду с **bhren-*, **bhroun-*, **bhrūn-* и корневое родство с ср.-в.-нем. *brūn*, др.-в.-нем. *brūn*, нем. *braun* ‘коричневый’ (герм. **brūna-* < и.-е. **bhrū-no-*)» [РЭС, 4: 245].

- ****dʰeh₁i-nu-*** ‘самка млекопитающего’ (подраздел 3.3.4)

А. Палмер реконструирует семантику ‘самка’, очевидно, опираясь на индоиранские данные. В то же время в балтийских языках засвидетельствовано значение ‘беременная’, которое может дополнительно доказываться существованием прибалтийско-финского **tijneš*, ср. фин. *tiine*, ю.-эст. *tiinõh* ‘беременная (о животных)’ [Holopainen 2019: 276–277]. Напротив, значению ‘самка’ лучше соответствует семантика лат. *fēmina* ‘самка; женщина’, производного от того же корня с другим суффиксом.

- ****dʰoH-neh₂-*** ‘зерна’ (подраздел 3.3.6)

Стоит указать, что др.-инд. *dhānā́-* f. ‘жареные зерна’ употребляется в словосочетаниях с глаголом *bhrajj-*, родственным лат. *frīgō*, *-ere* и др.-греч. φρύγω [ῡ] ‘обжаривать’ (с нерегулярными фонетическими соответствиями), причем и в латыни, и в греческом соответствующие глаголы употребляются применительно к зернам ячменя или к бобовым.

- ***d^{h}or-eie/o-*** ‘держать, поддерживать’ (подраздел 3.3.7)

Семантическое развитие ‘поддерживать’ > ‘делать’ представляется, как признает и сам А. Палмер, маловероятным, поэтому сравнение лит. *darýti* с др.-инд. *dhārāyati* ‘держит, поддерживает’ следует отклонить.

- ***g^{w}oih$_{3}$-o-*** ‘жизнь’ (подраздел 3.3.14)

Реконструкция значения ‘жизнь’, по существу, обоснована основным прямым значением производящего глагольного корня в праязыке и данными иранских языков. В индоарийских и славянских языках значение данной основы другое, ср. др.-инд. *gáya-* m. ‘дом, хозяйство, семья, владение’ и др.-рус. *гои* ‘мир, дружба’, др.-чешск. *hoj* ‘изобилие’. Соответственно, можно предположить независимое образование достаточно тривиального производного во всех рассматриваемых группах.

- ***h$_{1}$uk-ie/o-*** ‘быть привычным, привыкать’ (подраздел 3.3.20)

Вслед за [LIV: 244] неточно записана древнерусская форма. Др.-рус. *вуче* представляет собой форму 2–3 л. ед. ч. аориста, а не основу и не инфинитив, поэтому инфинитив в переводе на немецкий и английский языки (соответственно ‘lernen’ и ‘to learn’) не совсем удовлетворителен.

- ***ḱeuH-*** ‘бросать, толкать, стрелять’ (подраздел 3.3.23)

Сопоставление авест. *spaiieiti* ‘бросает’, *spāta-* ‘брошенный’ с лит. *šáuti*, *-na* ‘стрелять, (диал.) ударять, швырять, толкать, пихать’ и рус. *сунуть*, *совать* и другими родственными формами является одной из важнейших этимологических находок работы. На данный момент эта этимология авестийского слова кажется наиболее обоснованной.

- ***kseud-*** ‘уменьшать; распылять’ (подраздел 3.3.31)

Судя по семантическому распределению значений, ст.-слав. *хоудъ*, рус. *худой* и другие когнаты скорее указывают на первоначальную семантику ‘злой’ или ‘плохой’, что делает сомнительным принимаемое и А. Палмером традиционное сравнение с др.-инд. *kṣudrá-* ‘мелкий, крошечный’ < *kṣud-* ‘толочь, топтать, дробить’.

- ***k^{w}er-*** ‘колдовать’ (подраздел 3.3.32)

Следует отметить, что семантической параллелью для развития ‘делать’ > ‘колдовать’ может служить не только др.-греч. πρᾶξις f.

‘дело, действие; магическое действие, чары’. В русских диалектах глагол *делать* часто имеет значение ‘колдовать’ [ССГ, 3: 114–115]. Как показывает латинское выражение *rem diuinam facere* ‘совершать священнодействие’ и значение ‘жертвовать’, отмечаемое для глагола *facere* [OLD: 669], в таких случаях значение ‘колдовать’, ‘творить чары’ могло развиваться через промежуточные ступени.

- ***pelH-ou-** ‘полова, мякина’ (подраздел 3.3.41)

Г. Кронен на основании привлечения швейц. нем. *Felb* f. ‘мякина’, зенслердойч *Fälbe* f. pl. ‘мякина, отходы обмолота (используемые как корм для скота)’, валлисск. *Fälwe* f. pl. ‘мякина, шелуха, колосковые чешуйки’ реконструирует прагерм. **fel*(*e*/*a*)*wō*- и возводит к рассматриваемой праформе **pelH-ou*- [Kroonen 2026: 399]. Данное обстоятельство доказывает, что рассматриваемая индо-славянская изоглосса не является уникальной.

- ***uolo-** ‘конский волос’ (подраздел 3.3.50)

Гипотеза А. Палмера о субстратном происхождении этого слова выглядит спорной. Маловероятно, что индо-славяне как индоевропейская группа, знакомая с одомашненной лошадью и предположительно распространившая коневодство в различные регионы, заимствовали обозначение конского волоса или хвоста из какого-либо другого языка. Более правдоподобным представляется предположение о родстве основ **uolo*- ‘конский волос’ и **uolḱ-o*- ‘волос’ (см. подраздел 3.3.49), хотя такая этимология, разумеется, не является единственно возможной.

- ***kenH-** ‘копать’ (подраздел 3.4.22)

Следовало бы, как представляется, указать на тот факт, что напрямую сравнивать др.-инд. *khaní*- ‘роющий; шахта’ и лит. *kìnis* m. ‘логовище, логово’ с формальной точки зрения проблематично, потому что лит. *kìnis* должно продолжать праформу **kn̥H-is* с нулевой ступенью, а в древнеиндийском можно реконструировать полную ступень. В древнеиндийском языке также засвидетельствованы формы *khāni*- и *khānī*- с рефлексами в более поздних индоарийских языках [CDIAL: 204].

- ***nis-tio-** ‘(находящийся) снаружи’ (подраздел 3.4.29)

А. Палмер представляет семантическое обоснование обсуждаемой этимологии для праславянской основы **ništь* следующим образом:

‘находящийся снаружи’ > ‘находящийся вне общества и поэтому обездоленный’ (с. 141)[6]. Он, безусловно, исходит из семантики древнеиндийской основы *níṣṭya-* ‘внешний, зарубежный, странный’. Однако предложенная мотивация выглядит излишне усложненной и спекулятивной. Кроме того, сам переход в праславянском языке в основе ***ništь*** от значения ‘чужак, изгой’ к ‘нищий, бедный’ сомнителен. Представляется более простым решением исходить из значения ‘без’, также засвидетельствованного для др.-инд. *nis-*. В таком случае формально одинаково устроенные индоиранские и славянские основы могли иметь несколько разную мотивацию, что объясняет разницу в их значении.

Если говорить об общей оценке работы, она оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, это качественное и профессиональное исследование. В нем содержится ряд заслуживающих внимания наблюдений и ценных новых этимологических решений. А. Палмер собрал внушительный свод индо-славянских изоглосс и в целом достаточно убедительно его интерпретировал, поэтому дальнейшие исследователи диалектного членения праиндоевропейского должны будут учитывать эту работу.

С другой стороны, не все этимологические решения автора представляются верными, а его суждения относительно весомости установленных изоглосс кажутся слишком оптимистичными. Наиболее критичен тот факт, что методология, которая разработана на данный момент, не позволяет делать убедительные обобщения на имеющемся материале, а перечень изоглосс, которые можно считать правдоподобными, чрезвычайно краток (из пяти предложенных автором остается в лучшем случае две или три). Соответственно, с моей точки зрения, монография А. Палмера не доказывает существование индо-славянской общности, а тому исследователю, который желал бы вопреки таким данным обосновать индо-славянскую подгруппу, следовало бы предоставить по крайней мере частичную непротиворечивую индо-славянскую реконструкцию. В то же время я скептически смотрю на существование как индо-славянской подгруппы, так и любых других крупных подгрупп в составе узкоиндоевропейских языков (за исключением индоиранской). Наличие пересекающихся иннова-

[6] «‘being outside’ > ‘being outside the community and therefore destitute’ > ‘poor, destitute’» (с. 141).

ций между многими из них, на мой взгляд, указывает скорее на существование различных диалектных ареалов, образовавшихся после распада позднеиндоевропейского праязыка и менявшихся в пространстве и времени в связи с миграциями отдельных индоевропейских народов.

Список условных сокращений

авест. — авестийский; англ. — английский; валлисск. — валлисский диалект немецкого языка; готск. — готский; греч. — древнегреческий; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-рус. — древнерусский; др.-чешск. — древнечешский; и.-е. — индоевропейский; лат. — латинский; лит. — литовский; нем. — немецкий; прагерм. — прагерманский; праслав. — праславянский; рус. — русский; ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий; ст.-слав. — старославянский; фин. — финский; швейц. (швейц. нем.) — швейцарский немецкий диалект; эльзасск. нем. — эльзасский немецкий диалект; ю.-эст. — южноэстонский.

f. — женский род; m. — мужской род; n. — средний род; pl. — множественное число.

Литература

Бернштейн 1961 — С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Мейе 1951 — А. Мейе. Общеславянский язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1951.

Порциг 1964 — В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. Л. Ю. Брауде, В. М. Павлов (пер. с нем.), А. В. Десницкая (ред.). М.: Прогресс, 1964.

РЭС, 4 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 4: *боле — бтарь*. М.: Знак, 2011.

ССГ, 3 — А. И. Иванова. Словарь смоленских говоров. Вып. 3: *Г — Д*. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт им. Карла Маркса, 1982.

Старостин 2007 — С. А. Старостин. О доказательстве языкового родства // С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 779–793.

Эндзелин 1911 — Я. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1911.

ЭСРЯ, III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III: *Муза — Сят*. 2-е изд. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.

Arntz 1933 — H. Arntz. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1933.
CDIAL — R. L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London: Oxford University Press, 1966.
Clackson 1994 — J. Clackson. The linguistic relationship between Armenian and Greek. Oxford: Blackwell, 1994.
EWA, I — M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I. Bd. Heidelberg: Carl Winter, 1992.
Hamp 1981 — E. P. Hamp. Ἀγοστός, ἀγείρω // Živa antika. 1981. Vol. 31. P. 83–84.
Holopainen 2019 — S. Holopainen. Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion. PhD dissertation. Helsinki: University of Helsinki, 2019.
Klimas 1967 — A. Klimas. Balto-Slavic, or Baltic and Slavic? (The relationship of Baltic and Slavic languages) // Lituanus. 1967. Vol. 14. No. 2. P. 5–37.
Klimas 1973 — A. Klimas. Baltic and Slavic revisited // Lituanus. 1973. Vol. 19. No. 1. P. 7–26.
Kroonen 2026 — G. Kroonen. Three allemanic etymologies: Swiss German *Cheib* ‘cadaver’, *Felb* ‘chaff’ and *Nidel* ‘cream’ // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2026. Vol. 85. No. 4. P. 397–402. DOI: 10.1163/18756719-12340376.
LIV — M. Kümmel, H. Rix (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. 2. Auflage. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 2001.
Neri 2013 — S. Neri. Zum urindogermanischen Wort für ‚Hand‘ // A. Cooper, J. Rau, M. Weiss (eds.). Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2013. P. 185–205.
ME — K. Mühlenbach, J. Endzelin (eds.). Lettisch-deutsches Wörterbuch. I–IV. Riga: Herausgegeben von lettischen Bildungsministerium, 1923–1925.
Meillet 1908 — A. Meillet. Les dialectes indo-européens. Paris: Champion, 1908.
OLD — P. G. W. Glare (ed.). Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1982.
Porzig 1954 — W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Carl Winter, 1954.

References

Arntz 1933 — H. Arntz. *Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslawisch*. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1933.
Bernstein 1961 — S. B. Bernstein. *Ocherk sravnitelnoy grammatiki slavyanskikh yazykov* [A comparative grammar outline of the Slavic languages]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.

CDIAL — R. L. Turner. *A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages*. London: Oxford University Press, 1966.

Clackson 1994 — J. Clackson. *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford: Blackwell, 1994.

Endzelīns 1911 — J. Endzelīns. *Slavyano-baltiyskiye etyudy* [Slavic-Baltic studies]. Kharkov: M. Silberberg & Sons, Printing House and Lithography, 1911.

ESRYa, III — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary]. Vol. III: *Muza — Syat*. 2nd edn. Transl. from German and additions by O. N. Trubachev. Moscow: Progress, 1986–1987.

EWA, I — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Bd. Heidelberg: Carl Winter, 1992.

Hamp 1981 — E. P. Hamp. Ἀγοστός, ἀγείρω. *Živa antika*. 1981. Vol. 31. P. 83–84.

Holopainen 2019 — S. Holopainen. *Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion*. PhD dissertation. Helsinki: University of Helsinki, 2019.

Klimas 1967 — A. Klimas. Balto-Slavic, or Baltic and Slavic? (The relationship of Baltic and Slavic languages). *Lituanus*. 1967. Vol. 14. No. 2. P. 5–37.

Klimas 1973 — A. Klimas. Baltic and Slavic revisited. *Lituanus*. 1973. Vol. 19. No. 1. P. 7–26.

Kroonen 2026 — G. Kroonen. Three allemanic etymologies: Swiss German *Cheib* ‘cadaver’, *Felb* ‘chaff’ and *Nidel* ‘cream’. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*. 2026. Vol. 85. No. 4. P. 397–402. DOI: 10.1163/18756719-12340376.

LIV — M. Kümmel, H. Rix (Hrsg.). *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2. Auflage. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 2001.

ME — K. Mühlenbach, J. Endzelin (ed.). *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. I–IV. Riga: Herausgegeben von lettischen Bildungsministerium, 1923–1925.

Meillet 1908 — A. Meillet. *Les dialectes indo-européens*. Paris: Champion, 1908.

Meillet 1951 — A. Meillet. Obshcheslavyanskiy yazyk [Common Slavic]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951.

Neri 2013 — S. Neri. Zum urindogermanischen Wort für ‚Hand‘. A. Cooper, J. Rau, M. Weiss (eds.). *Multi Nominis Grammaticus: Studies in Classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2013. P. 185–205.

OLD — P. G. W. Glare (ed.). *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Porzig 1954 — W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Carl Winter, 1954.

Porzig 1964 — W. Porzig. *Chleneniye indoyevropeyskoy yazykovoy oblasti* [The structure of the Indo-European language area]. L. Yu. Braude, V. M. Pavlov (transl. from German), A. V. Desnitskaya (ed.). Moscow: Progress, 1964.

RES, 4 — A. E. Anikin. *Russkiy etimologicheskiy slovar* [Russian etymological dictionary]. Iss. 4: *bole — btar*. Moscow: Znak, 2011.

SSG, 3 — A. I. Ivanova. *Slovar smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Iss. 3: *G — D*. Smolensk: Karl Marx Smolensk State Pedagogical Institute, 1982.

Starostin 2007 — S. A. Starostin. O dokazatelstve yazykovogo rodstva [On the proof of linguistic relationship]. S. A. Starostin. *Trudy po yazykoznaniyu* [Studies in linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. P. 779–793.

Получено/received 05.08.2026 *Принято/accepted 14.08.2026*

Научное издание

Индоиранские языки. 2026. — Том 2. № 2. — 220 с.

Подготовка оригинал-макета
О. В. Шакиров

Корректор
В. В. Салий

Распространяется бесплатно

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru https://iling.spb.ru

Подписано в печать 05.10.2026. Формат 60×90/16.
Усл.-печ. л. 13,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Тираж напечатан 15.10.2026

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive